

Идеологии в современном мире

В книге раскрыта роль идеологии как рационально-ценностной мотивации политического поведения, рассматриваются генезис и современные формы традиционных идеологий (либерализма, консерватизма, социализма) и их российских версий, а также идеологических течений современности — умеренных (феминизма, технократизма, коммунитаризма) и радикальных (анархизма, антиглобализма, фашизма, исламизма). Анализируется взаимодействие между существующими идеологиями (дискурс). Идеологическая картина мира освещается в контексте глобальных политических процессов. Материалы книги будут полезны всем интересующимся идеологическими аспектами мирового развития. Они помогут студентам в изучении идеологических и политических процессов глобализирующегося мира, трансформационных изменений российского социума.

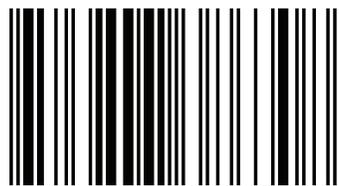
Идеологии в современном мире



Наум Сирота

Сирота Наум Михайлович, доктор политических наук, профессор. Область исследования: международные отношения, геополитика, идеологии. Основные предметы: политология, социология, история политических учений, геополитика. Государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП), профессор кафедры истории и политологии, г.Санкт-Петербург

Идеологии в современном мире



978-3-8473-8630-8

Сирота

Наум Сирота

Наум Сирота

Идеологии в современном мире

Наум Сирота

Идеологии в современном мире

Dictus Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

Dictus Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@dictus-publishing.eu

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-8473-8630-8

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2013 AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2013

Н.М.Сирота,

доктор политических
наук, профессор

ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Санкт-Петербург

2013

В книге раскрыта роль идеологии как рационально-ценностной мотивации политического поведения, рассматриваются генезис и современные формы традиционных идеологий (либерализма, консерватизма, социализма) и их российских версий, а также идеологических течений современности — умеренных (феминизма, технократизма, коммунитаризма) и радикальных (анархизма, антиглобализма, фашизма, исламизма). Анализируется взаимодействие между существующими идеологиями (дискурс). Идеологическая картина мира освещается в контексте глобальных политических процессов.

Материалы книги будут полезны преподавателям и аспирантам в практической деятельности, всем интересующимся идеологическими аспектами мирового развития. Они помогут студентам в изучении идеологических и политических процессов глобализирующегося мира, трансформационных изменений российского социума.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Природа и предназначение политической идеологии	11
1.1 Сущность и основные модели формирования политической идеологии	11
1.2 Функции политической идеологии	19
1.3 Идеологический дискурс.....	22
Глава 2. Либерализм и неолиберализм	27
2.1 Классический либерализм.....	27
2.2 Специфика неолиберализма.....	33
Глава 3. Либерализм в России	43
3.1 Эволюция русского либерализма.....	43
3.2 Современный российский либерализм	52
Глава 4 Идеология консерватизма.....	71
4.1 Понятие и сущность консерватизма как идейно-политического течения.....	71
4.2 Традиционалистское течение	73
4.3 Либертаристское течение.....	77
4.4 Неоконсерватизм.....	79
Глава 5. Консерватизм в России	89
5.1 Генезис русского консерватизма в дореволюционный период.....	89
5.2 Консерватизм русской эмиграции.....	94
5.3 Современный русский консерватизм	102
Глава 6 Политическое учение марксизма и его интерпретации	115
6.1 Теоретические источники марксизма	115
6.2 Формационная схема исторического прогресса	117
6.3 Концепция всемирно-исторической миссии рабочего класса	119

6.4 Противоречия марксизма	124
6.5 Ленинизм и большевизм	128
6.6 Троцкизм и неотроцкизм	133
6.7 Маоизм и современный китайский марксизм	135
6.8 Неомарксизм и еврокоммунизм	139
6.8 Место марксизма в истории общественной мысли	145
6.10 Современный российский коммунизм	148
Глава 7. Политическая идеология социал-демократии	155
7.1 Теоретические предпосылки социал-демократической доктрины	155
7.2 Возникновение и становление идеологии социал-реформизма ..	161
7.3 Идеино-политическая концепция «демократического социализма» и ее эволюция	165
7.4 Система «социального государства»	167
Глава 8. Умеренные идейно-политические течения	177
8.1 Феминизм	177
8.2 Технократизм	181
8.3 Коммунитаризм	185
Глава 9 Радикальные идейно-политические течения	191
9.1 Анархизм	191
9.2 Антиглобализм (альтерглобализм)	197
9.3 Фашизм и неофашизм	205
9.4 Исламизм	209
Заключение	215

ВВЕДЕНИЕ

XX столетие прошло под знаком бескомпромиссной борьбы различных идеологических систем, нередко приобретающей характер «психологической войны». Его не случайно называют веком идеологий. Во второй половине XX столетия идейное противостояние антагонистических общественных систем во многом определяло основные тенденции мирового развития.

Десятилетие, последовавшее за окончанием «холодной войны» было периодом известного снижения роли идеологий как мотивационной основы политики. Распад СССР как глобального политического противника привел к частичной деидеологизации внешней политики США и ее концентрации на проблеме национальных интересов, прежде всего в экономической области. На рубеже 80-х и 90-х годов, как и в 1960-е годы, высказывались поспешные суждения об исчерпании идеологиями своих функций, их исчезновении из мировой политики и международных отношений. Широкую известность получил тезис Ф. Фукуямы о «конце истории» и сопутствующих ему ослаблению идеологических противоречий, вытеснению идеологий на периферию общественно-политической жизни.

События начала XXI века дают основания утверждать, что неопределенность в идеологической сфере, наступившая в результате завершения биполярной конфронтации, сменяется ростом влияния идеологических систем, новой идеологизацией, которая становится важным фактором формирования полицентрического миропорядка. Доказательством тому служат следующие реалии.

Большинство идей, рожденных в предыдущие столетия, не утратили своего научного и идеологического значения, хотя и могут рассматриваться как этапы в становлении мировоззренческих систем, формы, в которые облекалась философская и политологическая мысль, претендовавшая на объяснение и преобразование мира в сравнительно недалеком прошлом. Идеологические процессы инерционны, и их продолжительность измеряется активной общественной деятельностью целых поколений.

Глобальным экономическим, социокультурным и национально-этническим сдвигам, сопровождающим переход к постиндустриализму, сопутствуют идейные и идейно-политические трансформации, изменения в содержании наиболее влиятельных идеологий, функционально задействованных в политических системах государств, в международной политике и транснациональных политических процессах.

Противоречия глобализации дали мощный импульс кристаллизации и усилению влияния ряда идейно-политических течений, еще недавно пользовавшихся ограниченной поддержкой социума (экологизм, феминизм, коммунитаризм), и стимулировали появление антиглобализма - идейно-политического течения, синтезировавшего демократические, левые и альтернативистские идеи.

Обозначилось намерение политического класса стран Запада и прежде всего США выдавать либерально-консервативные идеи за концептуальную основу универсальных моделей организации социального устройства отдельных государств и мирового сообщества в целом; в то же время все более широкое распространение получают антиамериканские и антилиберальные ориентации, ужесточается идейно-политическое сопротивление глобализму.

Усиливается тенденция к соединению идеологии с геополитикой и геостратегией. Особенно отчетливо она проявляется в либерально-прагматических идеологемах «демократизации мира» как средства обеспечения национальной безопасности США, «гуманитарных» и «превентивных» интервенций с целью защиты прав человека, «оси зла» и «государств-изгоев» как главной угрозе миру и стратегической необходимости ее нейтрализации. Органическое соединение идеологии и геополитики характерно для работ одного из крупнейших современных политических мыслителей Зб. Бжезинского, в течение второй половины XX – начала XXI века плодотворно разрабатывающего государственную идеологию США – идеологию американизма.

Идейные ценности являются важнейшим компонентом «мягкой силы» как одной из ключевых составляющих могущества и возможностей государств. Информационно-идеологическая и культурная экспансия Соединенных Штатов служит средством реализации их стремления к мировому лидерству. Не случайно известные политики неоднократно заявляли о важности для Соединенных Штатов развернуть идеологическое наступление во имя продвижения американских ценностей по всему миру.

В последние десятилетия резко активизировался радикальный исламизм – идеологическое течение, отразившее энергетику озлобленной и обездоленной части мусульманского населения, рассматривающего Запад как первопричину своей отсталости и

приниженности. Исламо-экстремизм стимулируют и такие факторы, как арабо-израильский конфликт, иностранные вторжения на территорию исламских государств (будь то американское в Ирак или советское в Афганистан), навязывание арабскому миру стандартов либеральной демократии. Исламо-экстремизм завоевал популярность в массах своей напористостью, простотой и доступностью проповедуемых догм и способов решения общемусульманских и глобальных проблем. Его адепты ставят своей задачей создание халифата, охватывающего не только мусульманские страны, но и территории с компактным проживанием мусульман.

Рост интереса к идеологической проблематике наблюдается в российском научном сообществе. Дискутируется вопрос о необходимости и возможности разработки объединяющей идеологии для современной России. Некоторые ученые видят в ней фактор достижения консенсуса по основным направлениям реформирования страны, цивилизационного и политического самоопределения¹. Их оппоненты, на наш взгляд, резонно обращают внимание на невозможность выработки единого идейного вектора для подавляющего большинства нации при существующих в настоящее время разбросе мнений и остроте споров. Задача эффективного государства, считают они, состоит в создании благоприятных условий для длительного и противоречивого взаимодействия различных субъектов всех сфер жизни, которое может стать средой, способной постепенно формировать национальную идею².

Нередки и высказывания в пользу выдвижения некоей консолидирующей идеи для российского общества. Но такая идея обычно возникает в государствах, претендующих на особую, мессианскую роль в мире (США, СССР), или порождается стремлением правящих кругов объединить разобщенное население против внутренних и внешних врагов, как это имело место, например, в предвоенной Германии. Попытки же консолидации российского общества на базе «нового мессианства» или борьбы против «кого-то» могли бы существенно осложнить положение страны, ослабить ее позиции.

По мере осознания российской элитой необходимости перехода России от догоняющего развития к опережающему, от сырьевой экономики к инновационной общепризнанной целью и государственной стратегией страны может стать создание общества высоких технологий, способного обеспечить прочные основы для

¹См., например :Волков Ю.Г. Политическая идеология современной России //Российская историческая политология /Под ред. Кислицына С.А. Ростов на/Д. 1998; Кузнецов В.Н. Идеология: Социологический аспект. Учебник. М., 2005; Славин Б.Ф. Россия в поисках идеологии //Свободная мысль. 2008. №5.

² См.: Лукин В.П. Глобальная роль России и европейская идентичность // Россия в глобальной политике. Т.6. №1. Январь-февраль. 2008 С.8-9.

постиндустриального прорыва и обретения глобальной конкурентоспособности. При таком сценарии возможно возникновение условий для выработки основной идеи, консолидирующей нацию. С нашей точки зрения, этой роли в наибольшей степени соответствует идея инновационного развития страны.

Все вышеизложенное определяет научную и политическую актуальность обращения к проблеме места и роли идеологий в современном мире, их влияния на трансформацию международных отношений и формирование полицентрического мироустройства.

В последние годы глобальные идеологические процессы как фактор мирового развития являются в основном предметом анализа западной политической науки¹. Исследования этой проблематики отечественными учеными пока малочисленны². В российском образовательном пространстве единичны работы, посвященные комплексному обобщению знаний о политических идеях и идеологиях³.

В работе раскрывается содержание наиболее влиятельных мировоззренческих систем, предпринимается попытка осмысления идеологического измерения мировой политики в контексте глобализации. В той мере, в какой это представляется необходимым для освещения проблематики, рассматриваются другие аспекты идеологоведения – методологические (природа идеологических явлений, методы их выявления и описания, подходы к анализу) и

¹ См., например: Heywood A. Political Ideologies. An Introduction. L-n: Macmillan Press LTD. 1998; Contemporary Political Ideologies / Ed. by R.Eatwell. N.Y., L-n: Continuum. 1999; Freedon M. Editorial: Ideology at Century's End // Journal of Political Ideologies. Oxford. 2000. Vol.5.N1; Run C.G. The Ideology of American Empire // Orbis. 2003. N3. Calahan P. Logics of American Foreign Policy: Theories of America's World Role. N.Y.: Pearson Longman. 2004.; Baran Z. Fighting the War of Ideas // Foreign Affairs. 2005. N6. November/December; Fenstein M., Kenny M. Political Ideologies. Oxford University Press. 2005; Steger M. Ideologies of Globalization // Journal of Political Ideologies. 2005. Vol.10. N1. Baradat L. Political Ideologies: Their Origins and Impact. 9 th. Ed. New Jersey: Pearson/Prentice Hall. 2006; Freedon M. Editorial: Thinking politically and thinking ideologically // Journal of Political Ideologies. 2008. Vol.13. N1; Stanley B. The Thin Ideology of Populism // Journal of Political Ideologies. 2008. Vol.13. N1; Freedon M. Editorial: What Fails in Ideologies? // Journal of Political Ideologies. 2009. Vol.14. N1. Шварцмантель Д. Идеология и политика / Пер. с англ. Харьков, 2009

² См., например: Косолапов Н.А. Идеология и международные отношения на рубеже столетий. Глава 11.- Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002; Громовик В. «Идеология» и «идеологии» как предмет научного анализа М., 2004; Борисюк В. Политические идеи и идеологии постиндустриальной цивилизации // Мировая экономика и международные отношения. 2004. №7; Войтоловский Ф. Идеологические рефлексии мировой политики // Международные процессы. 2007. Т.5. №3(ф5). Сентябрь-декабрь; Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка (1940-2000 годы). М., 2007; Богданов А.Н. Внешнеполитическая идеология США и современный мировой порядок. СПб., 2012.

³ См., например: Макаренко В.П. Главные идеологии современности: Учеб. для гуманитар. вузов. Ростов на/Д., 2000; Алексеева Т.А. Современные политические теории: Курс лекций. М., 2007; Сирота Н.М. Политические идеологии: генезис и современные формы. Учебное пособие. СПб., 2009; Сирота Н.М. Идеология и политика: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2011.

функциональные (место идеологий в идеологическом спектре, роль и функции).

Целевая установка издания предопределила следующую его структуру. В теме I излагается общая методология изучения политических идеологий в их классических и современных формах. В темах II – VII рассматриваются принципиальные особенности и современные версии метаидеологий – либерализма, консерватизма, марксизма и социал-демократизма. В заключительных темах - VIII и IX раскрыто содержание умеренных и радикальных идейно-политических течений прошлого и современности, показано их воздействие на мировое развитие¹.

Автор стремится ознакомить читателя с широким спектром идеологических позиций глобализирующегося мира и их влияния на политические процессы, стимулировать самостоятельный анализ существующих взглядов и концепций, формирование политических и идейных предпочтений. Работа может быть востребована в высшей школе для изучения комплекса идеологий и представлений об основных подходах к ключевым проблемам современности, способствуя тем самым политической социализации будущих специалистов.

¹ Предложенная в работе классификация идейно-политических течений носит условный характер, поскольку в рамках умеренного течения феминизма имеется радикальное направление, а часть приверженцев радикального течения – антиглобализма придерживаются относительно умеренных взглядов.

ГЛАВА 1. ПРИРОДА И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

1.1 СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Наиболее общей категорией, характеризующей субъективную сторону политики, является политическое сознание. Оно охватывает ценности, убеждения, эмоции людей, определяющие их поведение в сфере политических отношений. От политического сознания зависит содержание и характер политического процесса.

Основными формами существования политического сознания являются политическая идеология и психология. Политическая деятельность определяется прежде всего системой взглядов, отражающих интересы людей. Эти интересы осознаются и в других формах – религии, искусства, науки и т.д., но идеологическое отражение действительности наиболее непосредственным образом связано с политикой.

Термин «идеология» древнегреческого происхождения и буквально означает «учение об идеях. Впервые в научный оборот этот термин был введен в конце XVIII века Антуаном де Траси, одним из последних представителей поколения французских просветителей. В многотомном сочинении «Элементы идеологии» (т.1-4, 1805-1815) он охарактеризовал идеологию как «науку об идеях», которая должна быть такой же точной, как и все естественные науки, служить средством воспитания гражданских добродетелей, обеспечивающих стабильность общества. По мнению де Траси, в мировосприятии людей коренятся логические и психологические основы политики.

Де Траси был лидером организации под названием Институт, объединявшей видных философов того времени, которые считали, что идеология должна «изменить лицо мира». Вступивший в эту организацию в 1797 г. Наполеон Бонапарт впоследствии, 20 декабря 1812 г., публично осудил «первых идеологов», списав на идеологию все свои политические ошибки. С тех пор понятие «идеология» приобрело прежде всего политическую окраску и начало применяться в негативном смысле, поскольку ассоциировалось с внушением, навязыванием и поддержанием диктата и принуждения.

Появление понятия «идеология» в конце XVIII века не означало отсутствия до этого времени идеологии как таковой. Ведь потребность в ней как рациональной основе политики испытывали все общества. Можно полагать, что до европейской секуляризации (эпоха Просвещения) роль идеологии на протяжении столетий выполняла религия.

Формирование идеологий связано с процессом модернизации – переходом человечества от традиционного общества к современному. Этот процесс начался в XV-XVIII и в XIX-XX веках охватил всю планету.

К числу ученых, занимавшихся историей идей непосредственно до возникновения термина «идеология», обычно относят таких французских просветителей, как Кондильяк, Д. Дидро, Гольбах, К. Гельвеций, П. Ламетри. Мощным импульсом к становлению ведущих идеологий был дан Великой французской революцией и полемикой по поводу ее последствий для человечества.

В XIX – XX веках О. Контом, К. Марксом, Э. Дюркгеймом, М. Вебером, В. Парето, К. Мангеймом, Т. Парсонсом и другими учеными исследовались такие аспекты проблематики идеологии, как ее природа, соотношение с наукой, взаимодействие с другими сферами жизни общества. Появился даже термин «идеологоведение». В дальнейшем в науке сложились разные взгляды на идеологию как объект научного анализа.

В работах создателей марксистской теории термин «идеология» в зависимости от контекста использовался в трех значениях: 1) сознание определенного класса в целом; 2) теоретическое сознание; 3) ложное, извращенное сознание, порожденное противоречиями производственных отношений.

Марксизм исходит из обусловленности идеологических доктрин материальными условиями жизни общественных групп. В зависимости от места, которое занимает группа в общественных отношениях, ее идеология является научной или нет. Согласно марксизму, идеология научна, если выражает классовые интересы, совпадающие с ведущими тенденциями общественного развития. Естественно, рассматривалась как научная идеология рабочего класса, которому отводилась роль освободителя человечества от эксплуатации.

Ф. Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке» (1880) обосновывал научность социализма двумя теоретическими открытиями марксизма – материалистическим пониманием истории и теорией прибавочной стоимости. Термин «научная идеология» применительно к марксизму был введен В. И. Лениным в работе «Что делать» (1901-1902), где он охарактеризовал социализм как идеологию классовой борьбы пролетариата, основывающуюся на всем материале человеческого знания, предполагающую высокое развитие науки, требующую научной работы и т.д.

Такой подход к идеологии доминировал в СССР, претерпевая незначительные изменения и уточнения в основном фразеологического характера. Марксистская идеология обычно именовалась пролетарской, революционной, прогрессивной, научной

и т.д. Все немарксистские направления политической мысли определялись как буржуазные, империалистические, мелкобуржуазные, реакционные, иллюзорные, ложные и т.д.

Э. Бернштейн еще в начале XX века доказывал невозможность существования «научного социализма» по следующим причинам. Во-первых социализм – результат классовой борьбы пролетариата против буржуазии, т.е. столкновения их интересов. В этой борьбе главным является защита интересов класса и партии, но не принципов познания. Во-вторых социал-демократия, ставя в качестве цели социалистического движения создание идеального общественного строя, до известной степени превращает социализм в утопию. В-третьих, социализм как революционное движение, направленное на достижение социальной справедливости, в отличие от науки не может не быть тенденциозен¹.

Исходя из этих соображений, Э. Бернштейн считал предпочтительным вместо термина «научный социализм» использовать другое понятие, которое могло бы достаточно ясно выразить ту мысль, что социализм зиждется на научных основах, признает науку своим конституирующим элементом, но при этом не претендует на статус научного знания.

В отличие от марксистского экономического детерминизма в трактовке идеологии Макс Вебер (1864 – 1920) обращал внимание на взаимообусловленность связей между материальной сферой и мировоззренческими системами. Он писал: «Интересы (материальные и духовные), а не идеи господствуют непосредственно над деятельностью; но «образы мира», создаваемые «идеями», очень часто служили стрелками, указывающими путь, по которому действия были движимы динамикой интересов»¹.

Итальянский мыслитель Вильфредо Парето (1848 - 1922), не отрицая социальную обусловленность идей и концепций, тем не менее акцентировал внимание на необходимости выработки таких мировоззренческих систем, «чтобы то, что из них логически следует, не вступало в противоречие с условиями реальной жизни»².

В формировании мировоззренческих доктрин, предписывающих взгляды на окружающий мир, В. Парето отводил значительную роль факторам иррационального характера и прежде всего доминирующим в обществе устойчивым чувствам. По его мнению, эти чувства и составляют базовую основу наиболее распространенных идей.

Внимание ученого привлекали такие проблемы, как трансформация мировоззренческих доктрин под воздействием ментальности народов,

¹ См.: Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? //Полис. 1991. №4

¹ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Мистика, религия, наука. М.: Канон+. 1998. С.248.

² Парето В. Социалистические системы // Теоретическая социология. Антология. В 2-х ч. Ч.1 / Под ред. Баньковского С.П. М.: Кн.дом «Университет». 2002. С.259.

специфика мировосприятия идейных форм разными социальными слоями. Он полагал, что интерес низших слоев к социалистической идее, которая зиждется на чувстве сострадания к бедам ближних и поиске способа избавления от подобных бедствий, предопределяет «желание покончить со своими бедами, овладев теми благами, которыми пользуются люди из высших слоев, порой это также зависть, жажда иметь то, что есть у других»³.

В западной политической науке преобладают интерпретации идеологии как надисторического явления, существующего вне зависимости от социальных и политических условий.

Чаще всего идеологию характеризуют как систему ценностей и предпочтений (Д. Истон, М. Дюверже и др.). Благодаря ценностям осуществляется процесс дифференциации и иерархизации объектов по степени их значимости, что необходимо для стимулирования человеческих действий.

Д. Шварцмантель понимает идеологию преимущественно в инструментальном плане – как «совокупность нормативных идей, которые формируют идеал и призваны обеспечить массовую поддержку этих идей через «агитацию»⁴.

Принципиальной позицией многих ученых является категорическое разведение идеологии и науки, отрицание у идеологии познавательных функций.

М. Вебер относил идеологию, как и другие мировоззренческие и религиозные образования, к области веры, отрицая тем самым саму постановку вопроса о ее научности. Как веру расценивает политическое мировоззрение и современный политолог У. Матц¹. Он считает, что идеологии не являются порождением социальных процессов, а сформированы интеллектуалами определенных социальных групп, навязаны ими западным обществам и нашли отклик прежде всего в мифологической составляющей общественного мнения².

Вслед за М. Вебером К. Мангейм рассматривал любую идеологию как неадекватное отражение действительности, как совокупность ложных представлений, обусловленных социально-историческими обстоятельствами, особенностями познания действительности, интересами познающего субъекта. Зарождение феномена идеологии он связывает с трудами английского мыслителя Ф. Бэкона (учение об «идолах разума») и обнаруживает ряд высказываний об идеологическом искаженном сознании в работах Н. Макиавелли и

³ Там же. С.287-288.

⁴ Шварцмантель Д. Идеология и политика / Пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2009. С.49.

¹ Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна //Полис. 1992. №1-2. С.130-131.

² Там же.. С.133-134

Юма³. Вместе с тем К. Манхейм уделял большое внимание функциональным характеристикам идеологии, и, в частности, ее способности сплачивать людей, аккумулировать их политическую энергию.

Подход к феномену идеологии американского ученого С. Зизека можно рассматривать как своеобразную форму его критики. Анализируя взаимосвязь политики и идеологии, он понимает идеологию как систему идей, концепций и верований, претендующих на истинность, но на самом деле служащих определенным политическим интересам. Причинами искаженного отражения действительности теми или иными идеями, по его мнению, могут быть либо осознанное или неосознанное влияние совокупности общественных отношений, либо политические интересы создателей или приверженцев этих идей. Задачу исследователя С. Зизек видит в выявлении скрытого политического подтекста идеологий через различные симптомы (противоречия, умолчания, оговорки и пр.)⁴.

Трактуя идеологию как систему ложных идей, искажающих и мифицирующих действительность в интересах определенных социальных групп, известные западные социологи Р. Арон, Д. Белл, С. Липсет, К. Поппер, Э. Шиллз и др. предприняли попытку ее отрицания как механизма социальной регуляции. В 50-е годы они выдвинули концепцию «деидеологизации», которая основывалась на позитивистском тезисе о снижении значимости идеологических систем в связи с возрастающим влиянием науки на общественные процессы. По мнению адептов этой концепции, в условиях зрелого индустриального общества, где достигнуто общенациональное согласие и обеспечено сотрудничество интеллигенции с институтами власти, место идеологий как ценностного регулятора деятельности людей заняла «чистая», неангажированная социальная наука. Деидеологизация была одним из аспектов технократических теорий «индустриального общества» и конвергенции мировых общественных систем.

В 70-е годы под воздействием обострения социальных конфликтов на Западе создатели концепции «деидеологизации», утверждавшей неизбежность «заката», «конца» идеологий, радикально пересмотрели свои взгляды на перспективы феномена идеологии. Ими была разработана концепция «реидеологизации», которая исходила из того же основного посыла, что и концепция «деидеологизации», - о несовместимости идеологии и науки, но в противоположность последней обосновывала возрастающую роль социальных идей в современном мире. Одной из главных причин появления концепции

³ Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994.

⁴ Zizek S. The Spectre of Ideology / Mapping Ideology. Ed. Zizek S. N.Y., 1994.

«реидеологизации» явилась необходимость идеологически противостоять коммунистической идеологии.

В настоящее время существует несколько версий реидеологизации. Либеральная версия ориентирована на создание «глобальной», «вселенской» идеологии как основы планетарного единства, средства примирения противоборствующих идеологий. По мнению неоконсерваторов, «возрождение духа» предполагает обращение к забытым, утраченным ценностям и традициям. Леворадикальная версия акцентирует внимание на поиске альтернативных форм сознания и путей общественного развития.

Таким образом, единого представления об идеологиях не существует. Представляется обоснованной следующая констатация отечественного исследователя Т. А. Алексеевой: «Среди всех «сущностно оспариваемых» и крайне противоречивых концепций социальных и гуманитарных наук концепция «идеологии» находится в верху списка наряду с такими понятиями как «общество», «группа», «власть», «дискурс», «разум» или «знание»¹.

Большинство ученых определяют идеологию как систематизированную совокупность идей, выражающих интересы, цели и намерения больших социальных групп – классов, наций, партий и т.д. Идеология как разновидность корпоративного сознания отражает групповую точку зрения на политическое и социальное развитие. Она предназначена для внедрения в массовое сознание соответствующих критериев оценки настоящего и будущего развития общества.

Любая идеология носил политический характер, но понятие *политическая идеология* употребляется в специфическом смысле – для характеристики рационально-ценностной мотивации политического поведения и мировоззренческой основы политики. Политическая идеология обосновывает притязания общественных групп на власть и ее использование и потому предусматривает определенную стратегию действий. Она конкретизируется в программных документах партий, в заявлениях различных политических сил, обретая четкость, направленность на конкретные ситуации и властные механизмы².

Перечисленные особенности политической идеологии свойственны прежде всего либерализму, консерватизму, марксизму, социал-

¹ Алексеева Т. Насилие и демократия в политике США // Международные процессы. Т.6. №12(17). Май-август 2008. С.18.

² Согласно интерпретации политической идеологии известным американским ученым К.Фридрихом, «это целостная система идей о политических средствах для сохранения или преобразования политического порядка... Это система идей, связанных с действием. Обычно они содержат программу и стратегию для их реализации вместе с главной функцией объединения организаций, выстраивающихся вокруг них... Это совокупности идей, которые относятся к существующему политическому и общественному строю и нацелены на то, чтобы изменить либо защищать его» (Цит. по: Политология: Учеб. /А.Ю.Мельвил и др. М., 2005. С.471)

демократизму, анархизму, фашизму. В меньшей степени они характерны для экологизма, пацифизма, феминизма.

Связь между идеологией и политикой достаточно сложна и не всегда поддается анализу. Фрагментация обществ сужает возможности политики, основанной на идеологии, направлять развитие общества по сценарию, предусмотренному этой идеологией.

Специфика внешнеполитической идеологии как социального феномена состоит в отражении относительно самостоятельного вида взаимодействий в системе международных отношений. Она включает в себя идеи и представления одних акторов мировой политики в отношении других и международной среды в целом, целевые и пропагандистские установки, рассчитанные на перспективу.

Внешиполитическая идеология государств лежит в основе их внешнеполитического курса, определяет образ действия в международных отношениях. Формулируется в государственных документах и прежде всего в доктринах.

Существуют четыре основные модели формирования политической идеологии.

Первая – *модель конденсации*. Механизм этой модели состоит в том, что в результате своеобразной конденсации испарений массового сознания присущие ему представления трансформируются в идеологические структуры (например, идеология тред-юнионизма, экологизма, феминизма).

Вторая модель – *интегративная*. Для нее характерны синтез, конвергенция различных идей и представлений существующих идейно-политических течений (например, неолиберализм, неоконсерватизм).

Третья модель – *дивергентная*. В этом случае формирование новой политической идеологии происходит в результате дезинтеграции, расщепления существующей идеологии. Так, на базе марксизма возникли большевистская и социал-демократическая идеология и политическая практика.

Четвертая модель – *ревитализации* идеологий, в результате которой происходит возврат к старым идеям, их возрождение в модифицированной форме (например, попытки возврата к истокам, марксизма, консерватизма и т.д.).

Следует отметить, что выделение этих моделей носит условный характер. В реальном процессе генезиса идеологий они нередко сочетаются и не встречаются в чистом виде. Вместе с тем знание этих моделей может помочь исследованию механизма возникновения идейных течений.

Существующие в мире политические идеологии могут быть классифицированы на основании разных критериев:

1) по классовому содержанию;

2) по парадигмам, т.е. предлагаемым моделям общества;

3) по степени охвата ими политических реалий.

Характерный для марксизма классовый подход к различению идеологий в значительной степени устарел в связи с тем, что все многообразие идейно политических доктрин не может быть сведено к конфронтации буржуазного и пролетарского мировоззрения. Основной и наиболее многочисленной группой в современных обществах является средний класс, составляющий большинство населения. Кроме того, существуют идейные воззрения разных групп общества, не консолидировавшиеся в идеологии. Все это усложняет классификацию идеологий на основании классового критерия.

В соответствии со вторым критерием политические идеологии различаются на правые, центристские и левые. Правые идеологии (либерализм, консерватизм и их модификации) ориентированы на такую модель общества, которая основывается на принципах демократии и рыночной экономики. Левый политико-идеологический спектр составляют идеологии, для которых социальный прогресс сводится к достижению равенства и социальной справедливости, созданию условий для всестороннего развития личности. Влиятельная левая идеология – марксизм связывает возможность реализации коммунистического идеала с применением радикальных, насильственных способов преобразования общества.

Как левая идеология под воздействием марксизма возник социал-демократизм. Последующая эволюция этой идеологии привела ее к отказу от идеи революционного осуществления социальных преобразований, к ориентации на реформы как единственно целесообразный способ достижения равенства и справедливости. Последние трактуются не как равенство результатов, а равенство стартовых возможностей и шансов для самореализации индивидов. Происшедшая за более чем столетие трансформация базовых принципов и целей социал-демократизма превратила его в идеологию центристского характера.

Исходя из идеологических представлений, российские партии идентифицируют себя либо с правой политической ориентацией (Правое дело) и правоцентристской («Единая Россия»), либо с левой (КПРФ и другие коммунистические и социалистические организации) и левоцентристской ориентацией («Справедливая Россия», социал-демократы).

Изменение и обновление идеологий, появление множества идеологических течений вызывают необходимость в разработке новых критериев классификации этого духовного феномена наряду с дихотомией «правые-левые».

С учетом охвата идеологиями политических реалий они могут делиться на метаидеологии, претендующие на объяснение глобальных

социальных и политических процессов, и частные, затрагивающие отдельные конкретные аспекты политического бытия общества и личности. К первой категории следует отнести либерализм, консерватизм, социализм. Ко второй – анархизм, национализм, экологизм, феминизм, коммунитаризм, различные формы религиозно-политической идеологии, фашизм и неофашизм и др. Со временем частные идеологии могут трансформироваться в глобальные.

Кроме масштабности видения основных аспектов любого общества и способов его организации различия между идеологиями состоят и в том, что классические идеологии предполагают активность, осуществляемую через деятельность партий, а частные, особенно так называемые «новые» идеологии (антиглобализм, экологизм, коммунитаризм) отдают предпочтение общественным движениям и сконцентрированы на достижении более ограниченных политических целей.

1.2 ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Политическая идеология выполняет ряд социальных функций:

- самоидентификации индивидов и групп в политическом пространстве;
- легитимации власти правящих сил или права на власть оппозиции;
- артикуляции интересов групп и слоев общества;
- формулирование стратегических целей и представлений о средствах их достижения;
- мобилизации и интеграции граждан, стимулирования целенаправленных действий с их стороны;
- компенсации социальной неудовлетворенности надеждой на благополучное изменение социального бытия.

Эти функции выполняются благодаря таким свойствам идеологии, как *претензия на тотальную значимость и нормативность*. Любая идеология стремится возобладать над другими идеологиями, заявляет о своем предназначении изменить мир во имя реализации выдвинутых идей. Предлагаемые идеологиями общественные идеалы могут быть воплощены в жизнь благодаря преданности их приверженцев культивируемым ценностям и нормам.

Идеология как форма мотивации политического поведения используется в демократических системах лишь на этапах концептуализации групповых интересов. Абсолютизация роли идеологии, то есть подчинение ей нравственных, правовых, культурных и иных духовных регуляторов жизни общества, характерна для так называемых «идеократических», тоталитарных режимов.

Идеологизация политики делает ее нефункциональной, неспособной определять и решать общественно значимые задачи. Превалирование идеологических ценностей над практическо-политическими и тем более социально-экономическими целями, как известно, стало одной из причин краха тоталитарных режимов в СССР и странах Восточной Европы.

Идеологизация международных отношений в XX веке, особенно в период между 1945 и 1985 годами, означала их подчинение задачам межгосударственной борьбы по идеологическим мотивам. Мирное сосуществование социалистических и капиталистических государств рассматривалось в Советском Союзе как специфическая форма классовой борьбы на международной арене. Такой подход не раз подводил человечество к грани мировой войны.

Выход из создавшегося положения был найден в отказе от конфронтации, в деидеологизации и гуманизации международных отношений. Основными компонентами нового политического мышления являлись активный диалог различных идейных течений, возможность свободного доступа каждого народа к культурным и духовным ценностям, созданным человечеством.

С завершением холодной войны идеологическое измерение продолжает оставаться значимым актором мировой политики. Для него характерны:

- 1) доминирование западного либерализма и основывающихся на его ценностях международных институтов, играющих ключевую роль в экономике и политике;
- 2) выдвигание политико-прикладных концепций «демократизации» мира, «размывания суверенитета» и «гуманитарного вмешательства» в качестве идеологической основы для сохранения авторитарно-иерархической модели мироустройства;
- 3) растущее противодействие многих государств унификаторским тенденциям со стороны Запада и все более активное дистанцирование от него, в том числе в форме критики либерализма и западных ценностей;
- 4) использование многими негосударственными акторами разнообразных идеологий для обоснования своего видения грядущего миропорядка – от левых и постмодернистских (анархизм, неомарксизм, экологизм и др.) до консервативных (национализм, религиозный фундаментализм и др.).

Поскольку политическая идеология предназначена для целевой и идейной ориентации политического поведения, различаются следующие уровни ее функционирования.

Первый – *теоретико-концептуальный*. На нем формулируются основные положения, раскрывающие интересы и идеалы класса, слоя, нации, государства.

Второй – *программно-политический*. Здесь социально-философские принципы и идеалы переводятся в программы, лозунги и требования, формируя нормативную основу для принятия политических решений и стимулирования политического поведения граждан.

Третий – *актуализированный*. Он характеризует степень усвоения гражданами целей и принципов данной идеологии и их воплощения в тех или иных формах политического участия. Этот уровень может охватывать довольно широкий спектр вариантов усвоения идеологии – от незначительного изменения позиций до формирования глубинных мировоззренческих ориентиров.

Политическая идеология оказывает активное воздействие на общество, соединяясь с психологией людей. Практическое сознание субъекта властных отношений представляет собой *политическую психологию*.

Если идеология является продуктом теоретического сознания, то политическая психология формируется в процессе практического взаимодействия людей между собой и институтами власти. Поэтому в содержании политической психологии доминирующую роль играют чувственные и эмоциональные элементы сознания людей, которые отражают их насущные интересы. Политическая идеология, воздействуя на политическую психологию, рационализирует ее.

Инструментом распространения идеологического влияния служит пропаганда. Ее назначение заключается в целенаправленном соединении теоретического и обыденного уровней политического сознания, в формировании у людей готовности к определенному типу политического действия.

Идеологии не только влияют на политические процессы, но и сами подвергаются воздействию с их стороны. Возможны следующие варианты такого воздействия.

В одних случаях развитие идеологических воззрений, появление новых идей и концепций может опережать сдвиги и изменения в политике. В других – идеологии могут эволюционировать с учетом происходящих перемен. В-третьих, возможно инерционное состояние идеологий, обусловленное живучестью устаревших представлений, исчерпавших свою социальную функцию. Отставание идеологий от сдвигов в политической жизни и социальных изменений чревато их деградацией, что сейчас характерно, в частности, для коммунистической идеологии.

Следовательно, при рассмотрении роли и места тех или иных идеологических течений в идейно-политической жизни общества должны учитываться оба аспекта взаимодействия идеологии и политики: влияние идеологических воззрений на политику и политическую жизнь, в том числе на формирование и осуществление того или иного политического курса и, наоборот, воздействие

политических процессов на идеологические воззрения социальных общностей.

Таким образом, существование социально-структурированного общества порождает потребность в политической идеологии как систематизированном, теоретически оформленном способе социально-группового мышления, являющегося существенным элементом отношений власти.

1.3 ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Важнейшим аспектом функционирования идеологий является их взаимодействие в политическом пространстве. Это явление обозначается понятием «идеологический дискурс».

Взаимодействие идеологий, как правило, развивается в двух направлениях. С одной стороны, по линии дистанцирования и полемики с оппонентами, что усиливает напряженность в обществе. С другой стороны, по линии установления контактов между совместимыми идеологиями, способствующих сближению и даже заимствованию теоретических и программных положений, требований, лозунгов. Такие контакты обогащают содержание идейных систем и доктрин и могут способствовать укреплению политической стабильности в обществе.

Первые примеры взаимовлияния идеологий имели место еще в XIX веке. Буржуазный консерватизм воспринял либеральные новации XIX века как собственные устои, требующие защиты от посягательств радикалов, и уже имел мало общего с концепциями Э. Бёрка и - тем более - Ж. де Местра. Социальный консерватизм О. Бисмарка, проявившийся во введении системы государственного страхования по болезни, в случае увечья и пенсионного обеспечения по старости, отразил растущее влияние социалистических идей.

Европейские идейно-политические течения оказали существенное влияние на формирование отечественных либерализма и консерватизма, а взаимодействие между этими направлениями русской общественной мысли способствовало их становлению и развитию, появлению консервативного либерализма.

В XX веке процесс взаимовлияния идеологий принял еще более широкий размах. Уже в самом начале XX в. проявился агрессивный империалистический национал-консерватизм, а затем – в известной степени как его развитие – фашизм, синтезировавший националистические, консервативные и социалистические идеи. В свою очередь классический либерализм все больше превращался в

либерализм социальный, стремящийся примирить и согласовать концепции и практику свободы и справедливости.

Процесс социал-демократизации либерализма особенно интенсивно протекал в 30-е и 60-е гг. XX века. В 30-е годы он проявился в преобразовании классического рыночного капитализма в социально-рыночный. В 60-е годы социал-демократическая тенденция получила развитие в программах «новых рубежей» Дж. Кеннеди и «Великого общества» Л. Джонсона, ориентированных на создания «общества благосостояния».

Во встречном по отношению к либерализму направлении эволюционирует социал-реформизм, вобравший к середине века основные либерально-рыночные и либерально-демократические идеи, прежде всего идею свободы. Такие характерные черты социал-демократии, как стремление к обобществлению экономики и перераспределению национального дохода в пользу малоимущих, поддержка государственного регулирования, коллективизм, либо ушли в прошлое, либо подверглись серьезной корректировке.

Современная социал-демократия уже не выдвигает смену общественного строя даже в качестве отдаленной цели и ориентируется не столько на «демократический социализм», сколько на «социальную демократию». В принятой на XVIII Конгрессе Социнтерна (1989 г.) Декларации принципов рыночная экономика признается необходимой для достижения социального благосостояния, провозглашается курс на общественное регулирование в соответствии с фундаментальными ценностями солидарности и справедливости, но на основе эффективного функционирования капиталистической производственной системы.

Наконец, в последней четверти XX века доминирующие позиции в общественной жизни стран Запада занял неолиберализм, сконцентрировавший в себе основополагающие идеи переустройства общества применительно к реалиям постиндустриализма. В США он получил название неоконсерватизма.

Процесс синтезирования идеологий привел к уменьшению различий между ними и частично – к их обесцениванию. К началу XXI века кредо почти всех идеологических течений Запада стали рыночная экономика и оптимизация государственного регулирования ею, свобода, демократия права человека. Полемика по поводу этих явлений сводится преимущественно к нюансировке интерпретаций. Идеологизированная политика постепенно уступает место рационально-прагматической, движимой трезвым расчетом. Так, в Великобритании в 1990-е годы лейбористы примирились с большей частью неоконсервативных реформ – приватизаций, переустройством рынка труда и т.д., а консерваторы отказались от свойственного

тэтчеризму резко отрицательного отношения к вмешательству государства в социальные отношения.

Известный исследователь немецкого консерватизма А. А. Френкин акцентирует внимание на дискурс этой идеологии и либерализма в ФРГ: «Консерватизм противопоставляет себя либерализму. Но в то же время в консерватизме содержится определенный либеральный элемент. «Разгадка» этого реального противоречия в том, что обе концепции конкурируют, они не только выявляют слабости соперника, но и взаимодополняют одна другую»¹.

Объективные процессы синтезирования идеологий и прагматизации политики могут вызывать негативные последствия, сопровождаться издержками. В этой связи представляется резонным мнение отечественного исследователя К. Г. Холодковского: «Политический прагматизм при всей его оправданности и нарочитой трезвости чреват скрытыми до поры до времени угрозами. Он способен сделать политиков близорукими, лишит политический проект широкой перспективы, помешать ему стать вровень с углубляющимися проблемами современности. Своеобразной – и весьма опасной – имитацией политической идеологии в этих условиях может оказаться популизм, рассчитанный на аполитичную и не склонную к рефлексии массу, воспитанную поверхностной, потребительской поп-культурой»².

Идеологический дискурс протекает на *нескольких уровнях*. Он может носить характер полемики по наиболее общим проблемам всего человечества. Так, во второй половине XIX века в условиях интенсивного формирования и развития индустриального общества дискурс выражался в конкуренции социалистической и либеральной идеологии. В период с 1917 по 1945 г. дискурс проявился прежде всего в остром соперничестве между социалистической и фашистской идеологиями. После разгрома государств фашистской оси основное содержание идеологического дискурса состояло в противоборстве социалистических и либерально-консервативных идей. В идейном споре на глобальном уровне участвовала также идеология социал-демократии.

Анализируя взаимодействие социализма и либерализма, отечественный исследователь Ю. А. Красин обращает внимание на то, что в историческом процессе они как бы взаимно дополняют друг друга: «Борьба за социалистические ценности сдерживает эгоистические проявления либерального индивидуализма, вынуждает его принимать социально ориентированную окраску. В свою очередь либеральная устремленность к свободе индивида становится своего

¹ Френкин А.А. Западногерманские консерваторы: кто они? М., 1990. С.70.

² Холодковский К.Г. Противостояние «левые – правые»: анахронизм или смена координат? //Полис.2006. №6.С.86.

рода противоядием от превращения коллективистской солидарности в средство диктата над личностью, от подчинения личного общественному, что обычно свойственно практике социалистических движений. В этом взаимодействии сохраняется место и для социализма, и для либерализма. В общественной практике для каждого из течений имеются своя ниша и свои функции. В целом же развитие общественной мысли и практики происходит как никогда не прекращающееся движение к свободе и солидарности»¹.

В настоящее время главный водораздел идеологического дискурса пролегает между идейными течениями, защищающими идеалы гуманизма и демократии, и доктринами, обосновывающими насилие и террор как приоритетные методы достижения политических целей. Соответственно эволюционируют и идеологические системы. С одной стороны, сближаются политические доктрины либерализма, неоконсерватизма, социал-демократии, христианской демократии. С другой стороны, консолидируются фашистские, экстремистские, шовинистические, расистские, фундаменталистские и прочие подобные течения.

Наряду с глобальными измерениями идеологический дискурс имеет и определенные особенности на региональном и страновом уровнях. Так, в странах с устойчивыми демократическими традициями объектом идейных дискуссий являются в основном частные вопросы общественной жизни и текущей политики. В странах же, где еще не завершены процессы модернизации и национальной консолидации, дискурс носит характер острой полемики между националистическими, либеральными и социалистическими воззрениями. В России от характера этого идеологического соперничества в определенной степени зависят формы и темпы модернизации страны.

¹ Красин Ю.А. Социализм в трансформирующемся обществе //Свободная мысль.2008. №7. С.93.

ГЛАВА 2. ЛИБЕРАЛИЗМ И НЕОЛИБЕРАЛИЗМ

2.1 КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Понятие «либерализм» появилось в европейской общественно-политической литературе в начале XIX века. Оно происходит от латинского «liberalis» (свободный, имеющий отношение к свободе).

В древнеримской мифологии бог Либер соответствует древнегреческому богу Дионису, который олицетворял экстаз, энергию, избыток жизненных сил и их раскрепощение. Поэтому все определения либерализма включают в себя идеи личной свободы, не скованной рамками традиций.

При таком широком толковании либерализма его истоки видятся в глубинах истории. Так, американский философ Дж. Дьюи обнаружил ростки либерализма в «свободной игре ума», которая проявилась у выступавших на панихиде по афинскому полководцу и государственному деятелю Периклу (V в. до н.э.). Многие ученые усматривают корни либерализма в труде Аристотеля «Политика», в котором ставится вопрос о «конституционном правительстве, склонном к демократии».

Понятия «либерализм» и «либеральный» широко распространены в философской, политической и экономической литературе. Вместе с тем они не имеют определенного общепризнанного, устоявшегося содержания.

Истоки идеологии либерализма восходят к христианству, Ренессансу и ньютоновской научной революции. Классический либерализм связан со становлением капитализма в XVII – XVIII веках. Его основные постулаты сложились в антифеодальной борьбе «третьего сословия» против абсолютизма монархов и произвола церкви. Купцы, владельцы мануфактур нуждались в экономической свободе, в социальных институтах, которые обеспечивали бы им независимость от власти и церкви.

Кульминацией движения за предоставление социально-экономических свобод и прав новому классу принято считать «славную» революцию 1688 г. в Англии. Эта революция была активно поддержана крупнейшим философом XVII в. Дж. Локком (1632 – 1704), оказавшим значительное влияние на формирование либеральной общественно-политической мысли. Он разработал теорию «естественных прав», к которым относил прежде всего права человека на жизнь, свободу и собственность.

На возникновение и становление либеральных идей значительное влияние оказала протестантская этика, утвердившаяся в ходе Реформации. Она нацеливала на достижение успеха любой ценой, презрение к «чужим» и т.п. Анализ духовно-нравственных и

психологических основ становления капитализма и либерализма осуществлен в известной работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1904-1905).

Таким образом, либеральное мировоззрение восходит к Ренессансу и Реформации. Его главные теоретические постулаты заложены в работах Дж. Локка, Ш. Монтескье, Т. Джефферсона, Дж. Мэдисона, И. Канта, Г. Гегеля, А. Смита и других мыслителей. В XIX веке либеральные идеи развивались И. Бентамом, Дж. Миллем, А. де Токвилем и другими представителями западной общественно-политической мысли. Из этого далеко не полного перечня персоналий очевидно, что весомый вклад в формирование либерального комплекса идей внесли представители европейского и американского Просвещения, немецкой классической философии, европейской классической политэкономии.

Джон Локк (1632-1704), которого называют родоначальником либерализма, впервые разделил такие понятия, как «личность», «общество» и «государство», поставил личность выше общества и государства. Государство рассматривалось им как инструмент обеспечения свободы граждан и защиты их естественных прав.

Суверенитет народа, согласно Дж. Локку, выше суверенитета создаваемого им государства. Если власть нарушит общественный договор и станет неприемлемой для большинства народа, для возвращения на путь свободы правомерно восстание.

Дж. Локк впервые выдвинул идею разделения власти на законодательную, исполнительную (она же судебная) и федеративную, ведающую межгосударственными отношениями. Это, по его мнению, способно предотвратить деспотическое использование власти. Наиболее значимой Дж. Локк считал законодательную власть, определяющую политику государства.

В рамках либеральной традиции политической мысли у Шарля Монтескье (1689-1755) две основные заслуги.

Первая – это разработка теории разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Потребность в разделении властей он выводил из самой природы человека, из его склонности к злоупотреблению властью. Различные ветви власти должны взаимно сдерживать друг друга, предотвращая произвол.

Дальнейшее развитие событий показало, что принцип разделения властей нигде в полной мере не был реализован. Стало очевидным, что суд по своему влиянию уступает двум другим ветвям власти, поскольку нормы его деятельности определяются не им, а законодательной властью. Кроме того, назначение членов высших судебных инстанций осуществляется президентами и парламентом, что ограничивает независимость судей.

Вторая заслуга Ш. Монтескье – это разработка проблемы факторов, определяющих «образ правления». В главном его труде «О духе законов» обосновывается идея географической детерминированности развития общества, зависимости нравственного облика каждого народа и характера законов от физических факторов – климата, почвы, рельефа местности, величины территории. Большое значение Ш. Монтескье придавал и обратному влиянию политического фактора, прежде всего формы государственности, на географическую среду. Стремление раскрыть связь между различными факторами общественного развития было весьма плодотворным.

Логическим продолжением демократического наследия европейского Просвещения явились идеи американских мыслителей Бенджамина Франклина (1706-1790), Джона Адамса (1735-1826), Томаса Джефферсона (1743-1826), Джеймса Медисона (1751-1836), Александра Гамильтона (1755 или 1757-1804).

Многие из выдвинутых ими идейных принципов и постулатов формировались как политические требования в ходе борьбы Соединенных Штатов за независимость, а затем были закреплены в конституционных документах. К числу важнейших из них, вошедших в фундамент современной политической и правовой науки, относятся следующие: все люди от природы свободны, независимы и обладают неотчуждаемыми правами – на жизнь, свободу, стремление к счастью; право народа на политическое самоопределение и независимое существование; право народа сменить правительство, которое не отвечает своему назначению – обеспечивать достижение всеобщего счастья и безопасности; дополнение идеи разделения властей идеей создания системы сдержек и противовесов, обеспечивающих равновесие между ветвями власти; идея судебного надзора за конституционностью принимаемых законов.

Существенный вклад в обоснование идеологии либерализма внесли немецкие ученые Иммануил Кант (1724-1804) и Георг Гегель (1770-1831).

Иммануил Кант отстаивал идею автономии личности. Важнейшим принципом его политической теории является положение об абсолютной ценности каждого человека и недопустимости его превращения в орудие достижения чьих-то целей. Этот нравственный по своей сути принцип он назвал «категорическим императивом» и считал, что им должны руководствоваться все люди.

И. Кант являлся сторонником договорной теории государства, развивал идею правового ограничения государственной власти. Политика рассматривалась им как гармония цели и средств.

Значительное внимание И. Кант уделял проблемам международных отношений. В трактате «К вечному миру» разработан гуманистический проект создания всеохватывающей федерации

равноправных государств, отвергающих войны, мир характеризуется как «высшее политическое благо». Обеспечение мира связывалось с воспитанием и просвещением народов, моральным прогрессом человечества, осуждением войн и воинствующих политиков.

Георгу Гегелю принадлежит заслуга разработки и разграничения категорий «гражданское общество» и «правовое государство». Он создал основы теории групповых интересов, которые рассматривал как базу гражданского общества.

Дальнейшее развитие идеи либерализма получили в работах французского ученого Алексиса де Токвиля (1805 – 1859), англичан Иеремию Бентама (1748 – 1832) и Джона Стюарта Милля (1806 – 1873).

Алексис де Токвиль внес существенный вклад в разработку теории и истории демократии. В книге «О демократии в Америке» он показал, что именно демократия, идущая на смену аристократии, способна обеспечить максимум свободы и возможностей для развития личности, для роста благосостояния большинства граждан.

В то же время А. Токвиль показал противоречивый характер процесса утверждения демократии, выявил его негативные последствия: демократия, во-первых, не гарантирует народу самое искусное правительство и, во-вторых, создает опасность тирании большинства. Вместе с тем, по его мнению, демократия благодаря своим уникальным достоинствам сама в состоянии нейтрализовывать собственные недостатки.

А. де Токвиль полагал, что власть большинства должна заканчиваться там, где начинаются права личности и права меньшинства. Для предотвращения деспотизма большинства он считал важным расширять непосредственное участие населения в управлении, создавать различные добровольные ассоциации граждан, суды присяжных.

К середине XIX века выяснилось, что поддерживавшийся либералами капитализм способствовал не только расширению свободы, но и усилению эксплуатации. Поэтому либеральная мысль стала больше ориентироваться на социальные проблемы, на принцип пользы с целью достижения счастья.

Идеолог английской либеральной буржуазии Иеремию Бентам разработал теорию утилитаризма и с ее помощью обосновал программу демократизации политических и правовых институтов, обеспечения политической свободы. Задача государства, по И. Бентаму, состоит в том, чтобы на основе принципа пользы обеспечить «наибольшее счастье для наибольшего числа людей». Эта цель может быть достигнута благодаря свободной конкуренции и частнособственнической инициативе, невмешательству государства в экономику и демократизации государственно-правовых институтов.

Либеральные идеи Нового времени отражены в политическом учении Джона Стюарта Милля, английского утилитариста и поборника равноправия. Согласно Дж. Миллю, либеральные свободы – это, во-первых, свобода мысли и мнений; во-вторых, свобода действия сообща с другими; в-третьих, свобода выбора жизненных целей. Он полагал, что угроза свободе индивида исходит как от тирании правительства, так и от тирании господствующего в стране общественного мнения.

Подобно А. де Токвиллю, Дж. Милль искал пути преодоления тирании большинства. Чтобы предотвратить количественное возобладание невежд над образованными людьми, он предлагал создать такую избирательную систему, которая позволила бы последним голосовать в нескольких избирательных округах.

Социальный акцент политических воззрений Дж. Милля особенно проявился в его рассуждениях о роли государства. Государству следует не удовлетворяться пассивной ролью защиты граждан, а стремиться сделать своих подданных добрыми и просвещенными. Единственное правление, которое может удовлетворить наиболее острые социальные потребности людей, – это правление с участием всех людей. Будущее он представлял себе как общество кооперативов производителей, сохраняющее частную собственность, но без ее отрицательных сторон.

Таким образом, в мировоззренческий комплекс классического либерализма вошли представления о самоценности личности, ее свободе от групповых, классовых и национальных ограничений; идеи космополитизма, гуманизма, прогресса, демократизма.

В *сфере политики* либерализм основывается на признании прав человека, разделения законодательной, исполнительной и судебной власти, свободы выбора видов деятельности, свободы конкуренции. Все эти идеи составляют содержание концепции правового государства.

В *экономической области* основатели либерализма требовали отмены регламентации и ограничений со стороны государственной власти, простора для частной инициативы, максимально благоприятных условий для развертывания частного предпринимательства.

Ядро классического либерализма образуют следующие положения:

- абсолютная ценность человеческой личности и изначальное («от рождения») равенство всех людей;
- автономия индивидуальной воли;
- существование неотчуждаемых прав человека (на жизнь, свободу, собственность);
- договорный характер отношений между государством и индивидом;
- верховенство закона как инструмента социального контроля;
- ограничение объема и сфер деятельности государства;

- защищенность – прежде всего от государственного вмешательства – частной жизни человека и свобода его действий (в рамках закона) во всех сферах общественной жизни.

Основнополагающие принципы либерализма постоянно уточняются в ходе общественного развития, но неизменной остается ориентация либералов на осуществление индивидуальной свободы. Сама природа этих принципов не позволяет превратить либерализм в догматическую систему, состоящую из раз и навсегда установленных норм и правил. Классик современного либерализма Людвиг фон Мизес писал по этому поводу: «Либерализм – это не законченная доктрина или застывшая догма. Наоборот, он является приложением учений наук к общественной жизни человека. И так же как экономическая наука, социология и философия не стояли на месте со времен Давида Юма, Адама Смита, Давида Рикардо, Иеремии Бентама и Вильгельма Гумбольта, доктрина либерализма сегодня отличается от того, чем она была в их эпоху, хотя ее фундаментальные принципы остались неизменными...»¹.

Если в европейских странах принципы либерально-буржуазного устройства пробивали себе дорогу с трудом, преодолевая сопротивление со стороны феодально-аристократического государства, то в Соединенных Штатах они имели более широкую социальную базу (прежде всего торгово-промышленная буржуазия, многочисленное фермерство) и утверждались в сравнительно благоприятных условиях.

Формирование и развитие либеральной традиции в США протекало в процессе постоянной внутренней эволюции, включавшей, с одной стороны, напластование все новых идеологических компонентов, порождавшихся самим развитием американского общества, но при этом объединенных принципиальной общностью исходных принципов, а с другой – обособление устаревших идеологических фрагментов, приобретающих консервативную функцию и служивших основанием для формирования разновидностей консервативной идеологии².

На всех этапах американской истории между либерализмом и консерватизмом сохранялся определенный консенсус в отношении некоторых наиболее общих представлений, касающихся американского общества, политических институтов, механизмов социального развития и т.д. Формированию такого консенсуса способствовала «гибкость» идеологических принципов американской либеральной традиции, которые, будучи изначально сформулированными в достаточно общей и абстрактной форме,

¹ Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции. М., 2001. С.9.

² Общественное сознание и внешняя политика США / Под ред. Э.Я.Баталова, Ю.А.Замошкина, А.Ю.Мельвиля. М., 1987. С.182-183.

допускали существенные разночтения и могли обслуживать различные социальные и политические силы.

2.2 СПЕЦИФИКА НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

В конце XIX века либерализм подвергся существенной трансформации. Его ключевой принцип – свободной конкуренции производителей – уступил место признанию необходимости вмешательства государства в экономические и социальные процессы с целью предотвращения чрезмерной поляризации общества и в конечном счете – дестабилизации системы. Складывавшийся тип либерализма обозначался терминами «неолиберализм», «социальный либерализм» и «либерал-реформизм».

В США попытки найти выход из «великой депрессии» 1929-1933 годов завершились расколом в либеральном лагере. Одни либералы продолжали отстаивать традиционные ценности свободного рынка и противились регулирующей роли государства, другие решительно требовали ограничения сферы действия рыночных механизмов и предпринимательского индивидуализма. «Новые либералы» подчеркивали необходимость активного вмешательства государства в экономику и сферу социальных отношений. Практическая реализация идей «нового либерализма» была связана с реформами Ф. Рузвельта, заложившими основы системы государственного регулирования экономики.

Тенденция расширения роли государства в управлении обществом получила дальнейшее развитие в годы Второй мировой войны и первые послевоенные десятилетия, особенно в рамках либерально-консервативного консенсуса. В 60-е годы это нашло выражение в разработке новых программ в сферах образования, здравоохранения и социального обеспечения. Их реализация, как полагали либералы, позволит создать «общество благосостояния». Идеи социального регулирования лежали в основе программ «Новых рубежей» Д. Кеннеди и «Великого общества» Л. Джонсона.

В 60-70-х годах либерализму была свойственна ярко выраженная ориентация на интеграционные процессы в международных отношениях, отражавшая растущую взаимозависимость государств. Либералами активно разрабатывалась и пропагандировалась концепция конвергенции двух общественных систем под влиянием научно-технической революции и расширения торгово-

экономического сотрудничества (Дж. Гэлбрейт, П. Сорокин, Р. Хейлбронер, Я. Тинберген и др.)¹.

Выдвигались два варианта этой концепции. Первый предусматривал эволюцию социалистических стран к «западной демократии». Второй предполагал движение обеих систем к некоему обществу «интегрального типа».

Идее сближения свободной рыночной экономики и социалистического «планового хозяйства» был привержен и советский академик А. Д. Сахаров. В книге «Мир, прогресс, права человека» он писал: «Я считаю особенно важным преодоление распада мира на антагонистические группы государств, процесс сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, сопровождающиеся демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой прав человека, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного, духовного, личного начала в человеке»².

Последующий ход событий, как известно, не подтвердил концепцию конвергенции. Одна из общественных систем - социалистическая прекратила существование, а другая динамично трансформируется в «постиндустриальное» и «информационное» общество. В направлении постиндустриализма развиваются и процессы модернизации в бывших социалистических странах. Тем не менее концепция конвергенции сыграла определенную роль в подготовке идейно-политической почвы для разрядки начала 70-х гг. и формирования принципов нового политического мышления.

Расчетам либералов на создание общества «всеобщего благосостояния» также не суждено было осуществиться. Хотя жизненный уровень населения и вырос, выявилась неспособность государства выполнить многочисленные социальные программы, удовлетворить растущие притязания граждан на обеспечение занятости, образования, медицинской помощи, различные формы вспомоществования. Широкое распространение получили технократические иллюзии наступления эры технических ответов на социальные вопросы. Строительство «государства благосостояния» вошло в противоречие с потребностями экономики в поощрении предпринимательской инициативы, поиске перспективных направлений технологического прогресса.

Этими обстоятельствами частично объясняется рост популярности консерватизма в 70-х годах и разрушение либерально-

¹ Термин «конвергенция» заимствован из естественных наук. В физике атмосферы и океанологии он используется для обозначения перемешивания воздушных и водных масс разной температуры, а в биологии обозначает уподобление признаков неблизкородственных групп организмов в процессе эволюции, приобретение ими сходного строения в результате существования в близких природных условиях.

² Сахаров А. Д. Мир, прогресс, права человека. М., 1990. С.39.

консервативного консенсуса. Вступление западного общества в фазу постиндустриализма и обострение глобальных проблем, *кризисное состояние западной экономики в последние годы* поставили либерализм перед необходимостью глубокого обновления.

Новый облик либерализма еще не сложился. Его становление идет по различным, во многом отрицающим друг друга курсам. С одной стороны, заметен акцент на проблемах равенства и справедливости, рационализации регулирующей роли государства. Либералы объявляют целью социальной политики оптимальное воспроизводство «человеческого капитала». Это предполагает преимущественное развитие системы переподготовки рабочей силы, а не увеличение пособий бедным и безработным, как в 60-е годы. С другой стороны, возрождаются антикейнсианские традиции, суть которых – в отрицании вмешательства государства в сферу экономики.

Неолибералы видят ошибку сторонников «саморегулирования» экономики в абсолютизации монетаризма Чикагской школы и игнорировании опыта социально-ориентированной экономики Германии. Они подчеркивают, что в нормально функционирующем обществе должны быть преодолены наиболее вопиющие виды неравенства, препятствующие свободному развитию каждого индивида и дестабилизирующие общество. Государство, по их мнению, только в том случае является социальным и правовым, если обеспечивает своих граждан экономическими средствами для достижения разумных целей.

Таким образом, основное различие неолиберализма и классического либерализма состоит в разном понимании общественной роли государства. Если классический либерализм выступал против вмешательства государства в экономическую жизнь, современные либералы отводят ему значительную роль в решении социально-экономических проблем.

Со второй половины 90-х гг. внутри либерального лагеря наметилось размежевание между сторонниками различных представлений по вопросу о перспективах государственного суверенитета. Часть либералов мыслит государственным категориями и декларирует приверженность суверенитету. Их оппоненты исходят из тезиса о происходящем «размывании» национальных государств и их суверенитетов, все большей проницаемости грани между внутренней и внешней политикой. Они прогнозируют неизбежность слияния человечества в единое целое благодаря экономической интеграции, демократизации политического пространства, развитию коммуникаций. На основе подобных представлений делается вывод о возможности «гуманитарных интервенций» в отношении государств, где нарушаются права человека.

В среде либерального истеблишмента с середины 90-х гг. популярна теория демократического мира, основные идеи которой были сформулированы в 1983 г. М. Дойлом. Эта теория исходит из посыла о невозможности войн между демократиями, которые разрешают противоречия исключительно мирным путем, и, следовательно, необходимости распространения демократии на все страны и регионы. Сторонники такого подхода даже попытались придать ему статус закона мирового развития. С 90-х гг. теория демократического мира (ТДМ) стала одним из важнейших постулатов либерального интервенционизма, осуществлявшегося как демократами, так и республиканцами.

Дальнейший рост числа демократических государств действительно способен снизить уровень конфликтогенности в мировой политике и степень вероятности возникновения войн. Демократический миропорядок, видимо, может возникнуть на основе взаимодействия различных моделей демократии.

На самом деле демократии если и демонстрировали миролюбие, то прежде всего не в силу присущих им нормативных и институциональных характеристик, а вследствие конкретных обстоятельств военно-стратегического свойства. Демократические государства сплошь и рядом руководствовались поисками экономической выгоды или стремлением укрепить военно-стратегические позиции. Наглядное тому доказательство – недавний курс Соединенных Штатов на демократизацию Ближнего Востока, который по оценке американских исследователей Д. Саймса и Р. Элсуорта основывался на «неотроцкистской вере в перманентную революцию, пусть даже демократическую, а не пролетарскую»¹

Не случайно теория демократического мира является объектом длительной дискуссии. Исследователи подвергают сомнению ее эмпирическую основу, констатируют сложность взаимосвязи внутренней и внешней политики и определенную автономию внешнеполитического курса государств. Комментируя теорию демократического мира, отечественный ученый либеральной ориентации Д. Тренин считает проблему взаимоотношений между демократиями не вполне проработанной, поскольку отсутствует достаточный опыт параллельного существования автономных по отношению друг к другу демократий¹.

Процессы и явления, вызываемые усиливающейся взаимозависимостью мира, рассматриваются либералами в качестве предпосылки к глобальному управлению. В свою очередь глобальное управление понимается как фактор развертывания глобализации.

¹ См.: Саймс Д., Элсуорт С. Мораль американского реализма //Россия в глобальной политике. №1. Январь- февраль. 2005.

¹ См.: Россия и Запад: состояние и перспективы отношений (круглый стол в Фонде «Либеральная миссия»).http://liberal.ru/Discussions_Display_Discussion.asp?Rel==255 Просмотр: 11.05.2009.

Изменились представления либералов о механизмах глобального управления. Популярные в прошлом модели мирового правительства и мирового парламента основывались на прямых аналогиях с реально существовавшими национальными институтами и предполагали создание единого центра принятия решений и соответствующих властных структур. Современные модели глобального управления, проникнутые верой в универсальность либеральных ценностей, базируются на коллегиальных и коллективных принципах межгосударственного взаимодействия. Реализация этих принципов предполагается путем использования наднациональных структур для согласования позиций и интересов различных акторов и прежде всего государств.

Поскольку для американского политического мышления характерно совмещение либеральных и империалистических элементов, основывающихся на отношении к своему государству как воплощению принципов либерализма и демократии, либерально-глобалистская часть истеблишмента негативно относится к идее подчинения США неким наднациональным механизмам принятия решений. Такая возможность гипотетически допускается лишь в случае, если все государства или большая их часть будут соответствовать американским стандартам демократии².

Либерализм оказал значительное влияние на формирование одной из наиболее влиятельных школ в теории международных отношений – *политического идеализма*. Она возникла как реакция части ученых и политиков на беспрецедентные по масштабу социальные бедствия, вызванные Первой мировой войной.

Базовые положения политического идеализма нашли отражение в 14 пунктах послевоенного урегулирования, сформулированных одним из создателей этой школы – профессором и президентом США Вудро Вильсоном. Им были продекларированы такие принципы, как отказ от тайной дипломатии; моральность внешнеполитической деятельности и дипломатии; сокращение вооружений до минимума, обеспечивающего национальную безопасность; создание международного органа, который гарантировал бы политическую независимость и территориальную целостность государств – такая организация была создана и носила название «Лиги Наций».

Идеалисты рассматривали мировую политику в рамках правовых и этических категорий, разрабатывали нормативные модели международных отношений, в реализации которых значительную роль играло бы свободно выражаемое общественное мнение, выступающее против войны и вызываемых ею социальных бедствий.

² См.: Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка (1940-2000-е гг.). М., 2007. С.354-355.

Для их убеждений было характерно неприятие силовых средств как важнейшего регулятора международных отношений. Предпочтение отдавалось системе и институтам международного права.

Вместо баланса сил идеалисты предлагали иной механизм регулирования международных отношений – коллективную безопасность. Эта идея основывалась на том соображении, что все государства имеют общую цель – мир и безопасность, а нестабильность силового баланса и войны наносят огромный урон народам.

На идеях неолиберализма в 70-80-х гг. сформировался глобалистский подход к международным отношениям. Неолиберализм исходит из того, что анализировать поведение государств следует с учетом не только национальных интересов, но и их участия в деятельности межгосударственных институтов, гармонизирующих международные отношения и влияющих на поведение самих государств. При этом особое внимание неолиберализм уделяет роли хозяйственного взаимодействия в мировом развитии. Универсальность демократии рассматривается неолибералами как важнейший фактор преодоления противоречий между государствами.

Взгляды глобалистов отражены в *теории комплексной взаимозависимости*, разработанной на основе неолиберальных принципов Робертом Кеохэйном и Джозефом Наем в исследованиях «Транснационализм в мировой политике» (1971) и «Мощь и взаимозависимость. Мировые политики в переходе» (1977). Согласно этой теории фактор силы утрачивает решающее воздействие на международные отношения, более эффективными средствами влияния становятся экономические, правовые и информационные механизмы. По мнению ученых, создаются условия для институционализации отношений между государственными и негосударственными акторами, которые открывают перспективу упорядочения международной среды.

В области внешней политики либералы внесли существенный вклад в разработку концепции «нового мирового порядка». В среде ученых и политиков либеральной ориентации во второй половине 80-х годов господствовало стремление к многостороннему сотрудничеству с СССР, а в настоящее время доминирует намерение максимально способствовать становлению демократии в государствах, являющихся его преемниками. Либералы – сторонники оказания им всемерного содействия в создании рыночной экономики, решении гуманитарных проблем, урегулировании межнациональных конфликтов.

В целом либерализм является доминирующим типом массового сознания в странах Запада. Его принципы и установки воплотились в важнейших политических институтах и получили специфическое проявление в основных идейно-политических течениях – от

консерватизма до социал-демократии. Большинство либеральных партий объединены в Либеральный интернационал, созданный в 1947 году.

Либерально-реформистской направленностью отличалась деятельность созданного в 1968 г. Римского клуба – неформального объединения влиятельных представителей научно-экспертного сообщества ведущих стран запада. Клуб стал своего рода лабораторией научного поиска путей выживания и развития человечества как складывавшейся экономической, а впоследствии и политической целостности. В докладах Клубу была изложена система представлений о новом миропорядке, основывающемся на принципах растущей взаимозависимости государств.

В рамках либеральной парадигмы сформировалась идейно-политическая концепция трилатеризма, ставшая идеологической основой функционирования Трехсторонней комиссии, созданной в 1973 г. по инициативе директора «Чейз Манхэттэн банка» Д. Рокфеллера. Деятельность Трехсторонней комиссии, объединившей ведущих представителей истэблишмента США, Западной Европы и Японии, была направлена на согласование позиций политических элит по социально-экономическим и политическим проблемам глобального характера, формирование долгосрочной стратегии всего «западного сообщества». Благодаря тесным связям с политическим руководством США Трехсторонняя комиссия была самым влиятельным неофициальным транснациональным политико-идеологическим институтом вплоть до начала 80-х гг., когда трилатеристские представления о взаимозависимости, основах и целях единства Запада уступили место более жестким и бескомпромиссным неоконсервативным концепциям. Несмотря на ослабление влияния Трехсторонней комиссии, многие идеи, выдвинутые ее участниками, в 1990-2000 гг. востребованы в идеологической и политико-практической сферах. Они оказывают влияние на принципы и идейные основы деятельности такого влиятельного неформального института, как «Большая восьмерка», куда входит и Россия.

Известные ученые, констатируя заслуги либерализма в формировании облика современного мира, связывают будущее человечества с базовыми идеями именно этой идеологии. Они выступают за превращение демократической внешнеполитической ориентации государств в доминанту мировой политики. Наиболее известным представителем этого направления является американский исследователь Фрэнсис Фукуяма.

Фрэнсис Фукуяма на рубеже 80-х и 90-х годов выдвинул дискуссионный тезис о якобы наступившем конце истории в результате победы либерализма над другими идеологиями. Этот тезис

появился на волне эйфории по поводу эрозии марксистско-ленинских идей, распада социалистической системы, успехов постиндустриального развития на Западе.

Абсолютизация Ф. Фукуямой новых тенденций в международных отношениях и либеральной демократии в качестве базового принципа политической организации общества вызвала резонную критику концепции «конца истории». Последующее развитие событий вынудило ученого скорректировать свои взгляды с учетом происшедших перемен, признать наличие многочисленных угроз для самого существования человечества. В своих последних публикациях Ф. Фукуяма связывает надежды на формирование нового миропорядка с модернизаторской ролью Соединенных Штатов в глобальном масштабе, а условием ее выполнения считает признание американской элитой принципов коллективизма и многополярности.

Для позиции либерализма в вопросе о путях становления нового миропорядка характерны основные положения, формулируемые Ф. Фукуямой в работе «Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие». Первое: внешняя сила эффективна там, где она «подталкивает» преобразования, к которым народ уже подготовлен, а не там, где навязываемые ценности и практики рассматриваются как чуждые и враждебные. Второе: применение силы вне международно-правового контекста, с нарушением норм международного права и без учета мнения международных организаций ставит под сомнение саму причину ее использования и резко снижает, если не обесценивает, ту цель, ради достижения которой она применяется. Третье: одна лишь вера в неизбежность собственных нравственных принципов не может служить основанием для политических решений¹.

Итоговый вывод ученого: Америке следует пересмотреть внешнеполитический курс, сформированный под влиянием неоконсервативных теоретико-политических представлений, которые привели к фиаско в Ираке и могут послужить причиной новых неудач. Критикуя радикал-консерваторов, он видит альтернативу силовому глобализму в проведении более умеренного и рационального курса, ведущего к той же цели – установлению глобального миропорядка под эгидой Соединенных Штатов.

Как и Ф. Фукуяма, активными оппонентами стратегии силового глобализма и унитаризма, разработанной и реализовывавшейся при активном участии неоконсерваторов, являются такие известные политологи либеральной ориентации, как Т. Барнет, Дж. Гэддис, Ч. Купчан, М. Манделбаум, Дж. Най-младший и др. Они считают такую стратегию бесперспективной, отторгаемой мировым

¹ Fukuyama F. America at the Crossroads. Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy. New Haven (Ct.), London. 2006. P.64-65, 103, 153.

сообществом и чреватой истощением ресурсов самих Соединенных Штатов². Альтернатива стратегии жесткого унитаризма видится в мультилатерализме, т.е. формировании мировой системы, в которой полномочия были бы разделены между ведущими странами Запада, а фактический статус Соединенных Штатов был бы самым высоким – лидерским.

М. Манделбаум, исследуя перспективы демократии в современном мире, полагает, что практика ее «продвижения» должна быть переосмыслена, поскольку дискредитирует демократические традиции и лишает демократию той репутации, которую она заслужила в XX веке. С его точки зрения, не следует инициировать демократические преобразования при отсутствии необходимых для этого предпосылок и необходимо осознавать неизбежность отторжения привнесенных политических институтов там, где нет условий для становления либеральной демократии. По мнению М. Манделбаума, лишь глубокое знание истории, культуры и традиций других стран и народов «...могло бы дать ключ к пониманию того, каким образом можно подтолкнуть их к усвоению демократических практик»¹.

Прогнозируемый Ф. Фукуямой миропорядок по своей сути является американоцентричным, поскольку идеи и принципы либеральной демократии нашли свое наиболее полное выражение в Соединенных Штатах и поддерживаются ими. Наиболее эффективный путь к созданию такого миропорядка видится ему не в «превентивных войнах», сторонниками которых являются критикуемые им неоконсерваторы, а в широком использовании «мягкой силы», т.е. средств материального, морального и пропагандистского воздействия на противоборствующую сторону.

На наш взгляд, Ф. Фукуяма прав в следующем: либерально-демократические принципы, прошедшие испытание временем в странах Европы и Америки, могут стать основой для общечивилизационного единства перед лицом глобальных проблем, для формирования демократического миропорядка. Вместе с тем, очевидно, понадобится их существенная корректировка с учётом усложнения современного мира, ускорения социальных процессов и появления новых вызовов международной безопасности.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

1. Исторический опыт свидетельствует о том, что политические принципы либерализма эффективны только при условии их

² См., например: Barnett Th. The Pentagon New Map. War and Peace in the Twenty-First Century. N.Y., 2004; Mandelbaum M. The Case for Goliath. How America Acts as the World's Government in the 21st Century. N.Y., 2006; Най-младший Дж. После Ирака: мощь и стратегия США // Россия в глобальной политике. 2003. №3. Июль-сентябрь.

¹ Mandelbaum M. Democracy's Good Name: the Rise and Risks of the World's Most Popular Form of Government. N.Y., 2007. P.183

системного применения и с учетом социокультурной специфики стран и регионов

2. Либерализм претерпел эволюцию, в процессе которой он модифицировал свои идеи в соответствии с изменившимися конкретными условиями. Классический либерализм с его идеей свободы от вмешательства государства в экономическую и социальную жизнь уступил место неолиберализму, который отводит государству значительную роль в решении стоящих перед обществом проблем.

3. Либерализм и консерватизм сохраняют ведущие позиции благодаря тому, что в конкурентной борьбе сумели выработать качества открытых идеологий, учитывающих и интегрирующих интересы широких социальных слоев, способных обеспечивать национальный консенсус. Между этими идеологиями сложилось своеобразное «разделение труда»: функция неоконсерватизма заключается в высвобождении предпринимательской активности; функция же неолиберализма состоит в смягчении неравенства.

ГЛАВА 3. ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ

3.1 ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Русский либерализм - оригинальный феномен, основывающийся на отечественных духовном опыте и традициях. По своему происхождению он связан с появлением ростков буржуазной цивилизации и был адекватной формой выражения этого процесса.

В России социальную базу либерализма как идеологического, а затем и политического течения составляли помещики, переходившие к капиталистическим приемам хозяйствования, дворянская и буржуазная интеллигенция. Становление либерализма прошло ряд этапов и было прервано Октябрьской революцией.

Зарождение дворянского либерализма относится к 60-м годам XVIII в. – началу XIX века (идеи просветительства, критика крепостничества и самодержавия, проекты ограничения абсолютизма). Существенное влияние на его становление оказали опыт и идеи либерализма Западной Европы.

Уже во второй половине XVIII века в трудах Семена Ефимовича Десницкого (ок.1740 – 1789), Якова Павловича Козельского (ок.1728 – ок.1794), Николая Ивановича Новикова (1744 – 1818) и других осуждалось крепостное право, защищались свобода, просвещение и самоуправление. Эти мыслители, не требуя прямой отмены крепостничества и ликвидации самодержавия, предлагали дворянству приемлемые пути их преобразования, в частности ограничение продажи крестьян и власти монарха представительным органом (Сенатом), укрепление законности.

В первой половине XIX века либеральная мысль нашла свое выражение прежде всего в программе общественных преобразований Михаила Михайловича Сперанского (1772 – 1839). Ближайший помощник Александра I и Николая I, он пытался приспособить к самодержавной форме правления принцип разделения властей, обеспечить гибкость и оперативность государственного механизма, его подотчетность сословиям. Предлагавшиеся им реформы предусматривали некоторую трансформацию самодержавия в плане его самоограничения путем превращения в конституционную монархию. Эта главная проблема так и не была решена в XIX веке.

Теоретические положения классического либерализма использовались дворянскими революционерами декабристами. В обосновании своего протеста против самодержавия они исходили из теории естественного права, и прежде всего права каждого человека на жизнь, свободу, собственность, равенство перед законом. Кроме того, они предлагали использовать принцип разделения властей при формировании институтов государственной власти.

В дооктябрьский период либерализм в России был представлен несколькими направлениями (консервативный либерализм, «новый» либерализм).

Сущность *консервативного либерализма* – в синтезе основных идей классического либерализма (права и свободы личности, реформаторство) и консерватизма (сильная власть порядок и стабильность, преемственность в развитии, приверженность религиозно-нравственным ценностям). Для обозначения этого синтеза как синоним используется понятие «либеральный консерватизм». Один из ведущих представителей этого направления П. Б. Струве полагал, что формула «либеральный консерватизм» возникает в «какой-то точке», где «...либерализм и консерватизм, конечно, сходятся, ибо, как без свободы лица невозможна крепость современного государства, так без крепости государства как всенародного единства, невозможна свобода лица» ...»¹.

Сохраняет актуальность разграничение Н. А. Бердяевым в начале XX века либерального консерватизма и радикального, анархического либерализма: «...либерал-консерватор стоит выше, чем либерал-радикал, он более принципиален, он знает, что противопоставить чужим идеалам. Либерализм, как самодовлеющее отвлечённое начало, отстаивающее свободу личности, легко переходит в анархизм. <...> Это выражается в желании довести государство до крайнего минимума и постепенно его совсем упразднить, в непонимании самостоятельной природы государства. В таком либеральном анархизме нет настоящего пафоса и нет действительности, он носит теоретический и кабинетный характер»¹.

Консервативный либерализм представлял собой программу деятельности умеренной интеллигенции в пореформенный период, стремившейся расширить и закрепить общественные преобразования путем диалога с властью, участия в земском самоуправлении и просвещении народа.

Основателем консервативного либерализма был профессор права Борис Николаевич Чичерин (1828 – 1904). Суть разработанной им концепции заключалась в синтезе принципов личной и общественной свободы с политическими традициями и нравственно-культурными началами народа.

Б. Н. Чичерин значительное внимание уделял проблеме корреляции гражданского общества и государства. По его мнению, необходимость независимого, автономного гражданского общества вытекает из природы человека как самоопределяющегося существа. Вместе с тем

¹ Струве П.Б. О мере и границах либерального консерватизма//Политические исследования. 1994. №3. С.33.

¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 2007. С.582-583.

он указывал на взаимосвязь государства и гражданского общества, рассматривая гражданское общество как фундамент государства.

Б. Н. Чичерин развивал либеральные идеи правового государства, верховенства закона, ограничивающего любую власть. Однако он не разделял идею естественных и неотчуждаемых прав граждан, поскольку считал, что ее реализация может привести к анархии. По мнению Б. Н. Чичерина, права гражданам должно предоставлять государство.

Наиболее разумной формой правления для России Б. Н. Чичерин считал конституционную монархию, которая, как он полагал, способна гарантировать устойчивость и гибкость государственной власти. Это может быть достигнуто за счет ее рационального распределения между законодательными, правительственными и судебными учреждениями под эгидой монархии.

Весьма плодотворна мысль Б. Н. Чичерина о том, что обновлению политической жизни способствует принцип политического плюрализма. Огромную роль в этом процессе играет оппозиция, которая критикует власть и заставляет ее выполнять взятые обязательства. Политическая конкуренция способствует появлению наиболее одаренных политиков.

Б. Н. Чичерин отмечал и недостатки политического плюрализма. Партийная принадлежность делает мировосприятие людей односторонним, а постоянная политическая борьба ослабляет правительство. Стремление партий любой ценой получить поддержку населения вынуждает использовать такие методы борьбы, как ложь и клевета.

Видным представителем консервативного либерализма был Константин Дмитриевич Кавелин (1818 – 1885), крупный философ, историк и правовед. Его политический идеал – неограниченная монархия в соединении с эффективным местным самоуправлением. Он считал, что преждевременное введение конституции, ограничивающей власть монарха, могло бы привести к самовластию бюрократии и дворянства.

К. Д. Кавелин был приверженцем философии ненасилия, утверждал, что всякое насилие погибнет не под ударами другого насилия, а вследствие исчерпания своих внутренних принципов. Преодолеть социальное зло и несправедливость, с его точки зрения, можно лишь путем формирования общественного мнения и развития правосознания.

Известный мыслитель Петр Бернгардович Струве (1870 – 1944) в результате длительных творческих изысканий пришел к убеждению о приоритете религиозно-нравственных ценностей общества и личности. Исходя из принципов национально-консервативного либерализма, он обосновал необходимость создания правового

государства в форме конституционной монархии. Согласно П. Б. Струве, новая русская государственность должна опираться на историческое прошлое страны, культурные традиции и творческую деятельность всех патриотических сил.

В вопросе о правах личности П. Б. Струве придавал первостепенное значение прежде всего гражданским правам. В этой связи он резко критиковал социализм, отрицающий право человека на частную собственность. Отрицание этого права ведет к подрыву принципа свободы и ответственности личности.

П. Б. Струве подчеркивал, что верит «в силу экономического развития на основе свободы и собственности»¹. Вместе с тем он поддерживал «идею разумного вмешательства государства в социально-экономические отношения» в интересах экономически слабых слоев населения, т.е. принцип социальной справедливости².

Консерватизм П.Б. Струве проявился в преувеличении роли государственного начала в общественной жизни. Он видел в государстве самостоятельную силу, возвышающуюся над обществом и осуществляющую те задачи, которые диктуются логикой его собственного развития. По его мнению, «именно государство есть как бы некая личность, у которой есть свой верховный закон бытия»³. Этот закон усматривается в могуществе государства как главном мериле жизненных сил страны. Выше личности им ставится также национальное начало, которое, как и государство, носит сверхразумный и мистический характер⁴.

Слабым местом в концепции П. Б. Струве была также недооценка роли демократии. В вопросе о соотношении законодательной и исполнительной власти в правовом государстве он явно преувеличивал роль последней. Прерогативы законодательной власти сводятся лишь к «соучастию в установлении бюджета» и других законов государства.

Таким образом, понимание П. Б. Струве природы государства и демократии находятся в явном противоречии с отстаиваемой им идеей правового государства.

В годы эмиграции П. Б. Струве была обоснована весьма продуктивная мысль о том, что для политического переустройства посткоммунистической России необходимо установление полудемократического режима, который, действуя в либеральном духе, ввел бы начала рыночной экономики и гражданского общества и тем самым подготовил население к широкому участию в политике. В том же духе высказывались отечественные философы И. А. Ильин и

¹ Струве П.Б. Дневник политика. М., 2004. С.60.

² Там же. С.82.

³ Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества//Вопросы философии. 1992. №2. С.74.

⁴ Там же. С.102.

Г. П. Федотов. Впоследствии эту же идею выдвигали отечественные ученые И. М. Клямкин и А. М. Мигранян, писатель А. И. Солженицын.

В публикациях конца 20-х - начала 30-х гг. П. Б. Струве обратил внимание на «ахиллесову пяту» либерализма – отрыв принципа свободы от конкретных условий общественного бытия. Либерализм, констатирует П. Б. Струве, утверждает свободу индивида против любой власти, как бы она ни была организована, и отдельных лиц, но для него сложным является вопрос, каковы могут и должны быть пределы этой свободы. Это означает, что либерализм в его «чистом понятии» вовсе не ставит прямо и непосредственно проблему организации власти или государственного устройства в ее точном смысле⁵.

В начале XX века либеральная политическая мысль приобрела новые черты. Своеобразие так называемого «нового» либерализма заключалось в том, что он формировался в обстановке резкой критики идеи правового государства со стороны леворадикальных и реакционных сил. Поэтому важнейшими задачами либеральных ученых и политиков были обоснование прогрессивной роли государства в истории человечества и защита основных принципов правового государства. Русские либералы рассматривали социальные права как часть естественных прав человека, настаивали на изменении фабричного законодательства, разрешении деятельности профсоюзов, создании системы государственного и общественного призрения нетрудоспособных и т.д. Эти проблемы нашли отражение в трудах выдающегося философа и правоведа Павла Ивановича Новгородцева (1866–1924), известных историков и социологов Богдана Александровича Кистяковского (1868–1918) и Николая Ивановича Кареева (1850–1931).

П. И. Новгородцев разработал концепцию социально-политических ценностей, включающую как основные ценности (свобода, равенство, солидарность), так и более конкретные ценности (правовое государство, народный суверенитет и др.).

Главной из наиболее общих ценностей П. И. Новгородцев считал свободу. Она понималась не в негативном аспекте – как отсутствие принуждения над человеком со стороны государства и других людей, а в позитивном – как «свобода при помощи государства», обеспечивающего гражданам возможность располагать надлежащими средствами (материальными и духовными) для эффективного участия в социально-политической деятельности.

П. И. Новгородцев идет дальше формального, юридического понимания равенства. Этот принцип означает для него не просто

⁵ См.: Струве П.Б. О мере и границах либерального консерватизма // Политические исследования. 1994. №3. С.33-34.

равенство всех перед законом, а создание для всех граждан общественных условий, благоприятствующих их развитию – обеспечения определенного уровня образования, материального достатка, охраны здоровья.

Принцип солидарности понимался П. И. Новгородцевым как согласие и добровольное сотрудничество людей в социально-политической сфере. Конкретными его проявлениями должны быть прежде всего согласие по поводу формы политического правления, основных направлений деятельности правительства и т.д.

Ценности свободы, равенства и солидарности представлялись П. И. Новгородцеву универсальными для всех эпох, но имеющими конкретно-историческое содержание.

П. И. Новгородцев отстаивал естественное право человека на выбор формы государственного устройства, рассматривал правовое государство как преграду для частного произвола. Он развивал идею социального государства, которое должно гарантировать индивиду достойное существование. При этом особо подчеркивалась значимость таких прав, как право на труд, социальное страхование, профессиональную организацию и личную свободу. П. И. Новгородцев был одним из основателей конституционно-демократической партии (кадетов).

Базовым принципом правового государства П. И. Новгородцев считал политический и идеологический плюрализм. Спор с противниками этого принципа, согласно П. И. Новгородцеву, является «спором не на жизнь, а на смерть». «Демократия,- писал он, - означает, возможно, полную свободу личности, свободу ее исканий, свободу состязания мнений и систем...»¹.

Правовое государство П. И. Новгородцев не мыслил без разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, уравновешивающих и контролирующих друг друга. Учение Ш. Монтескье о разделении властей он считал одним из наиболее существенных достижений политической мысли.

Значительное место в трудах П. И. Новгородцева занимает идея народного суверенитета, реализуемого через парламент, партии, референдумы, плебисциты и т.д. Парламент, полагал он, не может зеркально отражать волю народа, поскольку состоит из представителей групп и классов с отличающимися интересами. Поэтому власть должна искать приемлемые, компромиссные решения для основных субъектов политики. Партии рассматривались им как важное звено, соединяющие общество и государство.

Демократию П. И. Новгородцев считал невозможной без внепарламентской инициативы. «В последнем случае,- писал он,- всё определяется нравственными и умственными силами народа, но

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С.. 1996. С.545.

именно поэтому необходимо и важно для каждой способности открыть свободу проявления в политической области»².

Важная роль в механизме демократии П. И. Новгородцевым отводилась общественному мнению. Согласно П. И. Новгородцеву, оно особенно значимо при определении целей общества, но гораздо менее эффективно в определении средств достижения целей: «Это область, в которой требуется не только здравый смысл, присущий массам, но и техническая подготовка и специальные знания»³.

П. И. Новгородцев высоко ценил заслугу выдающегося русского мыслителя Вл. Соловьева в защите и обосновании общечеловеческих морально-нравственных идеалов. В этой сфере он, с точки зрения П.И. Новгородцева, углублял и развивал западническую доктрину. «Поскольку западничество было именно доктриной, а не простым продуктом подражательности и заимствований, - отмечал П. И. Новгородцев,- оно вытекало из одного очень важного и глубокого догмата: из веры в существование общечеловеческих начал и общеобязательных идеалов. Отсюда его доверие к опыту Западной Европы, далее нас ушедшей вперед, но родственной нам по идеалам и стремлениям; отсюда его протесты против замкнутости и обособленности России. Вот этот догмат и привлекает Соловьева к западникам. То, что сам он использовал как требование вселенского единства и общечеловеческой солидарности, совпадало с основной верой западников»¹.

В целом П. И. Новгородцев был наиболее последовательным мыслителем либерально-демократического направления в России начала XX века, превзошедшим своих выдающихся предшественников Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева. Многие его мысли весьма ценны и актуальны в условиях современных российских реалий.

По мнению другого известного представителя «нового либерализма» Б. А. Кистяковского, в правовом государстве власть будет формироваться на основе всеобщего и равного избирательного права, народного представительства, а высокая политическая культура облегчит урегулирование социальных конфликтов. Как и П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский был сторонником идеи социального государства, ставящего своей целью обеспечение права граждан на достойное существование.

Однако Б. А. Кистяковский не был в полном смысле либеральным мыслителем, поскольку высшей степенью развития правового государства считал государство социалистическое. Перерастание правового государства в социалистическую стадию мыслилось через

² Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С.137.

³ Там же. С.90.

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С.533.

преобразования в экономике и социальной сфере. В экономике анархия хозяйственной жизни, присущая капиталистическому производству, должна быть заменена «организованностью производства, характеризующей социалистической строй»². В систему прав человека он предлагал включить социально-экономические права, способные радикально улучшить положение социума, - право на труд (понимаемое как право пользоваться землей и другими средствами производства); право на развитие всех способностей; право на участие во всех материальных и духовных благах³.

Ограниченность концепции Б. А. Кистяковского состояла в попытке совместить либерализм в политике с социализмом в экономике. Общество, где отсутствуют частная собственность на средства производства и рыночное хозяйство, по своей природе не может быть подлинно либеральным.

Согласно Н. И. Карееву, культурно-исторический смысл государственности заключается в последовательном расширении сферы общественного сотрудничества и ограничении области социальных конфликтов. Причины революции он видел в нерешенности общественных проблем, а сами революции сравнивал с бурями и грозами в природе, острым заболеванием в организме.

Н. И. Кареев пророчески предупреждал об основных опасностях революций. Движение, начавшееся под лозунгом свободы, может привести к новой диктатуре. После революции зачастую возникают прежние властные отношения под новыми лозунгами, а общие цели революций уступают место индивидуальным вождениям.

Идеи либерализма лежали в основе программы партии кадетов, которая объединяла в своих рядах цвет интеллигенции, мечтавшей о радикальном преобразовании России парламентским путем, на базе общечеловеческих ценностей. Кадеты последовательно выступали за разделение властей, за создание фундамента гражданского общества и правового государства. В области внешней политики они предусматривали преимущественную ориентацию страны на западные демократии.

Идеи либеральных реформ, осуществляемых сильной государственной властью, определяли политический курс П. А. Столыпина. В частности, он предпринимал попытку с помощью государства превратить крестьян в частных собственников, создав тем самым условия для модернизации страны.

Таким образом, в период между 1861 и 1917 годами либерализм выражал стремление буржуазии в ликвидации сословных привилегий,

² Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое //Вопросы философии. 1990. №6. С.155.

³ Там же. С.156.

преобразованию абсолютизма в конституционно-парламентскую монархию, утверждению правового строя. Либеральные теоретики делали акцент на идентичности путей развития России и Западной Европы, единстве исторического процесса. Будучи эволюционистами, они являлись категорическими противниками социальных переворотов, считали их аномалиями в жизни общества.

Историческая драма либерализма заключалась в том, что это течение не имело широкой социальной базы и являлось помехой для своих радикальных и консервативных противников, стремившихся к столкновению. Призывы либералов к диалогу не были услышаны, и страна оказалась ввергнутой в гражданскую войну. В годы гражданской войны либерально-буржуазные партии участвовали в вооруженной борьбе против большевиков. После ее окончания наиболее известные либералы (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и др.), находясь в эмиграции, сначала возлагали надежды на капиталистическую трансформацию СССР в ходе новой экономической политики, а затем были аналитиками и критиками утверждавшегося тоталитаризма.

Русскими либералами были высказаны глубокие суждения о причинах происшедшей революции и перспективах страны. Так, С. Л. Франк считал, что социализм привлек народ не своим положительным идеалом, а силой неприятия старого порядка, не тем, к чему он стремился, а тем, против чего он восставал¹. П. И. Новгородцев констатировал кризис демократической идеи в России, имея ввиду неприменимость либеральной демократии в случае свержения большевизма. Российское общество расценивалось им как неготовое к демократии ни в социально-экономическом, ни в культурном отношениях².

В вышедшей в 1917 г. брошюре «Политическая свобода и социализм» Сергей Иосифович Гессен развивал идеи либерального социализма. Главной ценностью такого социализма он считал право, которое позволило бы обуздать капиталистическую эксплуатацию, ограничить получение прибыли и осуществить перераспределение собственности на средства производства между социальными группами – производственными объединениями типа гильдий, потребительскими кооперативами и т.д. Перестройка в экономической сфере будет способствовать удовлетворению потребности людей и изменит роль государства, которое превратится в посредника между общественными союзами, координируя их деятельность, предотвращая и разрешая конфликты между ними, т.е. выражая интересы социума. Ограничение государства координирующими

¹ См.: Франк С.Л. Из размышлений о русской революции//Новый мир. 1990. №4. С.217.

² См.: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С.579.

функциями «есть не что иное, как до своего логического конца идущее пронизание государства правом»¹.

В целом концепция С. И. Гессена близка к идеям гильдейского социализма, которые будут рассмотрены ниже. Отсутствие частной собственности и рынка, в максимальной степени стимулирующих экономическую инициативу людей, исключает возможность создания эффективной экономики, перестройки социальной и политической структуры общества на принципах либерализма.

Ход истории в XX веке позволяет сделать вывод о правоте выдвигавшейся либералами идеи буржуазно-демократических реформ в рамках конституционной монархии как этапа на пути России к правовому государству.

3.2 СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Главное препятствие для развития России в либеральном направлении историк русского либерализма В. В. Леонтович вполне обоснованно видел в угнетенности и придавленности личностного начала, остатках того умственного склада, который возник по причине крепостничества, являвшегося, по существу, формой рабства². Такой склад, по его мнению, не воспринимает суть свободы индивида, ее необходимости и возможности реализации. В середине 1950-х гг. В. В. Леонтович связывал будущее либерализма с «единственно настоящим либерализмом для России – либеральным консерватизмом»³.

Господствовавший в СССР тоталитарный режим стремился превратить человека в винтик государственной машины, что явилось продолжением политики самодержавия. Под влиянием многовекового гнета у значительной части российского общества сформировались такие качества, как низкая индивидуальная активность, конформизм по отношению к власти, стремление к патронажу со стороны государства, парадоксально сочетавшиеся с правовым нигилизмом. Они стали и до сих пор являются препятствием для укоренения либерального мышления, реализации основных принципов и ценностей либерализма.

В советский период отечественной истории официальная позиция властей по отношению к либерализму состояла в замалчивании и резко отрицательной оценке его «буржуазности». В массовом сознании слово «либерализм» приобрело негативный смысл и под

¹ Гессен С.И. Избранные сочинения. М., 1999. С.394.

² См.: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995. С.2-3.

³ Там же. С.22.

влиянием ленинских статей с оскорбительной критикой либералов. Вместе с тем даже во времена тоталитарного режима либеральные ценности имели стойких и мужественных поборников в среде русской эмиграции, отечественных диссидентов и правозащитников.

В отсутствие рынка и правового государства либеральные ориентации российских граждан длительное время являлись фактором преимущественно духовного порядка, стилем мышления. Они были свойственны прежде всего элитным группам, профессионально сочетавшим высокий уровень образования с необходимостью принятия ответственных решений, с многообразием общественных контактов.

Существенную роль в распространении в СССР советского либерализма сыграли «шестидесятники», чье мировоззрение сформировалось в период «хрущевской оттепели». Во второй половине 80-х гг. они выступили инициаторами модернизации, преобразовавшей советский либерализм сначала в либерально-демократический социализм, а затем и в либеральную демократию.

Освоению либеральных принципов существенно способствовал горбачевский курс реформ, ориентированный на соединение социализма с демократией. Демократизация включала не только собственно демократические меры (введение альтернативных выборов, разделение властей, отмена цензуры), но и ряд либеральных идей (естественные и неотъемлемые права человека, рыночная конкуренция, гражданское общество).

Сформулированная М. С. Горбачевым и его окружением концепция «универсальных», «общечеловеческих ценностей» по существу являлась отечественным вариантом теории конвергенции капитализма и социализма, выдвинутой западными либералами в 60-х годах. Как известно, создатели этой теории прогнозировали усвоение капитализмом и социализмом лучших черт друг друга и постепенную их трансформацию в «единое индустриальное общество».

В целом идейно-политическая концепция перестройки эволюционировала из демократической в либерально-демократическую, прокладывая путь к вестернизации российского общества, т.е. внедрению моделей и механизмов, функционировавших на Западе. В 1991 г. либеральная демократия окончательно сменила демократический социализм в качестве основного направления модернизации России.

В 1990-91 гг. либерализм добился «массового» успеха в России, выполняя роль «идеологии антикоммунизма»¹. Представляется, однако, что этот успех скорее был вызван охватившим общество эмоциональным подъемом, сопутствовавшим крушению «реального

¹ Суть этой смысловой аберрации, на наш взгляд, достаточно точно отражает термин «протилиберализм», введенный в научный оборот польским политологом Е.Шацким.

социализма». Либеральная риторика присутствовала в высказываниях политических деятелей и программах политических течений различной ориентации (классический пример – название «либерально-демократической партии СССР», созданной в марте 1990 г.).

Однако в этот же период сформировались те черты отечественного либерализма, которые послужили причинами неуклонного снижения его влияния. Главными из них оказались умозрительное копирование западной модели общественного устройства, причем преимущественно периода ее становления; недооценка проблемы адаптации принципов либерализма к российским условиям.

Определенную роль в укоренении этих черт в российском либерализме сыграло отсутствие сколько-нибудь длительного философско-теоретического и идеологического его вызревания. В течение нескольких десятилетий либеральная традиция по существу была прервана и возобновилась в конце 80-х – начале 90-х гг. в форме политико-публицистической атаки на тоталитаризм. При этом практически полностью были проигнорированы высшие достижения российского дооктябрьского либерализма. Эволюция выдающихся либералов Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, П. Н. Милюкова и др. заключала в себе важные уроки, которые помогли бы современным либералам избежать многих просчетов и издержек.

Одна из главных тенденций дооктябрьского российского либерализма состояла в том, что он последовательно оформлялся в социал-либерализм, отторгавший идею невмешательства государства в общественное развитие и культивировавший принцип взаимных обязательств индивидов, классов и государства по отношению друг к другу. Эта тенденция в условиях 90-х гг. не была принята во внимание и не нашла отражения в практической политике.

Российскими либералами не был должным образом учтен опыт ведущего течения западного либерализма XX века - неолиберализма, ассоциирующегося с именами Дж. Кейнса, Ф. Д. Рузвельта, Дж. Гэлбрейта и синтезирующего в себе индивидуализм, демократию и социал-реформизм.

Один из его уроков касается проблемы взаимоотношений между индивидом и обществом. Неолибералы отвергли постулат либерализма предшествующих веков о том, что индивидуальные интересы в условиях свободы автоматически удовлетворяют общий интерес. На самом деле, по их мнению, в режиме «естественной свободы» врожденный эгоизм не в состоянии обуздать даже лучшие представители человеческого рода. Поэтому, руководствуясь интересами всех классов и принципами гуманизма, государство и гражданское общество обязаны разрабатывать и поддерживать «правила игры» в социальной сфере и экономике.

Другой урок западного либерализма касается взаимоотношений свободы и демократии. Отечественные либералы в подходе к этой проблеме по сути демонстрировали экономический детерминизм, когда доказывали, что экономическая свобода, рыночная конкуренция и частная собственность являются условиями и гарантом политической демократии. Такое представление является крайне упрощенным, поскольку демократия автоматически не вытекает из свободы частной собственности и рынка. В действительности корреляция между ними достаточно сложна: чрезмерное проявление экономической свободы может наносить ущерб демократии и наоборот. Западный либерализм XX века рассматривает их как самостоятельные ценности и нацелен на поиск оптимальной меры в их взаимодействии.

Следующий урок либерального реформирования 90-х годов касался проблемы участия государства в регулировании социальной сферы. Уравнительности социалистической системы либералы противопоставили идею «равенства стартовых возможностей», исходя из того, что государственное вмешательство, направленное на выравнивание условий существования индивидов, порочно и антилиберально. По их мнению, каждый человек должен получить то, что заслуживает в силу своих индивидуальных качеств.

С позиций западного либерализма подобный подход является анахронизмом. Простое отстранение государства от участия в развитии социальных отношений отнюдь не обеспечивает «равенства возможностей», поскольку «стартовые возможности» будут определяться прежде всего социальным происхождением и материальным положением индивидов. По этой причине государство обязано обеспечить условия для реализации индивидуальных способностей тех социальных групп, которые в силу различных причин лишены доступа к таким жизненно важным сферам, как образование и медицинское обслуживание.

Одной из главных ошибок реформаторов 90-х гг. была недооценка просветительской деятельности по распространению либеральных идей, которой классики либерализма придавали первостепенное значение. Так, Людвиг фон Мизес важнейшей задачей либералов считал «убеждение сограждан в необходимости принятия либеральной программы»¹.

Сохраняет свою актуальность критика Людвигом фон Мизесом либералов за пренебрежение просветительством: «Либералы придерживались мнения, что все люди обладают интеллектуальной способностью правильно трактовать трудные проблемы социального сотрудничества и действовать соответствующим образом. Они были настолько поражены ясностью и самоочевидностью аргументации, с

¹ Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции. М., 2001. С.149.

помощью которой пришли к своим политическим идеям, что были просто не в состоянии понять, как это кому-то не удалось их осознать. Они так и не усвоили двух вещей: во-первых, массы не обладают способностью мыслить логически, во-вторых, по мнению большинства людей, даже если они и могут признать истину, кратковременная, пусть даже частичная выгода, которой можно воспользоваться сразу, представляется более значимой, чем постоянная глобальная выгода, которая должна быть отложена. Большинство людей не имеют интеллектуальных способностей, необходимых для того, чтобы вдуматься в очень сложные в конечном счете проблемы социального сотрудничества, не говоря уже о том, что они не обладают силой воли и не могут пойти на временные жертвы, без которых невозможно социальное взаимодействие. Лозунги интервенционизма и социализма, особенно предложения о частичной экспроприации частной собственности, всегда находят восторженное одобрение среди масс, ожидающих получить от этого непосредственную и немедленную выгоду»¹.

Из вышеизложенного очевидно, что российскими либералами не были осмыслены важнейшие уроки либерализма, дилеммы и противоречия западной цивилизации.

При ретроспективном рассмотрении становится очевидной такая особенность российского либерализма как утопизм, выражавшийся в неадекватной оценке реального состояния общества и возможностей страны для воплощения западных образцов. С учетом этих факторов были неосуществимы планы быстрого и без ухудшения положения населения перевода экономики на рыночные рельсы, форсированной массовой фермеризации при отсутствии необходимых для этого производственно-технической базы и социокультурных предпосылок, создания среднего класса как основы социальной стабильности. Излишне оптимистическими оказались расчеты на переустройство в короткие сроки политической сферы – утверждение политического плюрализма, многопартийности, разделения властей и правовой государственности.

В ходе радикальных реформ восторжествовала обозначившаяся в период перестройки тенденция трансформации власти в собственность. Ее результатом стала замена номенклатурного социализма номенклатурным капитализмом. Относительно массовый и активный в больших городах слой квалифицированных бюджетников, составлявший социальную базу либерально-демократической волны, реформами был размыт и деморализован. Образовался огромный имущественный разрыв между новыми элитами и основной массой населения. В целом вместо планировавшегося радикальными либералами создания американской

¹ Там же. С.150.

или европейской модели общественного устройства утвердился причудливый симбиоз раннекапиталистической и латиноамериканской.

Реакцией общества на высокую социальную цену радикальной модернизации явился кризис доверия не только к власти, но и либерализму как идеологии, олицетворявшей реформы в глазах граждан. Драматичным следствием курса радикал-либералов стал рост влияния коммунистических и национал-патриотических идей и движений, поставивших под угрозу процесс становления демократии.

Несмотря на колоссальные издержки «шоковой терапии» 90-х годов, историческая роль радикал – либерализма не должна быть преуменьшена: он способствовал демонтажу тоталитарного режима, формированию основ рыночной экономики и политической системы, основанной на разделении властей и многопартийности; положил начало интеграции России в европейские и мировые экономические и политические структуры¹.

Начиная с 1993 г. в российском либерализме происходит важная качественная перемена – усиление позиций социал-либерализма как демократической альтернативы радикал-либерализму. Это идейно течение представлено прежде всего партией «Яблоко».

Социал-либералы считают необходимым пересмотр вульгарных подходов к реформам, учитывая масштабы социального расслоения и диспропорций регионального развития страны, угрожающих ее целостности. Цивилизованное распределение национального дохода должно быть таким же приоритетом государственной политики, как и его рост.

Черты социал-либерализма наличествуют в программах и лозунгах «Единой России», «Справедливой России» и некоторых других партий и движений. Социал-либерализм опирается на широкие слои городского и сельского предпринимательства, интеллигенцию.

По мере формирования в России конкурентной среды либерализм обретает материальную базу и перестает быть фактором главным образом духовного порядка. В настоящее время он представлен в разных сферах. В сфере экономики – это свобода предпринимательства, внутренней и внешней торговли. В сфере политики – это либеральная конституция, общественная система и

¹ По мнению Е.Гайдара, позитивные результаты реформ 90-х гг. состоят в следующем: Во-первых, осенью 1991 г. Россия оказалась перед реальной угрозой голода, сравнимого по масштабам с тем, который она пережила во время революции 1917 г. И об этом свидетельствуют газеты. Благодаря проведенным реформам, запуску рыночных механизмов угроза не реализовалась. Но подобное забывается быстро. Во-вторых, приватизация государственного жилья была бесплатной и более либеральной, чем в Восточной Европе, где и сейчас еще во многих странах люди выплачивают государству долги за квартиры, приватизированные в начале 1990-х годов. В-третьих, в России рыночная экономика, конкуренция. Конвертируемая валюта стали реальностью, принятой обществом, что также является достижением реформ, проведенных в 1990-е годы (Е.Гайдар. Могильщикам либералов. Интервью «Еженедельному журналу». 19.04. 2004. №116. С.9).

многопартийность. В сфере мировоззренческой – это идейный плюрализм, свободное распространение философских и религиозных взглядов. Социальная база отечественного либерализма – прежде всего высокообразованные, востребованные люди, жители столиц и мегаполисов, обладающие большими адаптационными ресурсами.

Российские либералы – сторонники социально-ориентированного рыночного хозяйства, минимизации государственного вмешательства в экономику. Для них характерны приверженность общечеловеческим принципам политической демократии – разделению властей, многопартийности, обеспечению прав личности, независимости СМИ и пр. Разделяя эти принципы, либералы убеждены, что их дальнейшее распространение и укоренение в России возможно лишь на основе собственного опыта развития либерализма. В сфере внешней политики они выступают против имперских традиций, изоляционизма и конфронтационности, за интеграцию России в сообщество цивилизованных государств.

Социал-либералы («Яблоко») заявляют о своем российском патриотизме, но не таком, который ставит государство выше личности, ведет к разжиганию национальной розни и способен разрушить целостность страны, вызвать ее международную изоляцию. Национальные интересы России они считают несовместимыми с имперскими мифами и шовинистической истерикой. Для них быть патриотом – означает работать на благо страны и ее граждан, а не произносить «красивые» слова, заниматься поиском внутренних и внешних врагов. Сохранение целостности страны в ее нынешних границах рассматривается как стратегическая задача нации в XXI веке.

Для достижения главной цели партии «Яблоко» – построения правового демократического и социального государства, обеспечивающего динамичное развитие России и состоящее на службе её граждан, в предвыборной платформе 2011 г. «Россия требует перемен!» предложена конкретная программа радикального преобразования общества. Партия выступает за принятие первоочередных мер, направленных против сращивания власти и бизнеса, коррупции, неравенства возможностей, национальной вражды и нетерпимости, тоталитаризма и сталинизма. «Яблоко» считает необходимым осуществление широкого комплекса мер, призванных обеспечить права и свободы человека и гражданина, создание социально-рыночной экономики, инвестиции в человеческий капитал.

Лидером партии Г.А.Явлинским разработана стратегия прорыва – пошаговая государственная программа «Земля-Дома-Дороги». Её реализация открывала бы перспективы решения нескольких масштабных и крайне актуальных задач – жилищной проблемы;

развития производственных отраслей (строительной, металлургической, деревообрабатывающей, лёгкой); прекращения сырьевой зависимости страны; формирования крупного класса самостоятельных собственников, без которого не может функционировать стабильная демократия; создания предпосылок для преодоления демографического кризиса; расширения географии российской экономики.

Принципиально важную роль в превращении России в высокоразвитое государство, влиятельного актора мировой политики либералы отводят достижению партнёрских, а в перспективе и союзнических отношений с ведущими центрами силы современного мира – США и Объединённой Европой, располагающими наибольшим инновационным потенциалом и находящимися с Россией в едином культурном и ценностном поле. Миссия либералов, по утверждению Л. Ф. Шевцовой, «...заключается в том, чтобы доказывать, что нельзя модернизировать Россию без адаптации к западным стандартам, без включения России в евроатлантическое пространство»¹.

Будущее России либералы связывают прежде всего с Европой и европейским путем развития, поскольку она является европейской страной в силу своей исторической судьбы, культурных традиций и географического положения. Они считают, что потенциал российской нации может раскрыться через призму творческого освоения ценностей европейской цивилизации, в формировании которых существенный вклад внесла великая русская культура. Европейский путь означает рост благосостояния российских граждан, приближение его к европейским стандартам через формирование в нашей стране социально-экономической, политической и экологической модели европейского типа, развитие российского законодательства в соответствии с принципами Совета Европы, это мощный импульс, который получит Россия от интеграции с Европейским Союзом. Такой интеграции, по мнению либералов, требуют интересы национальной безопасности страны - в условиях глобальных вызовов Россия и Европа смогут выжить только вместе, образовав новый центр силы Большую Европу от Ванкувера до Владивостока

Либералы, ссылаясь на данные опросов общественного мнения, полагают, что в российском обществе есть силы, способные поддержать европейский выбор и имеют реальные шансы вызвать симпатии избирателей. Отмечается, что, несмотря на существующий у части социума негативизм в отношении европейской направленности внешней политики и особенно её активного вовлечения в многосторонние структуры, нарастающая плотность экономических и культурных связей между Россией и Европой, миролюбивая и

¹ Шевцова Л.Ф. Одинокая держава: почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М., 2010. С.264.

негегемонистская внешняя политика ЕС формируют в сознании россиян благоприятный облик Европы. Действие этих факторов способствует созданию широкой социальной базы проевропейских сил страны.

В контексте продолжающегося поиска Россией новой идентичности представляется реалистичной и конструктивной позиция тех отечественных ученых либеральной ориентации, которые под ее интеграцией в западное общество понимают не физическое присоединение к тем или иным международным институтам, а создание внутри страны современных институтов постиндустриального общества, обеспечивающих ее конкурентоспособность. Они видят проблему не столько в закреплении России в составе Запада, а в закреплении внутри ее современных институтов, технологий и практик, достижении совместимости с ним и превращении в «новый Запад». Такая интеграция не только не приведет к потере Россией своей идентичности, уподоблению США и Европейскому Союзу, а явится едва ли не единственно надежным способом укрепления международного статуса России¹.

Согласно преобладающему среди российских либералов мнению, России со временем следует вступить в НАТО, которое оценивается ими как союз демократий, где эффективно действуют все институты, и Россия могла бы многому поучиться. В НАТО либералы видят организацию, располагающую необходимым инструментарием обеспечения стабильности в мире и в перспективе способную стать основой для формирования системы международной безопасности. Членство в альянсе открывало бы перед Россией возможность участвовать в принятии решений по ключевым проблемам мирового развития и контролировать их выполнение.

Непосредственную интеграцию России в НАТО эксперты считают преждевременной. Ближайшую задачу они видят в надёжной стабилизации достигнутого уровня сотрудничества с этой организацией, придании позитивным тенденциям в отношениях с Западом необратимого характера.

По мнению Д. В. Тренина, вместо выдвижения задачи интеграции России в НАТО необходим курс на демилитаризацию отношений между ними, формирование Евро-Атлантического сообщества безопасности, в рамках которого война как средство решения возникающих конфликтов была бы гарантированно исключена².

Перспективна предлагаемая А. Г. Арбатовым стратегическая линия российской внешней политики в отношении НАТО, включающая два

¹См.: Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М., 2006.

² Тренин Д.В. Внешнеполитические перспективы России //Pro et Contra/ 2011. Т.15. №1-2. С.112-113.

взаимосвязанных направления: «Первое: избегая лобового сопротивления расширению НАТО, замедлить или вовсе заблокировать те его аспекты, которые противоречат интересам РФ как в географическом плане (вступление Украины, Грузии, Азербайджана), так и в функциональном отношении (расширение военного присутствия и силовые акции на постсоветском пространстве помимо или вопреки позиции РФ). Второе: не напрашиваясь на членство в союзе, через разнообразные каналы сотрудничества сделать фактическую роль России для трансформации и выполнения новых задач НАТО более значительной, чем у большинства «старых» и тем более «новых» членов. Задача максимум – это попытаться использовать ресурсы альянса в российских интересах»¹.

С точки зрения либералов, российской элите следует исходить из того, что государства Запада и прежде всего Соединенные Штаты заинтересованы в ее способности обеспечить стабильность на территории России, и необходимо всемерно использовать эту заинтересованность для ускоренной модернизации страны. Влияние на американскую политику может быть эффективным с позиций партнерства, а не конфронтационности, с учетом лидерства Соединенных Штатов в обозримой перспективе и значимости их роли в формировании нового миропорядка.

Важное условие движения к качественно новому партнёрству между США и Россией либералы видят в преодолении превалирующих в обоих государствах настороженности и недоверия, пересмотре устаревшей и неадекватной интеллектуальной парадигмы времён холодной войны, смене её на более реалистичную и модернистскую, способную радикально изменить политику. Имеется ввиду осознание того факта, что в сегодняшнем, а тем более завтрашнем мире Россия и США не представляют друг для друга главную угрозу, которая ныне связана с тенденциями и событиями внешними по отношению к взаимодействию обоих государств.

Цивилизационно ориентируясь на Запад и двигаясь к созданию общеевропейского пространства, Россия, по мнению либералов должна использовать такой внешнеполитический ресурс модернизации, как растущий потенциал Азиатско-Тихоокеанского региона. В этом контексте важнейшей задачей должно стать нахождение оптимального формата сотрудничества с Китаем, формирование сбалансированных отношений с государствами АСЕАН. России следует позиционировать себя, во-первых, как страну европейскую, и во-вторых – как страну евротихоокеанскую².

¹ Арбатова А.Г. Уравнение безопасности. М., 2010. С.121.

² См.: Тренин Д.В. «Post-imperium: евразийская история». М., 2012

Либералы оппонировали власти в вопросе о геополитическом позиционировании Сибири, оценивая заявленный ею подход как не отвечающий национальным интересам России. Отечественные эксперты Вл. Иноземцев, И. Пономарёв и В. Рыжков считают экономически неэффективными и политически вредными планы превращения этого региона в сырьевой придаток Азии: готовность «диверсифицировать» торговлю, переходя от поставок энергоносителей к продаже леса и воды, к сдаче в аренду сельскохозяйственных площадей, намерение использовать Сибирь в качестве международного транзитного коридора. Представляется верной следующая констатация: колониальное отношение к восточным областям государства обескровливает его и развращает федеральное правительство¹. Добавим: и общество в целом.

Продуктивна предлагаемая экспертами иная, альтернативная парадигма освоения Сибири – индустриализация и новое научно-техническое развитие благодаря перераспределению сырьевых доходов в пользу региона и привлечению инвестиций и высоких технологий из Южной Кореи, Японии и Соединённых Штатов.

Выбор в пользу этого пути позволит осуществить историческую миссию России в регионе – «замыкание» «Северного кольца» - союза современных демократических государств от Европы через Россию и Японию к Соединённым Штатам. Атлантический блок, состоящий из США и стран ЕС, должен дополниться Тихоокеанским блоком, включающим Россию, Японию и Соединённые Штаты. Китай же останется важным торговым партнёром России, покупающим у неё не сырьё и энергоносители, а продукцию высокотехнологичным отраслей сибирской промышленности. Такое развитие позволит Сибири позиционироваться как «Европе в Азии», мосту, соединяющему не Россию и Китай, а Европу и Америку.

В новых условиях Сибирь может (могла бы) превратиться в центр промышленного роста и развития экономики, аналогичный Калифорнии на Западном берегу Тихого океана. В этом случае Россия, как и Соединённые Штаты, стала бы страной, основные центры которой тяготели бы к двум великим океанам и были ориентированы соответственно на европейский и азиатский рынки. Именно такой видится либералам устойчивая геополитическая конструкция России в XXI веке и новая российская идентичность, по своим основам европейская, а по направленности – глобальная и космополитическая

Либералам представляются явно завышенными ожидания части российского правящего класса в отношении шансов на укрепление

¹ Вл.Иноземцев, И.Пономарёв, В.Рыжков. Континент Сибирь. На пути от колониальной к глобальной парадигме развития. Независимая газета. 2012-11-02.

международного статуса страны благодаря ее принадлежности к группе БРИК, которая нередко рассматривается как некая альтернатива и противовес Западу. Констатируется, что позиционирование на поле БРИК может дать России дополнительные возможности для отстаивания своих интересов на некоторых направлениях мировой политики, получения внешних инвестиций благодаря огромным валютным резервам Китая. Акцентируется и целесообразность использования этого неформального института для выдвижения новых международных инициатив, обмена опытом по ключевым вопросам экономического развития и решения проблем модернизации.

Вместе с тем в качестве стратегически значимых для России рассматриваются реалии иного свойства. Главным источником инноваций являются страны Запада, а страны БРИГС (Китай, Индия, Бразилия) скорее расширяют поле действия индустриальной экономики, чем создают новое, инновационное поле. Между странами группировки БРИК (после присоединения ЮАР - БРИГС) нет ничего принципиально общего. Они слишком разные по своей истории, традициям, политическому развитию и имеют свои, во многом не совпадающие интересы. Все страны этой группы в той или иной мере действуют с оглядкой на Соединенные Штаты, которые, несмотря на ослабление своих позиций, продолжают оставаться наиболее могущественным государством мира. С учетом же предполагаемого расширения группы БРИК за счет новых международных акторов (Мексики, Индонезии и др.) это объединение, имеющее во многом виртуальный характер, скорее всего превратится в фантом.

Либералы считают, что в интересах России учесть советский «опыт» сотрудничества с развивающимися странами» антиамериканской ориентации». Рациональным использованием российских средств были бы не оплата «дружбы» с «союзниками» из числа таких государств (например Венесуэла), и финансирование фантомных геополитических проектов, а их эффективное вложение в отечественную экономику, которое позволило бы повысить качество жизни сограждан. Кроме того, сотрудничество или солидаризация с радикальными антизападными режимами дистанцируют от России те государства, которые благодаря своему промышленному и научно-техническому потенциалу могут способствовать превращению её в высокоразвитое постиндустриальное государство.

Конструктивна и актуальна мысль о необходимости чёткого ранжирования целей и приоритетов внешней политики России, исходя из того, что её главной задачей должно стать сотрудничество со

странами, которые могут дать ресурсы для достижения высокого статуса в XXI веке¹.

В долговременном плане продуктивной, а, возможно, и прорывной является предложенная В. Л. Иноземцевым идея создания при участии России «нового Запада» в противовес формирующемуся «новому Востоку», и прежде всего возвышению Китая. Международное сообщество, которое кроме Соединенных Штатов и Европейского Союза включало бы государства, сформировавшиеся на западной культуре,- прежде всего Россию и наиболее крупные страны Латинской Америки, стало бы самым мощным в истории субъектом мировой политики и экономики, способным существенно снизить угрозы кризисов в Азии как потенциально наиболее конфликтном регионе мира. Такая ассоциация могла бы стать притягательным фактором для правительств и народов, в той или иной степени обращенных к Западу, и для всего человечества. Выгода для России от расширения границ западного мира состояла бы в том, что был бы задан четкий вектор ее развития, существенно расширились бы возможности модернизации страны. Образование «расширенного Запада» не означало бы создания глобального антикитайского альянса уже потому, что ни один из его участников не был бы заинтересован в военном противостоянии с Китаем¹.

При всей сложности реализации этой схему продвижение в заданном ею направлении могло бы существенно повысить степень управляемости мировым развитием, сыграть стабилизирующую роль в международных отношениях.

Акцентирование либералами приоритетности для России отношений с Западом коррелирует с позицией западных экспертов, которые исходят из того обстоятельства, что интересам США, прежде всего в сфере национальной безопасности, отвечает активное взаимодействие с Россией по жизненно важным проблемам - нераспространения и сокращения ядерного оружия, энергодиалога, контртерроризма, изменения климата, киберугроз, пиратства и т.д. Этой позиции с различными нюансами придерживаются сторонники как «избирательного сотрудничества» с Россией (например, политологи Т. Грэм, Д. Саймс и др.), так и стратегического партнерства с ней путем интеграции в институты евроатлантического сообщества, прежде всего НАТО (например, политологи Зб. Бжезинский, Ч. Купчан, Р. Легвольд и др.).

В публикациях российских либералов отмечается спорность одного из главных тезисов официальной российской политической философии - предопределенности для России благоприятных последствий

¹ Шейнис В.Л. Национальная безопасность Росс: испытание на прочность // Полис. 2010. №1. Ч.2. С.39.

¹ См.: Иноземцев В.Л. Контуры посткризисного мира //Россия в глобальной политике. Т.7. №3. Май-Июнь 2009. С.86-89.

формирующейся многополярности как способа сдерживания США. Обращаясь к историческому опыту, они напоминают, что в минувшем столетии многополярность дважды завершалась мировыми войнами, а биполярность и однополярность позволили избежать разрушительных конфликтов. Утрата Соединенными Штатами доминирующих позиций в мире, соперничество центров силы, как резонно констатирует В.Л.Иноземцев, сами по себе не решают проблему устойчивого мироустройства². В этой связи нуждается в прояснении вопрос - в какой многополярности заинтересована Россия и какую многополярность ей выгодно укреплять.

По мнению отечественных либералов, перед лицом многочисленных вызовов самому существованию цивилизации устойчивый или по крайней мере отвечающий интересам большинства народов и государств миропорядок может быть создан путём выявления, институционализации и реализации консолидированного общего интереса, из которого были бы исключены крайние позиции и узкоэгоистические устремления³.

Либералы считают целесообразным конкретизировать требование демократизации международных отношений, пользующееся поддержкой общественного мнения. Они исходят из того, что наиболее значимые для мира вопросы далеко не всегда могут решаться всеобщим голосованием даже наиболее влиятельных международных организаций, включая ООН.

Утверждение нового миропорядка, основывающегося на демократических началах и исключающего любую гегемонию, либералы связывают с возрастанием роли духовно-нравственной составляющей в жизни глобального социума, прежде всего приоритета общечеловеческих ценностей.

Подходы либералов к проблемам формирующегося миропорядка и геополитического самоопределения России в парадигмальном плане тяготеют к теоретической школе политического идеализма, что проявляется в акцентировании ценностей демократии, свободы, прав человека, морали. Они продуктивны нацеленностью на содействие цивилизационному самоопределению России в качестве европейского демократически-правового государства, на выявление оптимальных путей модернизации внешней политики как ресурса для модернизации страны и ее вхождения в развитое социально-экономическое пространство.

Главный недостаток российской внешней политики либералы видят в том, что в ней не просматривается продуманная стратегия, нацеленная

² См. Иноземцев В.Л. С тревогой о России. Рецензия на книгу Е.М.Примакова. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. (М.: «Российская газета». 2009) //Свободная мысль. 2009. №3. С.199-200.

³ См.: Шейнис В.Л. Миропорядок после кавказской войны (Констатации и фантазии на международные темы) // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №5.. С.12.

на будущее, а провозглашаемый прагматизм носит преимущественно краткосрочный, ситуативный характер, позволяющий поддерживать существующий статус страны. Для обретения более высокого статуса влиятельной трансрегиональной державы (для чего у России имеются серьезные предпосылки) этого, как считают либералы, недостаточно. В обстановке глобальной конкуренции и геополитических сдвигов потребность в новом качестве внешней политики будет возрастать, а, следовательно, необходима модернизация ее содержания и инструментария. Представляется обоснованным мнение директора Московского центра Карнеги Д. Тренина: «Если главная задача страны – модернизация, если без модернизации Россию ждет маргинализация, то и внешняя политика должна быть направлена на то, чтобы использовать международные отношения как внешний ресурс для модернизации страны»¹.

Центральное место в российской внешней политике должно занимать «мягкое влияние», элементами которого являются фактор русского языка как средства коммуникации, спрос на русскую культуру и образовательные ресурсы². Это касается не только отношений с соседями по постсоветскому пространству, но и другими государствами мира.

Фундаментальная причина ограниченной эффективности российской внешней политики видится либералам в переходном состоянии российского общества и государства, гибридном характере режима, находящегося в стадии транзита. Переходность детерминирует устойчивое существование и переплетение различных по характеру тенденций, относящихся к разным историческим эпохам.

По мнению либералов, достижение нового качества российской внешней политики невозможно без преодоления «оборонного» сознания части общества, доставшегося от прошлого и настойчиво реанимируемого консервативными силами, эксплуатирующими в своих эгоистических интересах стереотипы времён холодной войны. Задача видится в том, чтобы помочь россиянам сформировать адекватное восприятие внешнего мира, свободное от мифов.

Для формулирования основных принципов и направлений внешней политики России либералы считают необходимым конструктивный диалог между представителями всех ответственных политических течений – консервативного, социалистического и либерального. По их мнению, экспертное сообщество могло бы способствовать успеху диалога, предоставив в распоряжение его участников свои ресурсы.

Российские либералы заявляют о своей солидарности с международным либеральным сообществом в стремлении достойно

¹ Интервью директора Московского Центра Карнеги Дмитрия Тренина газете Взгляд (электронный ресурс) <http://www.vz.ru/politics/2009/11/10/347219.html> (Дать обращения 24 января 2010)

² Тренин Д.В. «Post-imperium: евразийская история». М., 2012, С.318.

встретить новые вызовы человечеству на пороге XXI века. Они уверены в том, что выживание всех народов в наступившем столетии во многом зависит от того, насколько широкое распространение получат либеральные ценности.

Наиболее известные представители современного экспертного либерализма:

в области политической науки и международных отношений – А. Г. Арбатов, И. М. Бунин, Вл. Л. Иноземцев, А. А. Кара-Мурза, С. А. Караганов, И. М. Клямкин, А. Мигранян, В. А. Никонов, Т. Г. Пархалина, В. Е. Петровский, Г. А. Сатаров, Д. В. Тренин, К. Г. Холодковский, Л. Ф. Шевцова, Ф. В. Шелов-Коведяев, В. Л. Шейнис;

экономики – Е. Т. Гайдар, А. Н. Илларионов, Г. А. Явлинский, Е. Г. Ясин;

правоведения – С. С. Алексеев, М. А. Краснов, А. В. Оболонский;

культурологи – И. Г. Яковенко

национальных отношений и федерализма – В. А. Тишков;

этнографии - Э. А. Паин.

Развитие либеральной идеологии и обоснование принципов либеральной политики, соответствующей современным российским реалиям, является главной задачей созданного в 2000 г. фонда «Либеральная миссия». Фондом издаются публикации, проводятся обсуждения актуальных проблем российской и мировой политики, инициируются интернет-дискуссии с участием не только приверженцев либеральных взглядов, но и представителей иных политико-идеологических течений, в том числе открытых противников либерализма.

В публикациях «Либеральной миссии» отмечается, что диалог - неотъемлемая составляющая часть либерального дискурса, присущий именно ему способ публичного существования. Развитие диалогической культуры рассматривается фондом как одна из главных миссий либералов. При этом не ставится задача переубедить оппонентов, заставив их отказаться от своих убеждений. Проблема видится в ином: свои собственные идеалы и взгляды либералы могут осуществить лишь при условии укоренения в обществе диалогической культуры, позволяющей преодолеть непримиримость идеологических конфронтаций, достичь минимально необходимого общественного консенсуса в отношении базовых ценностей.

Наиболее известные исследования отечественных либералов, вышедшие в последнее годы, – работы Е. Т. Гайдара «Долгое время. Россия в современном мире: очерки экономической стратегии» (М., 2005), Е. Г. Ясина «Новая эпоха – старые тревоги. Политическая экономия» (М., 2004) и «Приживется ли демократия в России. 2-е изд.,

расшир. и доп.» (М., 2012), Д. В. Тренина. Интеграция и идентичность: Россия как «новый» Запад (М., 2006) и «Одинокое плавание (М., 2009), «Post-imperium: евразийская история». М., 2011), Г. А. Явлинского «Перспективы России» (М., 2006), «Стимулы и институты. Переход к рыночной экономике в России» (М., 2007), «После империи / Под общ. ред. И. М. Клямкина. (М., 2007), «Россия и Запад: Внешняя политика Кремля глазами либералов / Под общ. ред. И. М. Клямкина. (М., 2009). А. Г. Арбатова «Уравнение безопасности. (М., 2010), Л.Ф. Шевцовой «Одинокая держава: почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом» (М., 2010); И. М. Бусыгиной, М. Г. Филиппова «Политическая модернизация России: необходимость, направления, издержки, риски» (М., 2012). Первая из этих книг претендует на роль своеобразного манифеста нелиберальной идеологии XXI века. Исследования отечественных либералов представляют собой, на наш взгляд, важную часть интеллектуальной подготовки перехода России к правовому демократическому строю.

Мы разделяем точку зрения тех ученых, которые считают, что либерализм вновь становится актуальным для России в связи с необходимостью постиндустриальной модернизации страны, которая не может быть проведена авторитарным режимом¹. В отличие от этапов индустриализации, урбанизации и т.п. такая модернизация требует развитой инновационной сферы, свободы бизнеса и его правовой защищенности. Именно либерализм с его упором на институты собственности и конкуренции способен повести Россию по пути модернизационных реформ, обеспечить необходимый технологический рывок в постиндустриализм.

Сохранение существующего режима лишает Россию шансов стать обрести благоприятный имидж для мирового сообщества, внутренних и внешних инвесторов. Упрочение её положения как великой державы требует успешных экономических преобразований, принципиально невозможных без политической модернизации. Откладывание назревших реформ и сохранение существующей модели государства, во-первых, ведёт к значительным экономическим потерям уже сегодня и, во-вторых, серьёзно осложняет перспективы страны, повышая цену реформирования в будущем, вероятные издержки и риски.

Переход с экспортно-сырьевой на высокотехнологическую инновационную модель экономики в рамках демократизации

¹Тренин Д. Секрет консервации персоналистского режима надо искать не в конституционной конструкции государства, а в обществе//Российское государство: вчера, сегодня, завтра/ <http://liberal-1.hosting.parking.ru/sitan.asp?Num=656>; (Дата обращения: 12 апреля 2008 г.); Гельман В. Тулик авторитарной модернизации //Pro et Contra. Т.13. 2009. №5-6; Бусыгина И., Филиппов М.. Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. М., 2012.

политической сферы естественно ориентирует направление внешней политики России как самой мощной экономической державы Европы. По убеждению либералов, стране нужна не реактивная «многовекторность», а динамичная внешняя политика с глубоко продуманными инициативами, с чёткой системой приоритетов и высокой предсказуемостью, достойной великой державы. Прав А. Г. Арбатов, утверждая: «Конкретные параметры, а также формы и пути равноправной и взаимовыгодной интеграции России с остальной Европой, как и сотрудничества с ведущими государствами – США, Китаем, Индией, Японией, определит время»².

Для возвращения в большую политику либеральным и демократическим силам предстоит решить ряд задач: создать широкую коалицию своих единомышленников, способную стать основой для формирования партии; тщательно проанализировать уроки 1990-х годов и сформулировать новую идеологию, которая не только исходила бы из либеральной парадигмы, но и учитывала преобладающий в общественных настроениях левый тренд - сильную ностальгию по советским временам, гораздо большую востребованность идей справедливости и равенства, чем идей гражданского общества и незыблемости частной собственности.

Представляется вероятным дрейф демократических партий в сторону социального либерализма, усиления в их программах социальной составляющей. Идея доминирования прав личности и защиты интересов рядового человека может стать платформой для сближения демократических партий и главной для либерального движения, способной объединить вокруг него миллионы людей. На основе этой идеи обществу следует предложить проект, который максимально отвечал бы его потребностям, суметь объяснить рядовому человеку возможности для самореализации, которые откроет перед гражданами демократическая система.

При всех сложностях в становлении российского либерализма его долговременные перспективы представляются благоприятными. По мере укрепления буржуазных и средних слоев – носителей либерального сознания, формирования в российском обществе конкурентной среды, превращения России в один из соперничающих центров силы многополярного мира можно ожидать усиления влияния либерализма, расширения электората либеральных партий и обретения ими реальных шансов на политическое будущее.

Будущее либерализма в России отечественные и зарубежные исследователи связывают с формированием его новой, жизнеспособной разновидности, соответствующей современным условиям. Вместе с тем подчеркивается уместность обращения к

² Арбатов А.Г. Уравнение безопасности. М.: РОДП «Яблоко», 2010. С.143.

не востребуемым идеям русских либералов, сохраняющим актуальность.

ГЛАВА 4. ИДЕОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИЗМА

4.1. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КОНСЕРВАТИЗМА КАК ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЧЕНИЯ

Термин «консерватизм», который дал название одному из наиболее влиятельных идейно-политических течений, произошел от английского слова “conserve” (сохраняю, охраняю). В лексикон он был введен французским писателем Р. Шатобрианом, который в 1818 г. начал издавать журнал «Консерватор».

Первоначально этот термин употреблялся как обозначение идеологии феодально-аристократической реакции на французскую буржуазную революцию конца XVIII века. В Англии он получил официальное признание в 20-30-х годах XIX в. применительно к сторонникам партии тори, приверженцам существующих устоев. Примерно в это же время им начали пользоваться в Соединенных Штатах.

В отечественных научных исследованиях консерватизм трактуется как политическая идеология, ориентированная на сохранение и поддержание исторически сложившихся форм государственной и общественной жизни, в первую очередь ее морально-правовых основ, воплощенных в нации, религии, браке, семье, собственности¹.

Аналогичное толкование консерватизма представлено в ряде зарубежных изданий. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged предлагает следующее определение: консерватизм – это «(1.а.: политическая позиция, направленная на сохранение установленного порядка... б: политическая философия, основанная на высокой оценке традиции и общественной стабильности, указывающая на важность существующих институтов (религия, семья и классовая структура) и отдающая предпочтение постепенному развитию с сохранением лучшего из того, что было в прошлом, перед скоропалительным изменением».² Формулировка понятия «консерватизм» в энциклопедии Britanica такова: это «кредо тех, кто убежден в ценности сохранения существующего политического, социального и экономического порядка насколько возможно долго. Более точно, это стремление принимать только те традиции и институты, которые прошли проверку временем и практикой, и производить изменения в них лишь постепенно и изредка»¹.

¹ См.: Современный западный социологический словарь. М., 1990. С.135-136; Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2003. С.343.

² Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. In 3 vols: Vol. 1. Chicago, etc, 1993. P.483.

¹ The New Encyclopedia Britannica. In 32 vols: Vol.3. Chicago, etc, 1994. P.554.

Следуя концепции, предложенной К. Мангеймом², многие ученые понимают консерватизм как осозанный, теоретически аргументированный традиционализм. По мысли исследователя русского консерватизма В. А. Гусева, «консерватизм представляет собой тип политической мысли, политическую идеологию, главным систематизирующим принципом которых выступает принцип следования социальной традиции»³. Сторонники такого подхода не без оснований полагают, что идеология консерватизма основывается на психологическом типе личности, которому присущи установка на иерархию, склонность к подчинению авторитету, ригидность мышления, оценка окружающих людей по критерию «свой – чужой», антирационализм⁴.

В интерпретации американского ученого Р. Таккера, консерватизм – это прежде всего «политическая идеология, ориентированная на сохранение и поддержание сформировавшихся форм государственной и общественной жизни»⁵.

К числу основных ценностей консерватизма обычно относят необходимость социальной иерархии (ранжирование общества), признание несовершенства человеческой природы и вследствие этого обязательность цивилизующей роли церкви, семьи и школы; культ сильного государства; стремление к постепенности и осмотрительности в проведении политических преобразований; приоритет целого (государства, народа, нации) над частью (сословием, индивидом); враждебность рационализму и индивидуализму⁶. Со времен отцов-основателей консерватизма его антиценностями являются индивидуализм, социальное и имущественное равенство, атеизм, моральный релятивизм, культ разума, революционаризм.

Один из ведущих исследователей консервативной мысли Рассел Кирк сформулировал следующие шесть принципов («канонов») консерватизма: 1) вера в божественность законов, которые управляют обществом ; 2) осознание неизбежности социального разнообразия как антитезы единообразию и эгалитаризму; 3) убежденность в необходимости обеспечения в цивилизованном обществе порядка и сохранения классовой структуры; 4) понимание неразрывности связи между частной собственностью и свободой; 5) вера в приоритетность

² См.: Мангейм К. Консервативная мысль/Диагноз нашего времени. М., 1994. С.602, 594.

³ Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь. 2001. С.240.

⁴ Блинов В.В. Политико-психологический подход к изучению консерватизма: обоснование и структура анализа//Вестн. Моск.ун-та. Сер.12. Политические науки. 2007. №1. С.108.

⁵ Tucker R. Political Culture and Leadership in Soviet Russia. N.Y., 1987. P.135-136.

⁶ См.: Григоров К.С. Преодоление заданности: размышления о консерватизме // Полис. 200. №3; Лотарев К.А. Истоки и особенности российского консерватизма // Социально-гуманитарные знания.. 2000. №3; Попова О.В. Консервативные ценности в стереотипах политического сознания и поведения россиян //Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). Сб.ст. Вып 1. Под ред. Ю.Н.Солонина. СПб.: Изд -во СПбГУ. 2004. С.203.

традиций над предрассудками и проявлениями анархии; б) признание не тождественности изменений и реформ, эффективности только осмысленного реформирования¹.

При различном понимании специфики консерватизма большинство западных (прежде всего американских) исследователей рассматривает его как противоположность либерализму.

Трудности в определении основного содержания консервативной идеологии порождаются и причинами, связанными с эволюцией этого идейного течения.

Во-первых, с течением времени произошла инверсия значений либерализма и консерватизма. Так, принципиальные положения классического либерализма – требования свободы, рынка и ограничения государственного вмешательства в экономику – сегодня рассматриваются как консервативные. В то же время идея централизованной регулирующей власти государства, ранее выдвигавшаяся консерваторами, стала важным компонентом либерального сознания.

Во-вторых, имеет место внутренняя гетерогенность идеологии консерватизма. Она включает разные направления, объединенные общей функцией – оправдания и стабилизации устоявшихся общественных структур. Носителями идеологии консерватизма являются социальные группы, слои и классы, заинтересованные в сохранении традиционных общественных порядков или в их восстановлении.

В консерватизме обычно выделяют три течения – традиционалистское, либертариистское и неоконсервативное (или либерал-консервативное)². Они взаимодействуют между собой, образуя сложноструктурное целое, обозначаемое понятием «современный консерватизм».

4.2. ТРАДИЦИОНАЛИСТСКОЕ ТЕЧЕНИЕ

Традиционалистское течение было исторически первым, положившим начало консерватизму. Основатели этого идейного течения - англичанин Эдмунд Бёрк (1729-1797), французы Жозеф де Местр (1753-1821) и Луи де Бональд (1754-1840), по своей социально-классовой принадлежности выражавшие главным образом интересы феодально-аристократических кругов, потерпевших поражение во

¹ Kirk R. *Conservative Mind: From Burke to Eliot*. 7th. Revised Edition. Chicago, Washington. 2001. p.3-9.

² Мельвил Ю.А. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни 80-х годов. М., 1986. С.48; Коваленко В.И., Костин А.И. Политические идеологии: история и современность // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1997. №2. С.47-54.

время Великой французской революции. Их труды и прежде всего вышедшая в 1790 г. книга Э. Бёрка «Размышления о революции во Франции» являлись реакцией вытесняемых с исторической арены классов и слоев на идеи Просвещения и французской буржуазной революции. Этим идеям противопоставлялись традиции, преемственность, эволюционность и порядок.

В трудах Э. Бёрка наличествуют две главные идеи, оказавшие влияние на развитие консерватизма: 1) традиционализм, в соответствии с которым политический строй понимается как продукт истории и передачи от поколения к поколению; 2) органицизм, согласно которому политическая мудрость состоит в постоянном изучении традиции и нравов.

Система воззрений основателей консерватизма основывалась, во-первых, на приоритете преемственности над инновациями; во-вторых, на признании незыблемости исторически сложившихся форм государственной и общественной жизни, воплощенных в нации, религии, морали, семье, собственности; в-третьих, на культивировании идеи ранжирования общества в противовес идее равенства. Эти принципы отрицали либеральный дух индивидуальной свободы, который, по мнению консерваторов, разрушал целостность человеческого сообщества.

Важное место в трудах этих мыслителей занимало понятие «традиционализм». В противоположность идеям Просвещения традиция получает у них приоритет над разумом, поскольку подчинение ей означает действие в соответствии с естественным ходом вещей и вековой мудростью.

Традиционализм должен определять содержание реформ, проведение которых не нарушало бы естественный ход вещей. При этом выделяются два основных вида реформ: реформы, направленные на восстановление традиционных прав и принципов, и превентивные реформы, нацеленные на предотвращение революций.

В вопросе о соотношении традиции и изменения Э. Бёрку принадлежит следующее суждение: «Государство, которое не в силах ничего изменить, не способно себя сохранить»¹. Иными словами, естественным пределом опоры на традицию, по мнению Э. Бёрка, выступает потребность в частичных изменениях ради поддержания жизнеспособности системы.

Э. Бёрк старался учитывать фактор изменений как нечто постоянное. Наилучшим средством сопротивления неожиданным вызовам ему представлялось опережение их путем своевременной адаптации к смене обстоятельств, т.е. исключение самой неожиданности.

У Жозефа де Местра тенденция к охранительности выражена сильнее, чем у Э. Бёрка. Если Э. Бёрк стремился опережать неожиданное

¹ Цит. по: Полис. 2003. №5. С.93.

развитие событий путем принятия превентивных мер, направленных на приспособление к смене обстоятельств, то для Ж. де Местра изменения ассоциировались с дискомфортом, потерями и страданиями, отражавшими его личные впечатления и опыт.

Жозеф де Местр и Луи де Бональд, классики аристократического консерватизма, отвергали республику и противопоставляли ей традицию и авторитет. Ядром политических взглядов Ж. де Местра явилась идея эквilibра, понимаемого как создание статического равновесия в политической и духовной жизни на базе теократии. Л. де Бональд не отдавал предпочтения ни светской, ни религиозной власти, выдвигая идею союза религиозного и политического общества.

Со второй половины XIX века консерватизм начал ориентироваться на защиту интересов буржуазии. В 1871 г. О. Бисмарк оказал значительную помощь правительству Тьера в подавлении Парижской Коммуны. Принятием репрессивного «исключительного закона» против социалистов (1878 – 1890) и программой социального законодательства (обязательное страхование для некоторых групп рабочих) он пытался воспрепятствовать росту революционного рабочего движения. Консервативная партия Великобритании первоначально выражала интересы аристократов-лендлордов, а с 70-80 гг. – все более широких кругов колониально-банковской и крупной промышленной буржуазии. К началу XX столетия объективные предпосылки существования традиционного консерватизма были в основном исчерпаны.

С развитием модернизационных процессов, сокращением традиционных социальных групп и становлением основных классов индустриального общества консервативная идеология лишилась своего охранительного пафоса. На основе консервативной идеологической традиции формировались течения, которые ориентировались на разные модели политического поведения и представляли собой результат синтеза с либерализмом.

Консерваторы послевоенного времени Р. Кирк, Д. Бурстин, П. Вирек, У. Бакли-мл и др. выступали против, с их точки зрения, исчерпавшей себя либеральной политики «нового курса», считая Соединенные Штаты образцом неизменного консервативного порядка, воплощением ценностей традиционализма. Они были озабочены проблемами инфляции, роста налогов, излишней политической централизации, разгулом преступности и внешнеполитическими неудачами администрации Д. Эйзенхауэра. Важнейшая цель консерватизма им виделась в освобождении американского общества от чрезмерного государственного присутствия, возрождении истинного сообщества, раскрепощающего энергию локальных общин и добровольных гражданских объединений, без которых невозможно

защитить уникальное разнообразие жизни от стандартизации и унификации, обеспечить максимальную самореализацию индивида. Наиболее известным представителем традиционного консерватизма в XX веке был американский ученый Рассел Кирк (1918–1994), опубликовавший в 1953 г. книгу «Консервативное мышление: от Бёрка к Элиоту», которая выдержала семь изданий и постоянно дополнялась новым материалом. Консерватизм, в его понимании, не идеология, а фундаментальный способ отношения к жизни, архетип человеческого существования, имеющий два основания – природу человека и живую традицию. Р. Кирк полагал, что именно консерватизм внес решающий вклад в развитие политического сознания Запада.

Р. Кирку особенно близка мысль Э. Бёрка о государстве как результате многовекового «органического» развития и созидательной деятельности, его представление о социальной жизни как «контракте вечного общества», объединяющего умерших, живущих и его не рожденных. Согласно Р. Кирку, «... хорошим является то правительство, которое соответствует традициям, неписанным законам и обычаям данного народа»¹.

Развивая традиционалистские принципы, Р. Кирк утверждал, что в революционные эпохи люди часть увлекаются новизной, но затем устают от нее и тянутся к старым принципам. История трактуется им как циклический процесс смены эпох. Период после Второй мировой войны оценивается как наиболее благоприятный для консерваторов. На них, по его мнению, легло бремя ответственности за судьбу христианской цивилизации, и они в силах справиться с этой задачей.

В публикациях Р. Кирка проводится мысль о невозможности улучшить мир посредством политической деятельности ввиду неисправимого повреждения природы человека, которое не позволит ни воспитать идеальную личность, ни организовать совершенное общество. Возможности людей исчерпываются созданием относительно приемлемой формы общественного устройства, основывающейся на ценностях порядка, свободы и справедливости, но не исключающей пороки, злоупотребления и человеческие страдания.

В целях поддержания социального равновесия, необходимого для сбалансированного развития общества и индивида, консерваторы-традиционалисты, по мнению Р. Кирка, должны стремиться обеспечить широкий национальный консенсус, апеллируя к традиционным представлениям и предрассудкам, авторитету и религии. Социальную и экономическую проблематику следует переводить в религиозно-этическую плоскость.

¹ Кирк Р. Какая форма правления является наилучшей для счастья человека? //Полис. 2001. №3. С.146.

В 80-е годы Р. Кирк выделил следующие принципы традиционного консерватизма: вера в «закон и порядок» и убеждение в том, что экономика переходит в политику, политика в этику, этика в религиозные понятия. Взгляды Э. Бёрка охарактеризованы им как «главное русло консерватизма»².

Традиционалистские идеи оказали существенное влияние на программы и платформы многих фундаменталистских групп и организаций, которые в 80-х гг. выступили в качестве движущей силы сдвига вправо в идейно-политической жизни США.

В начале XXI века бытующий среди потомственных белых американцев страх перед перспективой превращения в «меньшинство в собственной стране» стал одним из мощных источников политико-психологического, идейно-культурного и духовно-нравственного запроса на консерватизм. Формированию этого запроса способствовали и шоковые для населения США последствия сентябрьских терактов, осознание им своей незащищенности. Религиозно-фундаменталистские проявления консерватизма являются устойчивой характеристикой политического фона современных Соединенных Штатов.

4.3 ЛИБЕРТАРИСТСКОЕ ТЕЧЕНИЕ

В конце XIX – начале XX века в США и позднее в Европе возникла и становилась все более влиятельной либертаристская разновидность консерватизма. Она окончательно оформилась в первой половине XX века.

Либертаризм – эконоцентричное течение в современном консерватизме, которое наследовало классическую либеральную традицию XVIII – XIX веков. На этом основании некоторые ученые даже относят его к неолиберализму.

Либертаризм, по мнению его идеологов, призван, с одной стороны, развить идею индивидуальной свободы, сформировавшуюся в минувшие эпохи, а с другой – предотвратить дальнейшее распространение социалистических идей.

Концептуальные основы либертаристского консерватизма заложили Фридрих фон Хайек (1899 – 1992) и Людвиг фон Мизес (1881 – 1973). Работа австро-британского экономиста и философа Ф. Хайека «Дорога к рабству» (1944) по существу явилась манифестом либертаризма.

Основатели либертаристского течения считали любую форму вмешательства в экономику неприемлемой и негативно относились к

² Кирк Р. Мысли об американском консерватизме // Америка. 1981. №298. С.2.

идее макроэкономического регулирования. В их представлении рыночная свобода, равно как свобода политическая, правовая и духовная, не может быть даже частично ограничена. В качестве естественной формы организации общества они рассматривали «спонтанный порядок», т.е. возникающий в процессе естественного развития.

В начале своей научной деятельности Ф. Хайек активно занимался экономической теорией и был главным оппонентом экономиста Дж. Кейнса, выступавшего за государственное регулирование экономики как способ преодоления странами Запада «великой депрессии» рубежа 20-30-х годов XX века. Основная проблематика Ф. Хайека с середины 40-х годов – полемика с тоталитаризмом, к которому он относил социализм и социалистическую идеологию.

В работе «Дорога к рабству» (1944) Ф. Хайек доказывал принципиальную неосуществимость целей социализма ввиду несостоятельности централизованной системы управления, не соответствующей структуре производства и общественным потребностям. Реализация принципов планирования неизбежно приводит к тоталитаризму, поскольку невозможна без принудительных мер, свертывания законности, проникновения государства во все сферы общественной жизни. Главное преимущество рыночной экономики Ф. Хайек видел в способности рынка посредством механизма цен использовать такой объем информации, который не может быть обработан в интересах экономических агентов при централизованной системе планирования. Рыночная экономика, по Ф. Хайеку, это сложная, спонтанно действующая система, возникающая в процессе эволюционного развития, а не за счет движения к некоей запрограммированной цели. Она функционирует благодаря соблюдению индивидами с различными интересами универсальных правил поведения.

Согласно Ф. Хайеку, общество с рыночной экономикой плюралистично и является открытым. Оно основывается на умении индивидов жить вместе и быть полезными друг другу даже при различии частных интересов и целей. Демократия является важнейшим средством обеспечения свободы.

Ведущие представители современного либертариизма – недавно скончавшийся глава Чикагской школы монетаризма Милтон Фридман и автор широко известной книги «Анархия, государство и утопия» (1975) Роберт Нозик (1938-2002). Они доказывают, что эрозия свободного предпринимательства, индивидуальной и семейной ответственности ведут к стагнации и бедности, что необходимо возрождение классической традиции индивидуализма и свободной рыночной экономики. По их мнению, источник многих нынешних проблем – в нарушении естественных, богом данных принципов

свободного предпринимательства и рынка прежде всего со стороны государства.

Либертаристы отвергли тезис неолибералов о необходимости планирования и регулирования экономики в рамках государства всеобщего благоденствия. Они полагают, что усиление роли государственного сектора, программирование отдельных отраслей промышленности и т.п. подрывают естественный способ регуляции человеческой жизни.

Исходя из этой принципиальной позиции, либертаристы выступали за ограниченную социальную политику государства, которая позволяла бы лишь разряжать социальную напряженность; призывали правительства в реализации своих программ опираться исключительно на рынок. При этом они считают целесообразным переложить значительную часть ответственности за оказание помощи бедным на местные органы власти и такие общественные институты, как семья, церковь, школа, добровольная благотворительность со стороны богатых.

В вопросе о правах либертаристы отстаивают прежде всего естественные права человека – на жизнь свободу, частную собственность, т.е. так называемые «негативные права». По их мнению, марксисты и социал-демократы извратили подлинную концепцию прав человека, утвердив в сознании людей так называемые «позитивные права» - право на труд, отдых жилище, справедливую заработную плату и т.д. Социальное равенство, полагают либертаристы, лишено гуманистического смысла, поскольку провозглашает равенство условий, посягающее на право частной собственности, а не равенство возможностей.

Констатируя идентичность идей классического либерализма и современного либертаризма, следует иметь ввиду коренное отличие их социального содержания. Идеи классического либерализма сформировались в антифеодальной борьбе «третьего сословия» за свои права и свободы. Либертаризм же возник в иной ситуации, с одной стороны, монополизации экономики, а с другой – обретения государством социальных функций. Именно поэтому защита классических либеральных идеалов свободного рынка и конкуренции, интересов и привилегий групп, уходящих с исторической арены, имеет консервативный смысл.

4.4 НЕОКОНСЕРВАТИЗМ

Значительную роль в становлении постиндустриального общества сыграл неоконсерватизм, доминировавший в наиболее развитых

странах с конца 70-х до начала 90-х годов XX века. Это идейно-политическое течение сочетает либерально-технократическую приверженность прогрессу, свободе и экономическому росту с ориентацией на сохранение и укрепление традиционных общественных ценностей.

Наиболее значимых результатов неоконсерватизм достиг в США и Великобритании¹. В практике европейских государств неоконсервативные взгляды и представления не получили широкого распространения ввиду укоренившейся социал-реформистской традиции, воплощенной в функционировании социального государства.

Разработкой неоконсервативных идей в США занимались И. Кристол и Н. Подгорец, которых нередко называют «крестными отцами» неоконсерватизма, Д. Белл, С. Липсет, С. Хантингтон и др.; в ФРГ – Г. Кальтенбруннер; во Франции – А. Бенуа и П. Вьяль. В США самые известные неоконсервативные идеологи вышли из либеральных кругов, близких к демократической партии. Европейский консерватизм также имеет либеральные корни.

Американские неоконсерваторы первой волны И. Кристол, Н. Подгорец, Д. Мойнихен и др., дистанцировавшись от традиционных консерваторов, отрицавших необходимость в идеологических конструкциях, выступили за реидеологизацию политики Соединенных Штатов. Эта установка проявилась в объявлении Советского Союза «империей зла», которую необходимо уничтожить, а в начале XXI века стала идеологической составляющей политики «экспорта демократии», проводимой Соединенными Штатами с целью обеспечения своего доминирования в мире.

В молодости многие отцы-основатели неоконсерватизма увлеклись левыми идеями, особенно троцкизмом с его мессианскими представлениями и радикальной революционностью. С течением времени критика сталинизма переросла в воинствующий антикоммунизм и неприятие любых форм вмешательства государства в общественную, прежде всего экономическую жизнь, а троцкистская идея мировой революции трансформировалась в концепцию «благотворной гегемонии» Соединенных Штатов в международных отношениях, проявляющейся в повсеместном распространении демократии.

В 80-х гг. минувшего века неоконсервативными идеями руководствовались известные политические деятели Р. Рейган, Дж. Буш (отец), М. Тэтчер, Г. Коль. Эти идеи во многом определяют военно-политическую стратегию администрации Дж. Буша (сына).

¹ Подробно об этом см.: Громько А.А. Два десятилетия британского реформизма. М., 2001; Мельвиль А.Ю. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х гг. М., 1986; Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996; Согрин В.В. Политическая история США. М., 2001 и др.

Приверженность неоконсерватизму неоднократно демонстрировали вице-президент Р. Чейни и бывший министр обороны Д. Рамсфелд. В течение ряда лет неоконсерваторы были представлены во власти заместителем последнего П. Вулфовицем, председателем Комитета по оборонной политике Пентагона Р. Перлом и спецпредставителем США в ООН Дж. Болтоном.

Существенное влияние на американскую политику оказывают ведущие центры неоконсервативной ориентации (Фонд «Наследие», Гуверовский институт по проблемам войны, революции и мира при Стэнфордском университете, Центр стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, Институт внешнеполитических исследований и др.). Их рекомендации определяли стратегию рейганизма, а в настоящее время - курс на закрепление американского доминирования в мире, резкое усиление военной составляющей внешней политики.

В сфере международных отношений неоконсерватизм основывается на идеях влиятельной на Западе школы «политического реализма», отдавая предпочтение силовым методам разрешения конфликтных ситуаций, особенно на локальном уровне. В то же время ряд исследователей, в целом разделяющих неоконсервативные идеи, выступают против концепции «локальных войн», поскольку на практике трудно определить грань между «ограниченным» и «неограниченным» применением силы, способным создать угрозу самому существованию человечества.

Социальную базу неоконсерватизма составил «новый средний класс», заинтересованный во внедрении в экономику достижений научно-технической революции, и группировки так называемого «молодого капитала», сформировавшиеся в современных отраслях экономики – электронной, аэрокосмической, авиационной и др.

В 70-80-х гг. неоконсерватизм отразил такие глубинные общественные процессы, как потребность экономики в ослаблении государственного регулирования и поощрении предпринимательской инициативы, в расширении сферы действия конкурентных рыночных начал. Возникновению неоконсерватизма способствовало углубление «кризиса веры», проявлявшегося в утрате гражданами готовности подчиняться законам и сдерживать эгоистические соблазны. «Сдвиг» в пользу неоконсерватизма был вызван также неприятием частью элиты Запада радикальных движений социального протеста 60-70-х гг. - антивоенного, молодежного, феминистского и др., которые рассматривались как угроза общественной стабильности. Реакцией ряда общественных деятелей и идеологов на эти выступления были требования установления «сильной власти», ограничения демократии, применения решительных мер против протестующих.

Внешнеполитические подходы неоконсерваторов мотивировались необходимостью «защиты индустриально развитых демократий», в первую очередь Соединенных Штатов, от «финляндизации», стремлением Запада обеспечить для себя создание максимально выгодного экономического и политического миропорядка. Этой цели должна была служить глобальная стратегия, которая сочетала бы либерально-универсалистские идеи, акцент на военной силе и воинствующий антикоммунизм.

По своей сути неоконсервативное течение близко к взглядам Ф. Хайека и Л. Мизеса. От либертаризма его отличает прагматичность, стремление выработать конкретные рекомендации для корректировки государственной политики. Как идеология и, особенно, как политика он синтезировал принципы либерализма (рынок, конкуренция, свободное предпринимательство и др.) с традиционными ценностями консерватизма (семья, культура, религия, мораль, порядок и пр.).

Обвинив либералов в переоценке возможностей социальной политики государства, в поощрении «революции растущих ожиданий», неоконсерваторы по-новому сформулировали модель отношений между индивидом и государством, гражданами и государством. В рамках этой модели индивид должен прежде всего рассчитывать на собственные силы и солидарность граждан, а государство должно обеспечивать ему жизненные условия на основе правопорядка, стабильности и преемственности.

Антиэтатистская стратегия неоконсерваторов привела к значительному сужению функций государства, существенной корректировке логики функционирования государственных институтов. «Разгрузив» государство от многих, прежде всего социально-экономических функций, которые оно взяло на себя в период функционирования кейнсианской модели, сократив государственный аппарат и повысив качество его деятельности, неоконсерваторы укрепили авторитет государства и его политическую роль. Заметное место в практике неоконсерваторов заняли вопросы местного самоуправления и региональной политической активности.

В экономике был сделан упор на развертывание предпринимательской инициативы и широкую конкуренцию, резкое снижение налогов с целью высвобождения сил свободного рынка. В основу социальной сферы были положены, с одной стороны, четко ограниченная и регулируемая государственная благотворительность для сравнительно ограниченного круга нуждающихся, с другой стороны – «самопомощь» основной части населения за счет их сбережений или через различные формы социального страхования.

Наряду с ограничением своего участия в регулировании экономики государство активно способствовало обновлению основных фондов

производства, совершенствованию структуры капиталовложений, усилению финансирования перспективных отраслей, научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР).

Неоконсерватизм доказал свою способность осуществлять весьма радикальные преобразования, умело используя традиции прошлого. Под его воздействием сформировалась динамичная модель общественного развития, ориентированная на уверенную в себе личность. Она основывается на саморегуляции и весьма устойчива к социальным катаклизмам. Такая модель отвечает потребностям перехода стран Запада от индустриального общества к постиндустриальному.

Реформы, осуществленные американскими неоконсерваторами в 80-е годы, во многом предопределили высокие темпы экономического и научно-технического развития Соединенных Штатов в 90-е годы. Беспрецедентный экономический подъем минувшего десятилетия позволил этой стране прирастить ВВП в параметрах, равных суммарному ВВП таких развитых государств, как Германия и Япония¹. «Революция Рональда Рейгана», направленная главным образом на изменение сложившихся после «великой депрессии» отношений между государством и рынком, укрепила престиж и влияние США в мире.

В области международных отношений неоконсерватизм эволюционировал к более широким и реалистичным позициям. Усилившиеся в нем к середине 80-х годов прагматические тенденции проявились в учете реалий взаимосвязанного и взаимозависимого мира, отказе от восприятия СССР и России как врагов, в готовности к установлению партнерских отношений с ними.

В связи с возрастанием в современном обществе роли знаний и информации неоконсерваторы ориентируются главным образом на проблемы образования, культуры и качества жизни. Культура и духовность рассматриваются как базовые ценности для освоения новых технологий, сохранения природы.

При очевидных достижениях в экономической сфере неоконсерватизм не смог выработать адекватные подходы к решению ряда ключевых проблем перехода от индустриализма к постиндустриализму. Углубляется социальная дифференциация в странах Запада, потенциально чреватая конфликтами. Увеличивается разрыв в уровнях жизни Севера и Юга, который сдерживает развитие международного разделения труда и расширение рынков наукоемкой продукции.

В тиражах 11 сентября 2001 г. идеологи неоконсервативной части американской элиты усмотрели, с одной стороны, глобальный вызов Америке как носителю либеральных ценностей и лидеру

¹ США-Канада: экономика, политика, культура. 1999. №2. С.3.

формирующегося американоцентричного миропорядка, а с другой – осуществление прогноза С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» и прежде всего иудеохристианской и мусульманской. Война с международным терроризмом интерпретировалась неоконсервативными экспертами как своего рода возрождение борьбы двух различных систем политических ценностей и принципов, участие в которой является исторической миссией США. В этой войне виделся также дополнительный шанс для проведения более активной политики по созданию нового миропорядка,

Суть нынешней внешнеполитической программы неоконсерваторов состоит в том, что Соединенные Штаты призваны осуществлять «гуманную глобальную гегемонию» во всем мире в силу изначального превосходства своих моральных, культурных и политических ценностей. Эта гегемония должна устанавливаться как с помощью международных институтов (например, Международного Валютного фонда и Всемирного банка), так и путем наращивания военного потенциала, осуществления силовых акций.

Неоконсерваторы позиционируют себя как приверженцы демократического глобализма, согласно которому распространение демократии является универсальным средством обеспечения безопасности Соединенных Штатов и всего мира. Их позиция зиждется на спорном тезисе о том, что государства с демократическим устройством не воюют друг с другом из-за приверженности общим ценностям и политическим принципам¹. Демократический глобализм в американской версии имеет не только моральное, но и геополитическое измерение – создание американоцентричного миропорядка, установление контроля над источниками сырья и путями их транспортировки.

Война в Ираке, по мнению неоконсерваторов, должна продемонстрировать миру решимость Соединенных Штатов обеспечить свое доминирование в мире на длительную перспективу. В этом смысле весьма характерно суждение неоконсерваторов «второй волны» У. Кристола (сына И. Кристола) и Л. Каплана: «Миссия начинается в Багдаде, но им не заканчивается... Мы стоим на рубеже новой исторической эпохи. <...> Этот момент имеет решающее значение... Речь идет даже не о будущем Ближнего Востока и войны с террором. Речь идет о той роли, которую Соединенные Штаты намерены играть в двадцать первом веке»².

Представители неоконсервативной школы американской военно-политической мысли активно поддерживают идею американского доминирования в космосе, которое рассматривается сквозь призму

¹ Вокруг тезиса о гипотетической взаимосвязи демократии и международной безопасности ведутся дебаты в американском экспертном сообществе, однако он востребован по внешнеполитической идеологии.

² Цит. по: Жижек С. Война в Ираке. В чем заключается подлинная опасность? // логос. 2003. №1.

основополагающих принципов геополитики. Предлагая разработать «космическую доктрину Монро», они считают, что в XXI веке космос заменит моря в развитии торговли, технологий и обеспечении национальной безопасности. По их мнению, использование космоса в военных целях создает беспрецедентные возможности для проецирования силы и влияния.

Среди сторонников создания глобальной американской системы противоракетной обороны (ПРО) немало тех, кто стоял у истоков «Стратегической оборонной инициативы» Р. Рейгана, в частности, Г. Купер, возглавлявший Агентство по СОИ в Министерстве обороны США, У. Грэхем, занимавший пост советника по науке президента Р. Рейгана, Р. Пфальцграф, возглавлявший Институт внешнеполитических исследований, чьими консультациями пользовался Р. Рейган.

Из вышеизложенного очевидно, что взгляды и представления неоконсерваторов по вопросу о роли Соединенных Штатов в современном мире существенно отличаются от позиции традиционного американского консерватизма. Курс на глобальную демократизацию мира по американскому образцу далек от понимания демократии Р. Кирком как формы правления, эффективной при наличии консенсуса в обществе по поводу основных ценностей и отторгаемой при попытках насильственного привнесения извне. Тотальная демократизация и унификация во имя демократии способны разрушить уникальное разнообразие мира, без которого становится невозможным обеспечение порядка как одной из базовых ценностей консерватизма. Наконец, ставка на военную силу в качестве главного средства демократизации мира противоречит призывам Р. Кирка к «национальной скромности» Соединенных Штатов и «политическому благоразумию» в международных делах. Наконец, с истинным консерватизмом несовместима сопутствующая глобальной демократизации агрессивная морализаторская риторика неоконсерваторов. В своей политической философии неоконсерваторы, отмечает А. Н. Богданов, «...используют некоторые исконно консервативные принципы, наполняя их совершенно иным, искажающим суть содержанием»¹.

В последние годы, особенно под влиянием фиаско в Ираке, внешнеполитический курс США, во многом основывающийся на неоконсервативных ценностях, стал объектом критики со стороны ряда влиятельных представителей политического и интеллектуального сообщества как внутри страны, так и за рубежом. Оппонентами неоконсервативного силового унитаризма выступают одновременно

¹ Богданов А.Н. Прерванная традиция американского консерватизма // Свободная мысль. 2009. №3. С.132.

сторонники умеренного консерватизма во внешней политике и эксперты либерального толка.

Стремление неоконсерваторов увековечить глобальное военное доминирование США и силой объединить мир вокруг вольно трактуемой «демократической идеи» один из ведущих политических мыслителей США Зб. Бжезинский резонно оценил как «подновленную версию империализма», далекую от реалий глобализирующегося мира и способную истощить ресурсы во имя заведомо недостижимой внешнеполитической цели².

Известные американские эксперты называют администрацию Дж. Буша революционерами, а проводившуюся ими политику революционной. По оценке президента фонда Р. Никсона Д. Саймса, акции США в Ираке и Афганистане основаны на «неотроцкистской вере в перманентную революцию (пусть даже демократическую, а не пролетарскую)»³.

За полный пересмотр внешнеполитического курса, сформированного под влиянием неоконсервативных теоретико-политических представлений, высказываются либералы. Силовой гегемонизм они расценивают как стратегию, вызывающую перенапряжение Соединенных Штатов, неприемлемую для мирового сообщества. Однако отличие позиции либералов от исповедующей неоконсервативные ценности республиканской администрации состоит в отказе не от ориентации на «глобальное распространение демократии», а от применения силовых методов, которые приводят к многочисленным региональным войнам и неприемлемым с американской точки зрения людским потерям.

В связи с неудачами в распространении демократии наметилась тенденция к размежеванию радикального и умеренного подходов в американском неоконсерватизме. Один из наиболее влиятельных неоконсерваторов «второй волны» Ч. Краутхаммер противопоставил идеологии «демократического глобализма», которой придерживался и сам, новую концепцию «демократического реализма». В соответствии с ней поддержка демократии и применение силы необходимы лишь в случаях «стратегической необходимости» и тогда, когда отвечают «задачам борьбы с врагом»¹. Такая позиция предполагает возможность определенных ограничений в применении военно-силовых методов.

Далек от безоговорочной поддержки внешнеполитического курса республиканской администрации известный журналист и политолог У. Р. Мид, активно пропагандирующий взгляды неоконсерваторов. Он

² Brzezinski Z. Second Chance. Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N.Y., 2007. P.37.

³ Саймс Д. Мораль американского реализма //Россия в глобальной политике. №1. Январь-Февраль 2005.

¹ Krauthammer Ch. In Defense of Democratic Realism // National Interest. 2004. N77.

оправдывает вторжение Соединенных Штатов в Ирак, «войну с международным терроризмом», но вместе с тем обращает внимание на просчеты в деятельности разведки и экспертного сообщества государственных учреждений, провалы в сфере «публичной дипломатии» (прежде всего при подготовке общественного мнения в мире и в самих США к иракской кампании) и т.д.²

Один из главных уроков, который извлекли из политической практики неоконсерваторов победившие на президентских выборах демократы, состоит в признании неспособности Соединенных Штатов осуществлять гегемонию с применением прежде всего силовых методов, готовности согласиться с ролью лидера в формирующемся полицентрическом мироустройстве. В качестве основного инструмента внешней политики ими рассматривается «разумная сила» (smart power), сочетающая дипломатические, экономические, военные, политические, правовые и культурные средства взаимодействия с международной средой. Такой подход, с точки зрения нынешней администрации, позволит Соединенным Штатам осуществлять «экспорт оптимизма и надежды», стать источником вдохновляющих идей и прагматических решений, способных обеспечить лидирующее положение в мире. Можно утверждать, что американская политическая элита начинает более адекватно относиться к внешнему миру и возможностям собственной страны.

В обозримом будущем неоконсерватизм останется влиятельным идейно-политическим течением в странах Запада, возможно, в сочетании с либерально-социалистическими ценностями (права и свободы человека, демократия, социальная защита и т.д.). От американских неоконсерваторов вряд ли следует ожидать кардинального пересмотра жесткой установки на создание международно-политических условий, гарантирующих господствующее положение единственной сверхдержавы в формирующемся миропорядке.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие обобщения

1. Консерватизм, возникнув в конце XVIII века как реакция на революции, ориентировался не на восстановление низвергнутых ими порядков, а на радикальные преобразования с опорой на традиции прошлого, на реформы, предотвращающие социальные катаклизмы.
2. При идейно-политическом доминировании неоконсерватизма произошла смена утратившей эффективность кейнсианской модели развития экономики и социальной сферы динамичной моделью, отвечающей потребностям перехода от индустриального общества к постиндустриальному. Эта модель основывается на саморегуляции и обладает относительно высокой степенью устойчивости к социальным катаклизмам.

² Мид У.Р. Власть, террор, мир и война: великая стратегия Америки в мире риска. М., 2006.

3. Примером экономического динамизма, сочетавшегося с внешнеполитической и военно-политической жесткостью, неоконсерватизм ускорил размывание устоев социализма. Во второй половине 80-х годов неоконсерваторы предприняли ряд конкретных шагов для утверждения в международных отношениях нового политического мышления.

4. С преодолением раскола мира на противоположные общественные системы неоконсервативная модель с ее отлаженным механизмом сочетания частной инициативы и общественного регулирования имеет общечеловеческое значение. Она дает ориентиры России, которые помогли бы ей занять достойное место в постиндустриальном мире.

5. В начале XXI века внешнеполитический курс США, формируемый под влиянием неоконсерватизма и вильсонского либерального универсализма, превратился в политику глобальных воздействий по созданию американоцентричного мироустройства. Приоритетной задачей этого курса стало распространение демократии силовыми методами, вызывающее негативизм со стороны мусульманского мира и критику влиятельных представителей политико-академического сообщества.

Таким образом, современный консерватизм представляет собой совокупность ориентаций и приоритетов в политической, экономической, социальной и духовной сферах. Представляется сложным определение границ основных направлений консерватизма. Очевидно, что различия между этими направлениями коренятся не столько в исходных установках, сколько в акцентировании тех или иных аспектов жизни общества.

ГЛАВА 5. КОНСЕРВАТИЗМ В РОССИИ

5.1 ГЕНЕЗИС РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Известные русские мыслители, анализируя духовные традиции России, отмечали, что ей имманентно присущи и для нее фундаментально значимы оба начала – либеральное и консервативное. За полвека до свержения самодержавия консервативный публицист князь В. П. Мещерский в своих «Речах консерватора» убеждал, что «либерализм должен иметь место в нашей жизни, и большое место, но не менее большое место должен иметь и консерватизм. Либерализм один царствовать не может даже в республиках. Неужели же у нас, в России, мыслимо его единоцарствие? Где же основы такого порядка вещей? Неужели в нашем народе?»¹. Н. А. Бердяев обратил внимание на вневременную, онтологическую природу консерватизма: «... Невозможно нормальное и здоровое существование и развитие общества без консервативных сил. Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым»².

При наличии общих системообразующих принципов консервативные идеологии, возникающие в различных культурных пространствах и опирающиеся на разные традиции, содержательно различны.

Значительной спецификой обладает русский консерватизм, на протяжении последних столетий являющийся влиятельным течением политической мысли. В начале XIX в. он принял идеологическую форму, отразив стремление широких слоев населения сохранить свою самобытность, боязнь ослабления монархии. В определенной степени консерватизм был реакцией на возможность разрушения привычного уклада жизни под влиянием происходившей на Западе промышленной революции.

В основе русского консерватизма лежит тысячелетняя традиция, связанная с идеалом православного типа социальных взаимоотношений, культом мощного централизованного государства и антизападничеством.

В эволюции русского консерватизма различают три периода:

- 1) дореволюционный консерватизм как реакция на революцию во Франции и западное влияние в XIX – начале XX века;
- 2) консерватизм русской эмиграции как ответ на русскую революцию 1917 г.;
- 3) современный консерватизм как идейно-политическая реакция на процессы, начавшиеся во второй половине 80-х годов.

¹ Мещерский В.П. Нечто о консерватизме в России // Родина. 1993. №5-6. С.52.

² Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л. 1991. С.91.

Основные постулаты русского консерватизма отражены в двух его направлениях – официально-монархическом и славянофильском.

Представителями *официального монархизма* были известный историк Н. М. Карамзин (1766-1826), публицист и издатель М. Н. Катков (1818-1887), духовный наставник последних императоров обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев (1827-1907).

Начало формированию консервативной идеологии в России было положено Н. М. Карамзиным. К выделенным им двум основам существования России – самодержавию и православию министр просвещения граф Сергей Семенович Уваров (1786-1855) добавил народность, под которой понимались особые отношения царя и народа, основанные на вере в величие, справедливость и «божественность» государя. Формула С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность» трактуется учеными как официальная правительственная идеология 30-50-х годов XIX века.

Невозможность перенесения в Россию западных политических институтов, осуществления реформ представители этого направления обосновывали глубокой религиозностью народа, его преданностью самодержавию, моральным единством. Исходя из этих соображений, они выступали за укрепление монархического начала российской государственности.

Николай Михайлович Карамзин в «Истории Государства Российского» проводил мысль о том, что только самодержавие способно обеспечить благоденствие народа, избавить его от междоусобиц и внешнего ига. С этих позиций он критиковал те аспекты политики Петра I и Екатерины II, которые казались ему подражанием Западу.

Н. М. Карамзин рассматривал социальную революцию как национальную катастрофу и ее предотвращение считал делом каждого гражданина. В полемике со М. Сперанским и другими сторонниками реформаторского курса он определил основную тему «охранительного» течения отечественной консервативной мысли – противостояние российской государственности революционной буре и интеллектуальному натиску Европы. Идея примата порядка над революцией выражена Н. М. Карамзиным в самой категорической форме: «...Самое турецкое правление лучше анархии, которая бывает следствием государственных потрясений...»¹.

Как консерватор Н. М. Карамзин прокламирует не только антиреволюционность, но и приверженность традициям, в том числе и политическим. Традиции оцениваются им более высоко, чем рассудочная деятельность: «...Учреждения древности имеют

¹ Карамзин Н.М. Сочинения : В 2 т. Л., 1984. С.214.

магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума...»¹

Михаил Никифорович Катков, редактор «Московских новостей» считал наиболее естественной для России формой правления самодержавие. Конституционный строй, по его мнению, не подходит русскому народу по причине превосходства его (русского народа – Н.С.) типа развития по сравнению с Западом.

М. Н. Каткова беспокоило усиление правительства и потеря самодержавием авторитета. Обращаясь к Александру III, он ратовал за превращение правительства в придаток монархии.

Важнейшим звеном укрепления верховной власти, по мнению М. Н. Каткова, должно стать земское самоуправление, основой которого мыслились дворянские собрания. В составе земских учреждений предполагалось ослабить представительство «темных масс», т.е. крестьян, чьи интересы надлежало защищать дворянству.

Константин Петрович Победоносцев был символом политической реакции и застоя при Александре III и Николае II, что запечатлено в блоковских строках:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла...

Конституции стран Западной Европы К. П. Победоносцев рассматривал как орудие «всяческой неправды» и источник интриг. Конституционные учреждения наряду с земствами, судами и свободной печатью оценивались им как угроза устоям самодержавия.

В установлении государственной церкви К. П. Победоносцев видел одно из условий упрочения устоев самодержавия. Предполагалось, что система государственной церкви исключала бы демократизацию и секуляризацию как духовной, так и политической жизни.

Русских консерваторов объединяло скептическое отношение к демократии и механизму ее практического осуществления. Демократические институты и процедуры они считали искусственными, поддельными, неспособными выразить подлинную волю народа и решать волнующие его проблемы. Согласно К. П. Победоносцеву, именно из института представительства, опирающегося на мнение большинства, и проистекает «сложный механизм парламентского лицедейства», «образ великой политической лжи»².

Обосновывая идею «сильного государства», русские консерваторы ссылались на тот факт, что европейские страны (Италия, Германия,

¹ Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1988. С.411.

² Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С.44.

Франция и Англия) были созданы и приобрели могущество благодаря монархической форме власти. Парламентаризму же сопутствуют постоянные, непрекращающиеся раздоры и противоречия в обществе. По их оценке, для такого общества характерны: 1) всеобщее разложение; 2) партийная борьба, руководимая мелкими эгоистическими интересами; 3) коррупция государственного аппарата; 4) разгул анархизма¹.

Среди факторов, регламентирующих отношения между государством и обществом, русскими консерваторами на первое место ставилась мораль, а на второе – закон. Они считали, что в русском обществе отношения между правителями и народом не юридические, а отечески-сыновние, основанные на нравственных началах религиозного смирения.

Специфику *славянофильского направления консерватизма* составляли преимущественно культурно-религиозный характер его концепций, акцентирование национального начала. Оно исходило из тезиса о принципиальном отличии путей развития России и Запада, идеализировало историческое прошлое страны и национальный характер. Неповторимость исторического пути России объяснялась наличием русской идеи, отражавшей своеобразие народа.

Наиболее известными представителями славянофильства были братья Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы, Иван Васильевич Киреевский, Юрий Федорович Самарин, Александр Степанович Хомяков. Они считали необходимым проведение в России реформ, отмену крепостничества, предоставление некоторых свобод. Вместе с тем европейский путь преобразований рассматривался ими как неприемлемый, гибельный, разрушающий духовное единство страны.

Славянофилы полагали, что Россия может преодолеть свое экономическое и техническое отставание от Запада и даже опередить его, если будет развиваться по собственному пути, учитывающему самобытность страны. Таковая связывалась с православием и общинностью, обеспечивающими духовную цельность народа, внутреннее согласие и единомыслие. Поздние славянофилы Николай Яковлевич Данилевский и Константин Петрович Леонтьев видели в отказе от такого пути опасность потери Россией независимости и подчинения ее иностранцам.

Считая неприемлемым для России копирование опыта Запада, славянофилы не только не проявляли к нему враждебность, но и высоко оценивали достижения в различных областях жизни, считали целесообразным использование этих достижений во благо собственной страны. История представлялась им единым потоком, синтезирующим наиболее ценные достижения различных культур и народов. При этом подчеркивалось право каждого народа на внесение

¹ См.: Брутян А.Л. М.Н.Катков. Социально-политические взгляды. М., 2001.

своего вклада в общечеловеческие ценности и невозможность создания таких ценностей людьми, потерявшими национально-культурные корни, ставшими космополитами.

В отличие от классических славянофилов, рассматривавших историю как единый поток и предвосхищавших слияние европейской и русской цивилизаций, для Н. Я. Данилевского и К. П. Леонтьева характерно резко выраженное антизападничество.

Н. Я. Данилевский, создавший теорию культурно-исторических типов, считал невозможным синтез России и Европы ввиду их принадлежности к разным культурно-историческим типам. На уровне конкретной политики он видел в Европе главную угрозу России, источник опасности ее самобытной культуре. По его мнению, Россия в своей внешней политике должна исходить из постулата «Россия – не Европа».

В творчестве К. П. Леонтьева антизападничество достигло своего апогея в дореволюционном консерватизме, проявившись в убеждении о необходимости для укрепления самобытности России (ее исконно византийских начал) воспринять некоторые элементы восточной духовности. Его позиция такова: «...побольше вообще азиатского мистицизма и поменьше рассудочного просвещения»¹. Идею панславизма, которой придерживался Н. Я. Данилевский, К. П. Леонтьев считал ложной из-за опасности подвергнуть Россию мощному воздействию европеизации.

Основной вопрос затянувшегося спора между западниками и славянофилами - как России в полной мере реализовать свой потенциал и занять достойное место в мировом сообществе - не разрешен и поныне. Он весьма актуален и в наши дни, когда Россия снова стоит перед выбором пути своего развития.

Для консерватизма конца XIX – начала XX вв. была характерна реакционная составляющая: культивирование самодержавного принципа власти и православия как духовной основы монархии; неприятие ценностных установок философии Просвещения – гражданского общества, свободы, равенства, народного суверенитета. Таким образом, отечественному дореволюционному консерватизму в процессе его генезиса были присущи следующие особенности.

Первая – отсутствие единого понимания традиции и разное видение ее истоков: в самобытном характере политического и государственного устройства (Н. М. Карамзин), в византизме и допетровских временах (славянофилы).

Вторая особенность, во многом обусловленная «догоняющим» типом развития страны, проявлялась в попытках совмещения взаимоисключающих положений. Стремление завершить трансформацию наиболее архаичных общественных институтов

¹ Леонтьев К. Цветущая сложность. М., 1992. С.273.

сочеталось с негативным восприятием западного опыта капиталистической модернизации.

5.2 КОНСЕРВАТИЗМ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Для мыслителей-эмигрантов были характерны те же основополагающие ценности и принципы, приблизительно тот же круг теоретических проблем, что и для дореволюционного консерватизма. Вместе с тем на их творчество значительное влияние оказали условия, в которые была поставлена послереволюционная политическая мысль. Если дореволюционный русский консерватизм выступал как реакция на Великую французскую революцию, становление капитализма на Западе и его прямое или косвенное влияние на Россию, то консерватизм русской эмиграции во многом был реакцией на собственную революцию 1917 г., последствия которой для грядущей судьбы России нуждались в осмыслении.

Характер решения этой задачи определяет как общие черты эмигрантской консервативной мысли, так и особенности, отличающие разных авторов. Можно выделить три наиболее крупные теоретико-политические концепции, которые, с одной стороны, согласуются с самыми общими чертами консервативного типа политического мышления, а с другой – отличаются значительной спецификой¹. Создатели этих концепций – И. А. Ильин, И. Л. Солоневич и евразийцы (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, Г. В. Флоровский, Л. П. Карсавин).

Основу мировоззрения **Ивана Александровича Ильина** (1883 – 1954) составляет «органическое» понимание политики в противовес «механистическому», согласно которому политика выступает как взаимодействие индивидов и групп по поводу власти независимо от характера преследуемых при этом целей. В соответствии с «органическим» подходом политикой является только та деятельность, которая создает максимально благоприятные возможности для развития духовности общества и каждого его члена. В этом случае общий интерес является первичным по отношению к интересам индивидов, групп или партий.

Если в рамках «механистического» подхода государству отводится роль института, обеспечивающего правила политической игры или реализующего интересы определенных социальных групп, то в рамках «органического» оно выступает главным образом как направляющая сила духовного роста граждан, фактор обеспечения культурно-исторической среды, необходимой для их жизнедеятельности. С этих

¹ Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь. 2001. С.108.

позиций первостепенное значение приобретает поиск таких форм устройства и функционирования государства, которые наиболее полно отвечают национально-культурным особенностям конкретных стран и народов.

В «органическом» понимании политики И. А. Ильиным консервативный тип мышления нашел выражение в акцентировании того, что «у всякого народа своя особая «душа» и помимо нее его государственная форма непостижима. Поэтому так нелепо навязывать всем народам одну и ту же государственную форму»¹. Согласно И. А. Ильину, успешность государственного строительства определяется его соответствием не абстрактным схемам, а фундаментальным духовным основам народа, характеру и уровню его правосознания.

Ограниченность «механистического» подхода к политике И. А. Ильин демонстрирует на примере абсолютизации демократической формы правления в XX веке. Она, по его мнению, проявляется в сведении всего государственного устройства к всеобщему и равному голосованию без учета традиций и менталитета народов.

Фанатичная вера в демократию расценивается И. А. Ильиным как преувеличение значимости внешней стороны свободы и недооценка роли главной – внутренней. Внешняя политическая свобода, предоставляемая формальной демократией, оказывается нужной и необходимой, когда накладывается на благодатную почву зрелого правосознания, духовности и нравственности, когда развивает внутреннюю свободу. Без достаточного уровня внутренней свободы она может вызвать анархию и хаос, стать гибельной для общества. Поэтому в достижении оптимального баланса внутренней и внешней свободы И. А. Ильин видел гарантию от политических потрясений – гражданских войн и тоталитарных диктатур. Не утрачивает актуальность его предостережение: «Народ, лишенный искусства свободы, будет достигнут двумя классическими опасностями: **анархией и деспотией** (выделено автором – Н.С.)»².

Процесс гармонизации внутренней и внешней свободы рассматривается И. А. Ильиным как сугубо творческий, несовместимый с любыми стандартами и предписаниями. Успех этого процесса во многом зависит от умения власти понимать органичность народной жизни, значение и смысл свободы, от ее искусства принимать решения, исходя из уникальности любых ситуаций.

Причину постигшей Россию катастрофы И. А. Ильин видел в ослаблении и разрушении монархического правосознания, затемненного и вытесненного анархо-демократическими иллюзиями и республиканским образом мысли, насаждавшимися и

¹ Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. №4. С.127-128.

² Ильин И.А. О грядущей России // Избранные статьи. М., 1993. С.30.

распространявшимися мировой за кулисы с самого начала французской революции³. Запад рассматривается им как сила, имманентно враждебная России, чуждая ее языку, миросозерцанию и духовному складу, православной религиозности, сила, стремящаяся ослабить и расчлениить Россию. По его мнению, понимание этого факта должно стать аксиомой русской политики.

Следует отметить, что антизападничество И. А. Ильина несет на себе печать личного опыта длительной эмиграции, включенного наблюдения за отношением Запада к России в один из драматических периодов ее истории.

Будущее России И. А. Ильин видел в возрождении монархического правосознания русского народа и монархии как формы правления. Вместе с тем он не исключал и постепенного (после крушения коммунистической диктатуры) перехода к демократии и установления республики.

Являясь убежденным противником тоталитарного режима и предвидя его неизбежный крах, И. А. Ильин считал губительным для России форсированное установление демократического строя. Он предостерегал: без необходимых предпосылок демократии «возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность и всплытие на поверхность все новых и новых антикоммунистических тиранов...»¹. Отсюда вывод: «...Страна, лишенная необходимых предпосылок для здоровой творческой демократии, не должна вводить у себя этого режима до тех пор, пока эти основные предпосылки не будут созданы. До тех пор введение демократического строя может быть только гибельным для этой страны»².

Одним из вероятных последствий крушения тоталитарной диктатуры И. А. Ильин считал распад страны, в результате чего ее территория «закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами»³. Согласно его прогнозу, дезинтеграция СССР породит двадцать государств, которым придется содержать соответствующее число парламентов, министерств, армий, разведок, полиций и прочего, что непременно расстроит их бюджеты, денежные системы и потребует бесчисленных валютных займов под гарантии демократического развития. Новые государства через несколько лет окажутся сателлитами соседних держав, иностранными колониями или «протекторатами»⁴. Последующее развитие событий показало, что эти прогнозы во многом оказались пророческими.

³ Там же. С.88-89.

¹ Ильин И.А. О грядущей России... С.158.

² Там же. С.35.

³ Там же. С.172.

⁴ Там же. С.179.

Альтернативу деструктивным процессам в России И. А. Ильин видел в первоначальном установлении авторитарной власти, которая способствовала бы становлению гражданских основ общественного устройства. Для этого подобной власти следует увеличивать объем свободы и обогащать политический опыт населения путем постепенного введения выборов и расширения избирательных прав, развивать хозяйственную самостоятельность с гарантией частной собственности, поднимать уровень правосознания, образования и информированности общества, ответственности и самостоятельности мысли индивида.

И. А. Ильин следующим образом охарактеризовал форму переходного правления: «...Твердая, национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая народу выделить кверху свои подлинно-лучшие силы и воспитывающая народ к трезвлению, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве. Только такая диктатура и может спасти Россию от анархии и затяжных гражданских войн»¹.

Выдвинутая И. А. Ильиным идея установления национально-государственной диктатуры для того, чтобы максимально сократить период неизбежного хаоса после падения тоталитарного режима оказала значительное влияние на политические воззрения одного из наиболее известных современных отечественных консерваторов писателя Александра Исаевича Солженицына, который с семидесятых годов в статьях и публичных выступлениях призывал идти к демократии плавным, осторожным, медленным путем. В знаменитом «Письме к вождям Советского Союза» (1973) А. И. Солженицын предлагал провести постепенную, плавную эволюцию режима в сторону мягкого авторитаризма, отказавшись от руководящей идеологии, допустить идеологическую и религиозную свободу, развивая законность, осуществив разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, воспитывая чувство собственности и поднимая экономику слаборазвитых регионов страны.

Если для профессора И. А. Ильина характерна академическая постановка политических проблем, то консерватор-публицист **Иван Лукьянович Солоневич** (1891 – 1953) – создатель оригинальной системы идей – «народного монархизма. Ей посвящены основные сочинения – «Белая империя» и «Народная монархия». Воззрения И. Л. Солоневича сформировались под влиянием славянофильства и особенно Л. А. Тихомирова.

С точки зрения И. Л. Солоневича, наиболее естественной формой правления является монархия, поскольку отражает биологическую

¹ Ильин И.А. О грядущей России... С.147

природу людей. Именно поэтому история человечества – это преимущественно история монархий.

В соответствии с консервативным типом мышления И. Л. Солоневич исходил из следующего посыла: не существует никаких исторических законов, которые были бы обязательны для всех народов; «... свойства народного духа или обстоятельства национальной истории и географии» не могут быть уложены ни в одну теоретическую схему, тем более сформировавшуюся на иной национально-культурной почве².

Источник революций начала XX века И. Л. Солоневич видел в петровских реформах, превративших дворян из служилого слоя в привилегированный слой, закабаливших крестьянство и расколовших народ на противостоящие силы. В XIX веке и само дворянство раскололось на два слоя – рабовладельческий и революционный, сталкивавшиеся в жестокой борьбе. Утрата национально-государственных традиций, по мнению И. Л. Солоневича, и привела к катастрофе.

В отличие от И. А. Ильина И. Л. Солоневич отвергал попытки объяснить революции происками враждебной «за кулисы». Согласно его версии причин постигшей Россию катастрофы источник революций 1905 и 1917 гг. – бессилие нации перед лицом внутренних противоречий. Влияние внешних чуждых сил на ход российской истории И. Л. Солоневич считал второстепенным.

В выдвинутой И. Л. Солоневичем программе возрождения России была предпринята попытка уйти от общепринятого разделения политических сил на правых и левых, поиска опоры исключительно в русских национально-государственных традициях. Эта программа, по его оценке, имеет точки соприкосновения с правыми взглядами, поскольку «требует мощной царской власти», но смыкается и с левыми, «ибо имеет в виду свободу и интересы народа, массы, а не сословия или слоя»¹.

Характерной особенностью программы является отрицание возможности применения к России не только западных моделей, но и «восточных рекомендаций» ввиду ее самобытности. Согласно И. Л. Солоневичу, «русская национальность, государственность и культура» настолько уникальны, что принципиально отличаются от Европы и Азии: «Россия – не Европа, но и не Азия, и даже не Евразия. Это – просто - Россия»².

Главным принципом своего политического мировоззрения И. Л. Солоневич считает русский национализм, который наряду с монархией, церковью и народом – «тремя последовательными и

² Солоневич И. Народная империя. М., 1991. С.16

¹ Солоневич И. Указ. соч. С.14.

² Там же. С.16.

последовательно консервативными факторами русской жизни»³ составляет фундамент отечественной государственности. Согласно И. Л. Солоневичу, русский национализм неразрывно связан с существованием Российской империи, заключающей в себе все необходимые ресурсы для самостоятельного и самобытного развития нации.

У Российской империи И. Л. Солоневич видит ряд существенных преимуществ перед остальными. Если имперская политика испанцев выражалась в почти полном истреблении коренных народов, германская – в превращении завоеванных наций в рабов, британская – в ограблении колоний, то взаимоотношения русских с присоединенными народами строились на принципах национальной и религиозной терпимости, равноправия. Империя, в которой не обнаруживалось «никаких следов эксплуатации национальных меньшинств в пользу русского народа»⁴, была благом для окраинных народностей. Разрушение этого, веками сложившегося соседства, согласно И. Л. Солоневичу, станет преступлением не только против России, но и против тех народов, которым удалось бы навязать отделение от общей родины.

Успех в создании самой крупной империи И. Л. Солоневич объясняет двумя главными факторами – православной верой и государственным инстинктом русского народа.

Как консерватор И. Л. Солоневич придавал первостепенное значение религиозной вере в общественной жизни. Он считал, что вне религии невозможно нормальное существование нации и бытие ее культуры, поскольку вера формирует свойственное каждому народу представление о смысле земного пути. Для него гибель религии означает гибель нации, ее превращение в толпу. Неверие в Бога порождает недоверие к человеку, вызывает распад национального организма на атомарные индивиды и ведет к его умиранию¹.

Второй, согласно И. Л. Солоневичу, фактор, благодаря которому стало возможным построение Российской империи, – государственный инстинкт народа проявился в том, что он сумел преодолеть самые неблагоприятные климатические и географические условия, устоять против бесконечных агрессий соседних племен, неоднократно восстановить страну после, казалось бы полных разорений, проявить беспримерное упорство в деле государственного строительства². Анализируя непродолжительный опыт жизни в советской России, И. Л. Солоневич пришел к выводу, что государственный инстинкт русского народа не утрачен и при Сталине.

³ Там же. С.61.

⁴ Там же. С.17-19.

¹ Солоневич И. Указ. соч. С.377-378.

² Там же. С.257.

Свойственное русскому народу понимание нации как «земли», т.е. сообщества племен, народов и даже рас, объединенных общностью судеб, и государственности как политического оформления интересов всей «земли»³, по мнению И. Л. Солоневича, синтезировалось в особом монархическом сознании народа, ставшем стержнем его национального характера. С его точки зрения, «русское самодержавие есть совершенно индивидуальное явление, явление исключительно и типично русское...», которое было организовано русской «низовой массой»⁴ и выражало «...волю не сильнейшего, а волю всей нации, религиозно оформленную в Православии и политически оформленную в Империи»⁵. При этом русская монархия никогда не предполагала жесткой заданности хозяйственного уклада и была способна проявлять необходимую гибкость, чутко реагируя на изменявшиеся условия. Преимущество монархии перед республикой И. Л. Солоневич видит в характерной для нее «безболезненности» перехода власти, в то время как в республиках и диктатурах власть добывается в результате той или иной формы борьбы и нередко становится достоянием людей некомпетентных и своекорыстных.

С точки зрения И. Л. Солоневича, монархия в наибольшей степени соответствовала своей сущности в эпоху Московского Царства, когда общество не обрело жестко сословный характер, «не было ... деления людей на классы и подклассы»⁶. В тех условиях царь выражал интересы всей «земли», а не отдельных социальных групп. Чиновничество в силу своего промежуточного положения между царем и народом не могло существенно влиять на процесс принятия государственных решений в свою пользу, что обеспечивало царю необходимую независимость от дворцовых интриг. Поэтому И. Л. Солоневич называет московскую монархию «народной», «соборной»⁷.

Будущее России И. Л. Солоневич видел в возврате к государственным принципам Московского Царства, «к принципам проверенным практикой по меньшей мере восьми столетий»¹. Поскольку же немедленное воссоздание монархии невозможно, по его мнению, промежуточной формой правления могла бы стать диктатура бонапартистского типа, ориентированная на восстановление монархии. «Мы,- писал И. Л. Солоневич,- возвращаемся к аксаковской формуле: «Народу – сила мнения, Царю – сила власти»². Народная монархия рассматривалась И. Л. Солоневичем как единственная гарантия против установления диктатуры бюрократии,

³ Там же. С.256-257.

⁴ Там же. С.56.

⁵ Там же. С.86.

⁶ Там же. С.413.

⁷ Там же. С.196.

¹ Солоневич И. Указ. соч. С.37.

² Там же. С.47.

которая неизбежно возникнет в случае установления республиканского правления после крушения коммунистического режима.

Момент краха большевистской диктатуры И. Л. Солоневич оценивал, как исключительно опасный для страны. «Гипноз свободы» может дезориентировать народ и сделать его жертвой обмана и легкой добычей обманщиков. Достаточно точным оказался следующий прогноз: «После СССР нам будут предлагать очень многое. И все будут врать в свою лавочку. Будет много кандидатов: в министры и вожди, в партийные лидеры и военные диктаторы. Будут ставленники банков и ставленники трестов – не наших. Будут ставленники одних иностранцев и ставленники других. И все будут говорить прежде всего о свободах: самая многообещающая и самая ни к чему не обязывающая тема для вранья...»³. Единственный способ не быть сбитым с толку в этой ситуации - сохранить приверженность национальной традиции и православной вере.

Основой новой монархической империи, по И. Л. Солоневичу, должен стать бессловный социально-политический строй, в котором отсутствовало бы дворянство. Последнее обстоятельство было бы главным источником разногласий между ним и многими монархическими эмигрантскими организациями, понимавшими восстановление монархии как возвращение основных привилегий. Для И. Л. Солоневича будущая монархическая Россия – это страна, которая завершила территориальное расширение, занята в основном экономикой и стремится к автаркии.

Расматривая допетровский период как время наиболее естественного и органичного развития русского государства и отрицательно оценивая деятельность Петра I, И. Л. Солоневич по существу выступает со славянофильских позиций. Выдвигаемая им идея «народной монархии», ориентированная на возврат к принципам государственного устройства Московского Царства, вполне коррелирует с основными постулатами славянофильства.

Как и И. Л. Солоневич, евразийцы видят глубинную причину революций начала XX века в расколе не только между обществом и высшим слоем, но и внутри последнего, в утере национально-государственной идеи на всех ступенях социальной иерархии. Поэтому, с их точки зрения, социалистическая идея оказалась отдушиной для выхода скопившегося социального недовольства.

Такая позиция предопределила существенные различия между евразийцами и другими представителями эмигрантского консерватизма по вопросу об отношении к большевикам. Будучи противниками большевизма, евразийцы обнаруживали в деятельности

³ Там же. С.417-418.

большевиков отдельные моменты исторической необходимости, а иногда и исторической справедливости.

В качестве позитивных черт этой деятельности, в той или иной мере соответствовавших традициям России, евразийцы расценивали оборону страны от иностранной интервенции, сохранение ее целостности как и восстановление практически в границах Российской Империи. Евразийцам импонировало антибуржуазное антизападничество большевиков, позволившее существенно ограничить масштабы западного влияния на Россию, стремление возглавить борьбу «колониальных» народов за свою независимость от метрополий.

Отторгая Запад как источник культурной экспансии, опасной для всего мира, евразийцы обосновывали идею нерасторжимой связи России с Востоком, наличия в русской культуре важнейших элементов восточного происхождения. Они усматривают уникальность мировой роли России в срединном положении страны на пространстве Евразии, от которого во многом зависит обеспечение стабильности на гигантском континенте. С их точки зрения, русскую культуру «надо противопоставить культурам Европы и Азии, как срединную, евразийскую культуру»¹.

Источниками своих взглядов евразийцы считали мессианскую идею исторического предназначения России «Москва – Третий Рим, сформулированную монахом Филофеем в XVI веке, и славянофильство»². Они находятся в русле консервативной традиции, заложенной теорией культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского и идеи К. Н. Леонтьева об обращении России к Востоку.

Таким образом, можно утверждать, что консерватизм русской эмиграции, будучи прежде всего реакцией на революции начала XX века, был в значительной степени продолжателем консерватизма дореволюционного. У И. Ильина просматривается преемственность с государственниками охранителями – Н. М. Карамзиным, М. Н. Катковым, К. П. Победоносцевым; у И. Л. Солоневича – со славянофилами.

5.3 СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

В советский период отечественный консерватизм на идеологическом уровне был инструментом реализации идей «единой и неделимой России», неповторимости исторической судьбы и предназначения

¹ Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьба России. М., 1992. С.375

² Савицкий П. Континент Евразия. М., 1997.. С.97.

России-СССР, морально-политического единства советского общества, начал патриотизма и державности. Традиции русской консервативной мысли с конца 60-х - начала 70-х гг. активно обсуждались и развивались в среде диссидентов «правого» и «патриотического» толка, публично выражавших свое мировоззрение главным образом через «самиздат» (Наибольшей известностью в этом плане пользовался машинописный журнал «Вече»).

Обстоятельства возникновения современного русского консерватизма подтверждают тот факт, что консерватизм - всегда реакция на радикальные общественные сдвиги. Если дореволюционный русский консерватизм являлся прежде всего реакцией на Французскую революцию, консерватизм русской эмиграции – на революцию 1917 г. и последовавшие за ней социальные перемены, то консерватизм последних десятилетий представляет собой идейно-теоретическую реакцию на социальный процесс, начавшийся в СССР - России со второй половины 80-х годов и предопределивший радикальные изменения во всех сферах жизни страны, в ее внутренней и внешней политике.

Современный русский консерватизм, или так называемая «третья волна», зародился прежде всего, как культурный консерватизм, а с началом либеральных реформ на его основе сформировался политический и экономический консерватизм. В отличие от исчерпавшего себя к 80-м годам эмигрантского консерватизма он обладает значительным опытом включенного наблюдения над сложной и противоречивой эволюцией СССР и России, возможностями осмысления новых тенденций, созревающих в недрах российского общества.

Еще в конце 80-х годов, когда стала очевидной бесперспективность сохранения существовавших тогда форм межнационального общения, известными деятелями отечественной культуры прогнозировалась возможность появления новой формы многонациональной общности в виде союза славянских республик. А. И. Солженицын призывал к «сокращению» Союза и созданию «Славянского Союза», который возродил бы страну. В. Г. Распутин также ратовал за то, чтобы Россия ради собственного спасения отделалась от кавказских и среднеазиатских республик. Однако последовавшее развитие событий, особенно отделение Украины и Белоруссии, не подтвердило эти прогнозы и надежды.

«Третья волна» консерватизма в стране с неоднократно прерванными традициями представляет собой достаточно пестрый конгломерат идей, апеллирующих к традиционалистским архетипам массового сознания и неизменным, вечным ценностям. Обращает на себя внимание размытость и эклектичность позиций приверженцев этого идейно-политического направления. Консервативные идеи отражают

обеспокоенность части граждан в связи с утратой советского «старого порядка», их заинтересованность в стабильности и соблюдении законов, неприятие различных форм анархии и экстремизма.

Знаковые фигуры «третьей волны» консерватизма – писатели В. Г. Распутин, В. И. Белов, А. А. Проханов, В. В. Кожин, А. И. Солженицын, математик И. Р. Шафаревич, философы А. А. Зиновьев и А. С. Панарин, геополитик А. Г. Дугин, публицист С. Г. Кара-Мурза, покойный Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. Приверженцем консервативных взглядов является и лидер КПРФ Г. А. Зюганов, который к числу источников партийной идеологии кроме К. Маркса, В. И. Ленина и И. В. Сталина относит поздних славянофилов Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева.

Отечественные консерваторы отрицательно относятся к консерватизму рейгановско-тэтчеровского толка (неоконсерватизму), расценивая собственную позицию как подлинный «консерватизм», имеющий твердую мировоззренческую основу. Рейганизм рассматривается ими как ситуационный консерватизм, во многом заданный такими доминантными факторами, как моральный и экономический кризис «общества благосостояния», тупиковость для США ситуации «холодной войны».

Если современный отечественный консерватизм во многом явился реакцией на распад СССР как преемника Российской империи, то объект ностальгии А. И. Солженицына – досоветская Россия, монархическая государственность. Его консервативное кредо выражено в лозунге «сбережение народа», понимаемом как «обеспечение неизменно благоприятных условий для его физического благоденствия и нравственного здоровья»¹

Для современных отечественных консерваторов авторитетами являются русские консерваторы прошлого. Сегодня наиболее цитируемый ими автор И. А. Ильин. Большим уважением в консервативной среде пользуется И. Л. Солоневич. Неоевразийцы, и прежде всего А. Г. Дугин, своими непосредственными предшественниками считают славянофилов и, разумеется, послереволюционных евразийцев. Вместе с тем некоторые консерваторы относятся к И. А. Ильину и И. Л. Солоневичу достаточно критически, отмечая определенную степень «западности» и буржуазности их мышления.

Для рассматриваемого идейного течения характерны разнобой во мнениях, наличие плохо согласующихся проектов, резкая полемика между ведущими представителями, т.е. отсутствие стройной системы фундаментальных основ. Оно еще находится в стадии становления, но уже сейчас очевидно его противостояние отечественному либерализму по тем же позициям, по которым классический

¹ Солженицын А.И. Что нам по силам//Аргументы и факты. 2008. №5. С.3.

консерватизм противостоял своему оппоненту – классическому либерализму. Главные системообразующие принципы новейшей модификации консерватизма - антииндивидуализм, антирационализм, следование традиции, вытекающей из религиозной веры, и неприятие радикальных перемен².

Представителей современного русского консерватизма объединяют такие черты, как антизападничество, выражающееся в антимиондиализме; отстаивание идеалов православной духовности; культ сильного централизованного государства.

Антизападничество – главная и одна из родовых особенностей русского консерватизма. В современных условиях оно наполняется специфическим содержанием, принимая прежде всего форму антимиондиализма.

Как уже отмечалось, отечественные консерваторы на протяжении двух столетий неизменно разрабатывают тему опасности, якобы исходящей для России с Запада. Эта опасность понималась по-разному. Н. М. Карамзин, М. Н. Катков, К. П. Победоносцев главным образом отрицали возможность перенесения в Россию иностранных политико-управленческих моделей. Славянофилы аргументировали эту же позицию принципиальными различиями культурных начал России и Запада. Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев полагали, что только самобытный путь развития России может обеспечить ее политическую независимость.

Представители современного отечественного консерватизма убеждены в том, что ныне имеет место комплексная агрессия Запада против России, которая скоординирована в своих политических, экономических и культурных составляющих и по своей активности не имеет аналогов в истории. Такой характер западной экспансии они объясняют прежде всего тем обстоятельством, что во второй половине XX века Запад изменил свое качество, перестав быть классическим капиталистическим обществом.

Эта мысль особенно характерна для тех консерваторов, которые длительное время жили на Западе и имеют опыт включенного наблюдения над его реалиями. По мнению А. А. Зиновьева, свободную конкуренцию можно встретить на Западе лишь в виде отдельных реликтовых вкраплений в экономику, а функцию управления осуществляет крупный капитал, превращающийся во власть над властью, сверхвласть. Он оценивает западное общество как общество «денежного тоталитаризма».

Современные консерваторы полагают, что измененное качество современной западной цивилизации своеобразно наложилось на *три* особенности, характерные для нее изначально. Первая особенность была подмечена еще дореволюционными консерваторами: западный

² Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. С.161.

человек, как правило, считает свою цивилизацию высшей и склонен пренебрежительно относиться к другим, «варварским» странам («западная гордыня»). Вторая особенность состоит в том, что западная культура в большей степени ориентирована на материальное, чем духовное, т.е. рассматривает все окружающее в первую очередь как объект преобразований. Третья особенность западной цивилизации – это, по мнению консерваторов, неуклонное стремление Запада к повсеместному расширению, количественному росту, постоянному увеличению поля своих потребностей. Оно удовлетворяется через интенсификацию производства, использование природных ресурсов.

По мнению консерваторов, во второй половине XX века в условиях технологического лидерства Запада эти особенности способствовали созданию мифа о безальтернативности западной модели и оправданности ее навязывания другим народам. Выгодность подобного мифа быстро оценили владельцы того «денежного механизма», который осуществляет «тотальную диктатуру» на Западе и стремится сделать своей вотчиной весь мир.

С этой целью, по мнению отечественных консерваторов, и была создана концепция мондиализма (от франц. monde – мир). Ее смысл состоял в постулировании неизбежности интеграции государств, народов и культур в единое планетарное образование, возглавляемое мировым правительством.

Формируемый Западом новый мировой порядок видится отечественным консерваторам как: 1) «режим особого типа» - космополитический; 2) внерелигиозный; 3) демократический; 4) плутократический. Первый аспект предполагает потерю всеми народами своей расовой и культурной самобытности, реальной независимости. Второй – ослабление и выхолащивание всех великих религий, первенство «истин» мондиализма. Третий – приоритет количественного фактора, которым легко манипулировать через средства массовой информации перед традиционными источниками авторитета. Четвертый аспект предполагает абсолютную свободу рынка. Все эти процессы, как считают отечественные консерваторы, должны увенчаться созданием Мирового Правительства, в ведении которого окажутся все сферы жизни единого «мирового народа».

Очевидно, что все сущностные характеристики мондиализма, как их понимают отечественные консерваторы, противоречат ценностям консервативного мировоззрения. Поэтому консерватизм рассматривает мондиализм как современную форму западной экспансии в качестве своего главного идеологического противника, которому необходимо активно противодействовать.

Возможности сопротивления мондиализму ведущим представителям русского консерватизма представляются ограниченными ввиду далеко зашедшей унификации мира по западным стандартам, доминирования

лидера мондиализма – Соединенных Штатов в мировом сообществе. Надежды на прекращение мондиалистской экспансии возлагаются на творческие и особенно духовные потенции наций и этносов, населяющих Россию, их стремление к социальной справедливости, верность своим традициям и религиям, в первую очередь православию.

Вторая объединяющая черта современных русских консерваторов – убежденность в основополагающей роли православия для формирования русской духовности, государственности, экономического и бытового облика народа. Поэтому особую тревогу в их среде вызывает то, что они считают религиозной антиправославной экспансией со стороны мондиализма. Таковая усматривается в дискредитации Русского православия, усиленной информационной и финансовой поддержке антиправославных ересей, пропаганде нетрадиционных религиозных культов, черной мистики, распространении массовой культуры, деятельности бесчисленных «целителей» и экстрасенсов. В преодолении этих преград видится путь к православному возрождению.

Для противостояния религиозной экспансии гальванизируется евразийская идея об исключительности некоего «славяно-тюркского» суперэтноса, якобы сложившегося на геополитическом пространстве Евразии и обладающего духовным и культурным превосходством над исчерпавшим свой потенциал Западом.

Из вышеизложенного не следует, что русские консерваторы воспринимают Запад всецело негативно. Он признается как самобытная цивилизация, а неприятие проявляется по отношению к тем ее сторонам, которые, с точки зрения консерваторов, оказывают отрицательное воздействие на Россию. Некоторые консерваторы проявляют негативное отношение не западной цивилизации как таковой, а к ее американскому варианту, навязываемому всему миру в процессе глобализации. Ими прокламируется стремление к созданию такой модели развития России, которая была бы альтернативной, но не враждебной Западу, если Запад не будет враждебен ей.

В целом можно утверждать, что фокус антизападничества современного русского консерватизма находится географически западнее, чем у предыдущих поколений русских консерваторов, - на американском континенте. Согласно А. Г. Дугину, в соответствии с правилами геополитики, «...любой русский заинтересован в скорейшем крахе Америки»¹.

Наконец, **третьей основной чертой**, объединяющей современных отечественных консерваторов, является культ мощного централизованного государства как гаранта против деструктивного и агрессивного западного вмешательства во внутренние дела России.

¹ Дугин А.Г. Стань второй Америкой//Аргументы и факты. 2007. №50.. С.8.

Идеалами такого государства для одних из них является империя, для других - воссоздание в той или иной форме Советского Союза.

Выражая взгляды большинства российских консерваторов по поводу оптимальной формы общественного устройства России, А. Г. Дугин утверждает, что ею должна быть Российская империя, в которой «этно-религиозные общины имеют равный статус и которая руководствуется беспристрастными принципами имперской гармонии и справедливости»². При этом он заявляет о своем положительном отношении к демократии, но не либеральной, а «органической», которая «рассматривает народ не как механическую совокупность свободных личностей, но как живой организм, который нельзя расчленить на атомы»³. В этом же духе выдержаны его рекомендации российскому правительству: «Отказаться от слепого копирования западных образцов. Возродить нравственные, семейные ценности. Остановить пропаганду греха и порока в СМИ, перестроить всю систему образования»⁴.

Имперская доминанта характерна для книг А. А. Проханова «Симфония Пятой империи» (М., 2007) и М. Юрьева «Третья империя. Россия, какой она должна быть (СПб – М., 2007). Оба автора ратуют за создание новой российской империи, которая включала бы не только постсоветское пространство, но и другие государства мира. Мир середины XXI века, как он видится М. Юрьеву, будет состоять из пяти автаркических цивилизаций-государств со своим внутренним рынком – Российской империи (Россия в границах СССР, Европа и Израиль), Американской федерации (Северная и Южная Америка), Исламского халифата (Африка и Ближний Восток), Поднебесной Республики (Китай с сателлитами и Австралия) и Индийской конфедерации. Построение нового мирового порядка будет происходить насильственным путем, но Российская империя может сформироваться бескровно, благодаря доблести и мужеству русских воинов в смертельно опасных условиях. В ее состав к 2030 г. сначала добровольно – на основании всенародных референдумов – войдут постсоветские республики, а затем Европа и Израиль как единственная удаленная территория. Центральная идея утопического проекта Третьей империи (первая включает Московское царство и период правления Романовых, вторая - период СССР) состоит в построении в ее границах Царства Правды, подобия Царства Божиего на земле, способного выявить «дух народа», спасти душу каждого православного человека и сдерживать натиск «неправды» извне, со стороны других цивилизаций.

² Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 2000. С.258.

³ Дугин А.Г. Соучастие, соборность, самобытность // Аргументы и факты. 2006. №16.

⁴ Там же.

В процессе политического самоопределения России предстоит стать не новой империей, а, подобно наиболее развитым странам мира, - нацией-государством, представляющим собой сплав различных этносов, объединенных общей экономикой, культурой и политическими отношениями. Характерные для консерваторов ностальгия по прежним имперским образованиям и грезы о строительстве новой империи в практической политике осуществимы лишь путем широкомасштабной экспансии с губительными для страны последствиями. Приверженцы имперского будущего России игнорируют ставшие очевидными неэффективность и нежизнеспособность империй.

Если для имперски ориентированных евразийцев российская специфика определяется прежде всего геополитическим фантомом «хартленда» (континентального ядра), противопоставленного атлантической цивилизации, респектабельные евразийцы выстраивают более сложную систему аргументов, отмежевываясь как от западничества, так и наиболее уязвимых тезисов национал-патриотов и православных мыслителей.

По мнению А. С. Панарина, после распада СССР Россия оказалась перед жестким выбором: либо восстановить прежнее пространство, причем в новом духовном, моральном и экономико-технологическом качестве, либо стать одной из стран третьего мира, лишившись всяких шансов занять достойное место в мировом сообществе. Естественно, что при такой альтернативности восстановление утраченного геополитического статуса представляется единственным для России способом обеспечить выживание и избежать неблагоприятного развития событий.

Путь выхода России из кризисного состояния А. С. Панарин видит в борьбе с разрушительным влиянием глобализма, за сохранение самобытности российской цивилизации и создание суверенной государственности с протекционистской экономикой. В сборнике его статей «Правда о железном занавесе» (2006), написанных в разные годы, проводится мысль о том, что спасти Россию от полного уничтожения Западом может возвращение к традиционному обществу, основанному на традиционных религиях, прежде всего православии. По его мнению, России в целях самозащиты следует закрыться от Запада, создав свой «железный занавес».

Главной задачей внешнеполитической стратегии России отечественные консерваторы считают создание геополитического противовеса доминированию США в международных отношениях. В качестве основных направлений поиска союзников рассматриваются южное и восточное (Китай, Индия, мусульманские страны). При этом России отводится роль интегратора постсоветского пространства, центра притяжения государств Евразии, стремящихся противостоять

атлантизму и экспансии США. Стронниками «контрглобализации» не принимается во внимание неизбежность разрушения российского государства и общества при первых же попытках осуществления их грандиозных планов.

Ряд ученых и экспертов консервативной ориентации связывают преодоление морального кризиса и экономической стагнации России с возвратом к неким идеализированным «традиционным» христианским ценностям, самоисключением из процессов глобализации, в которых страна, по их мнению, несет ощутимые потери. Все более активно обсуждаются концепции экономической автаркии и суверенной цивилизации, усиления позиций РПЦ в жизни общества. Подобные дискурсы представлены в изданиях «Проект Россия»¹, «Воины креатива. Праведный Меч»² и «Крепость Россия»³, в упоминавшейся книге М. Юрьева «Третья империя: Россия, какой она должна быть». В качестве примеров успешной закрытой модернизации М. Юрьев ссылается на опыт выхода из экономической депрессии нацистского рейха и советской индустриализации 1930-х годов, проведенных во вражеском окружении. Публикации этого идейного направления, ориентированного на ускоренную модернизацию России не на путях открытости и достижения глобальной конкурентоспособности, а в условиях автаркии, с полным основанием могут быть отнесены к классу «реакционных утопий»⁴.

В общем русле современного русского консерватизма с его традиционализмом, неприятием прогресса и ксенофобией значительным своеобразием отличаются общественно-политические взгляды А. И. Солженицына, отражающие усиливающийся интерес социума к цивилизованному консерватизму. Востребованность такого консерватизма вызывается следующими обстоятельствами.

Во-первых, доминирование радикальных социалистических и либеральных идей, игнорировавших фактор преемственности в общественном развитии, вызывало разрушительные последствия.

Во-вторых, в XX веке отчетливо выявились недостатки демократической формы правления, особенно на начальных стадиях ее функционирования.

В-третьих, для периода после Второй мировой войны характерно разочарование в либерализме из-за невыполненных им обещаний, которое усилилось в связи с последствиями российских реформ.

¹ См.: Проект Россия. М., 2007; Проект Россия. Кн.2. Выбор пути. М., 2007; Кн.3. Третье тысячелетие. М. 2009.

² См.: Воины креатива. Главная книга. 2008-2012. М., 2008; Воины креатива. Праведный Меч. М., 2008.

³ См.: Леонтьев М., Юрьев М., Хазин М., Уткин А. Крепость Россия. Прощание с либерализмом. М., 2005; Леонтьев М., Невзоров А. и др. Крепость Россия. М., 2008.

⁴ См.: Мартыянов В.С., Фишман Л.Г. Реакционный проект для России //Свободная мысль. 2009. №9. С.171.

В-четвертых, в связи с появлением и обострением глобальных проблем встал вопрос о критериях социально-политического и научно-технического прогресса.

Интересные ответы на вопросы, поставленные временем, дает один из крупнейших писателей современности А. И. Солженицын, тяготея к социально-философскому осмыслению действительности. Его вклад в формирование мировоззрения умеренных консерваторов (особенно верующих) весьма значителен.

Исходный тезис писателя состоит в том, что общественное бытие во всех его проявлениях следует рассматривать прежде всего с религиозно-этических позиций. Руководствуясь этим тезисом, он поднимает проблему соотношения «политического» и «морального» и высказывает мысль о необходимости сверять любую деятельность социума, особенно политическую, по нравственному компасу. Свою позицию он подкрепляет ссылками на Эразма Роттердамского и Владимира Соловьева, которые рассматривали политическую деятельность как нравственное служение обществу

С этих позиций писатель подверг критике такие институты либеральной демократии как всеобщее избирательное право и партии. По его мнению, демократические выборы приводят к торжеству «бессодержательного количества над содержательным качеством». Способ преодоления этого недостатка видится писателю в введении ценза оседлости и увеличении возрастного ценза. Партии оцениваются как антинациональные по своей сущности, поскольку разрушают целостность наций, подменяют национальные интересы партийными и ищут выгоду в борьбе за власть, негативно влияя на нравственность общества.

А. И. Солженицын – противник классического либерального принципа свободной конкуренции. Признавая, что не может быть независимого гражданина без частной собственности, он считает необходимым ее ограничивать, чтобы избежать ущемления интересов других граждан. Писатель высказывается за жесткое законодательное ограничение концентрации капитала, ведущее к монополизации экономики.

Оценивая ценности либеральной демократии как не соответствующие потребностям России, А. И. Солженицын в качестве альтернативы им предлагает авторитарные. По его мнению, авторитарное правление наилучшим образом обеспечивает стабильность и преемственность в развитии общества, но таит в себе опасность сползания в тиранию. Принцип разделения властей он считает спорным, способным привести к распаду единого государственного организма. Народ России, как полагает писатель, «не готов к парламентаризму»¹.

¹ Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998. С.49.

Необходимость деятельности политических партий практически отрицается.

Путь к выздоровлению российского общества А. И. Солженицын видит не только в создании сильной централизованной власти, но и в развитии местного самоуправления. Он отмечает, что «демократия малых пространств» была присуща России, а идея самоуправления имеет долгую историю, реализуясь в народных собраниях – вече, сословно-представительных учреждениях – Земских соборах, а с конца XIX века в – земствах, разогнанных большевиками и замененных Советами, которые сразу же были подмяты компартией и никогда ничем не управляли.

Для современной России актуальны и практически значимы суждения А. И. Солженицына о роли местного самоуправления в системе власти, высказанные в публикации «Что нам по силам» в еженедельнике «Аргументы и факты» в рамках проекта «Какой быть России?»).

Ссылаясь на собственные наблюдения за деятельностью местного самоуправления в странах Запада, А. И. Солженицын оценивает его структуры как «мощный общественный аппарат в действии», обеспечивающий «реальное, эффективное и достойное участие самых рядовых граждан в их обычной обстановке, в отстаивании своих бесспорных потребностей и принятии решений на обозримое будущее». Достоинство местного самоуправления он видит в возможности граждан «натурально ощущать подвижки и успех этих решений как прямое влияние на ход государственной жизни»¹.

По мнению писателя, в наших нынешних, нередко справедливых упреках Западу – из-за менторской позиции Совета Европы или американоцентричного характера глобализации «мы упустили самую деловую всedневную здравую пользу системы самоуправления в западных странах (да никто и не торопился нам ее представить), реальные перемены в муниципалитетах, отстоянные самими гражданами по зримому для них поводу, сам опыт реального самоуправления – и заслуженное удовлетворение от этого».

А. И. Солженицын выражает тревогу по поводу «подавления новоявленных очагов местного самоуправления», отказа им в финансовой помощи, отсутствия законодательной поддержки со стороны Государственной Думы. Его позиция категорична: «...В такой необъятной стране, как наша, никогда не добиться процветания – без сочетаний действительно централизованной власти и общественных сил».

Заслуживает внимания полемика писателя со сторонниками той точки зрения, что российское общество в принципе не способно к самоорганизации и самоуправлению. Апеллируя к реальным фактам

¹ Солженицын А. Что нам по силам // Аргументы и факты. 2008. №5. С.3

противоположного свойства (обманутые дольщики, движение автомобилистов), писатель решительно возражает им: «...А другого пути просто нет. Если мы не научимся брать в свои руки и деятельно обеспечивать близкие, жизненные наши нужды, а всегда отдавать их на милость далеких, высоких бюрократов, - не видать нам благоденствия ни при каких золотовалютных запасах».

Предлагаемый А. И. Солженицыным механизм создания «гуманной «автократии» основывается на непрямом, многоступенчатом голосовании. Президент избирается их числа претендентов, предложенных Всеземским собранием. Само Всеземское собрание состоит из представителей, выбранных областными собраниями, которые, в свою очередь, включают представителей уездных собраний, а уездные – волостных. Президент, согласно схеме А. И. Солженицына, сможет исполнять свои обязанности пожизненно, если Всеземское собрание не сочтет целесообразным его сменить. Очевидно, что при таком механизме создания «гуманной» автократии открываются самые широкие возможности для злоупотреблений.

Пользуясь категориями «нации» и «морали», А. И. Солженицын в самой категорической форме выразил свое неприятие революций как явлений «антинациональных» и «аморальных». Переход от дооктябрьской России к СССР расценивается им как «излом хребта», который едва не окончился национальной гибелью.

По поводу моральных последствий революций писатель отмечал, что они ведут к «озверению нравов, к атмосфере всеобщей ненависти». Более того, всякая революция насыщена «сгущенным числом отвратительных фигур», которые как бы взмучивают с «морального дна».

Рассмотрение социально-политических идей А. И. Солженицына может быть резюмировано в виде следующих выводов.

1. А. И. Солженицын, как и консерваторы, в оценке общественно-политических явлений придерживается религиозно-этического подхода, признает за духовным фактором ведущую роль по отношению к материальному.
2. Писатель высказывает негативное отношение к революциям, либерально-демократическим ценностям современного общества; придерживается идеи преемственности, отстаивая эволюционный путь развития социума. На страницах своих произведений он часто цитирует таких известных представителей российского консерватизма, как Ф. М. Достоевский и М.Н. Катков.
3. В отличие от других представителей консерватизма А. И. Солженицын чужд элитарных воззрений и выступает за народное самоуправление. Отношение к народу как источнику власти выводит писателя за рамки классической консервативной парадигмы.

В содержательном плане идея сочетания «гуманной» авторитарной власти и эффективного народного самоуправления представляется проблематичной и трудно осуществимой.

Приверженность части российского общества консервативным идеям обусловлена сложными процессами развития национального самосознания в условиях модернизации и резкого снижения геополитического статуса страны, прежде всего кризисом национальной идентичности и потерей исторической перспективы.

ГЛАВА 6 ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

6.1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ МАРКСИЗМА

Марксизм возник в 40-х годах XIX века. К. Маркс (1818-1883) и Ф. Энгельс (1820-1995) пытались выяснить условия и указать пути освобождения трудящихся от эксплуатации и всех форм социального гнета. Они стремились наметить контуры строя, который сможет преодолеть отчуждение рабочих от собственности и власти, разумно организует общественную жизнь, обеспечит свободное и гармоничное развитие личности. Теория К. Маркса задумывалась как наука, однако его идеи превратились в идеологию, стали обоснованием программы политических действий.

Идеологическая позиция марксизма складывалась под воздействием различных идейных течений. Суждения предшественников так или иначе переосмысливались ими и лишь затем включались в создававшуюся историко-материалистическую картину социального мира.

Источник экономических воззрений марксизма составили идеи классиков английской политической экономии А. Смита и Д. Рикардо. Последние понимали современное им общество как мир материальных потребностей людей, комплекс отношений производства, обмена, распределения и потребления материальных благ. Двигателем общественных процессов они считали реальные интересы индивидов, деятельность которых подчинена объективным законам общественной жизни. Государство всецело зависит от общества и призвано обслуживать его.

Интерес К. Маркса и Ф. Энгельса вызывали взгляды Ж.-Ж. Руссо на демократию как форму политического бытия индивидов, соединившихся в единое общество. Согласно Ж.-Ж. Руссо, сердцевина демократии – принципы народного суверенитета, верховенства и полновластия народа в государстве. Этот принцип реализуется через фактический контроль народа за исполнительной властью.

Марксистская политическая концепция складывалась не без влияния выдающихся французских историков эпохи Реставрации О. Тьерри, О. Минье, Ф. Гизо. Эти ученые сумели реалистически оценить зависимость государственного строя, правовых установлений от материальных условий общественной жизни, от происходившей в истории борьбы классов. Они полагали, что политические институты, юридические нормы создаются обществом, являются отражением общественного строя, но потом начинают сами воздействовать на социальную жизнь, видоизменять ее. Идеологическим

представлениям К. Маркса и Ф. Энгельса оказалась особенно созвучной мысль французских историков о том, что борьба классов наполняет всю гражданскую историю.

К. Маркс и Ф. Энгельс констатировали преемственность собственных представлений о будущем обществе со взглядами своих социалистических предшественников, особенно А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна. В своих работах они пытались анализировать сильные и слабые стороны этих взглядов.

Немалую роль в возникновении марксизма сыграли идеи немецкой классической философии, особенно Г. Гегеля. Переработанная в материалистическом духе гегелевская диалектика была ими широко использована для анализа политических и государственно-правовых проблем.

Наконец, воззрения К. Маркса и Ф. Энгельса испытали влияние еще одного идеологического течения – либерализма. Сами К. Маркс и Ф. Энгельс всячески стремились дистанцироваться от него, считая эту идеологию по преимуществу буржуазной, чуждой пролетариату. Тем не менее трудно отрицать родство с либеральными представлениями следующих известных положений марксизма: «всякий раз, когда под вопрос ставится та или другая свобода, тем самым ставится под вопрос и свобода вообще», «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав», «свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу подчиненный». Необходимо, однако, подчеркнуть, что именно приведенные и подобные им положения К. Маркса и Ф. Энгельса были инородными пролетарски-классовой природе марксизма.

Вопрос о месте и роли марксизма в современном мире является предметом острых дискуссий. Суждения на сей счет таковы.

1. Марксизм в целом был верен для своего времени, но в дальнейшем утратил актуальность и отношение к нему должно быть, как к любому классическому учению.
2. Марксизм выдвинул привлекательные принципы, но не разработал механизм их применения.
3. Марксистские прогнозы в принципе верны, но относятся к отдаленному будущему человечества.

Эти суждения высказываются и в различных сочетаниях.

Для формулирования позиции по сложному и спорному вопросу попытаемся определить специфику марксизма. Марксизм – это учение о прогрессе как смене общественных формаций и росте производительных сил; о социалистической революции во главе с субъектом прогресса – пролетариатом; о сломе буржуазной государственной машины и замене ее диктатурой пролетариата,

отмирающей впоследствии; о построении коммунизма – бестоварного и без рыночного общества ассоциированных производителей. Рассмотрим, в какой мере эти идеи выдержали испытание временем, насколько они соответствуют реальностям современной цивилизации при переходе от индустриального общества к постиндустриальному и информационному.

6.2 ФОРМАЦИОННАЯ СХЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Согласно марксизму, история представляет собой однолинейный процесс смены общественных формаций – первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической. Этот процесс расценивается как революционный и прогрессивный, детерминируемый потребностью производительных сил и таких производственных отношений, которые открывали бы простор для их функционирования и обеспечивали бы решение общественных проблем.

В XX веке обнаружили узость и ограниченность формационного подхода к истории. Они проявились прежде всего в абсолютизации роли материально-технической сферы жизни общества как детерминанты прогресса. Эта сфера действительно оказывает значительное, во многом определяющее воздействие на общественные процессы. Вместе с тем она испытывает на себе существенное, а нередко и решающее влияние множества нематериальных факторов – доминирующих в обществе настроений, воли элит и лидеров, деятельности политических партий и т.д.

Марксова концепция общественного развития создавалась на основе анализа исторического опыта западноевропейского региона и механически экстраполировалась на все человечество. Поэтому она нередко оказывалась в явном противоречии с развитием различных стран и регионов, не учитывались их цивилизационные характеристики.

В России, например, не было рабовладельческой формации. В эпоху рабовладения далеко не повсеместно (в том числе в Древнем Египте, греческих городах-государствах, Древнем Риме) рабовладение было основой хозяйственной жизни. Большую роль играли крестьянские общины, существовал наёмный труд, имелись свободные ремесленники. Классический феодализм существовал только в государствах Европы, но не Азии. Наконец, оказываются несостоятельными попытки отнесения к какой-либо формации государства доколумбовский Америки.

Аргументом против марксовой пятичленки формаций являются и нынешние модернизационные процессы в странах СНГ и Восточной Европы. Они доказывают несостоятельность представлений об эсхатологическом крахе капитализма и мессианском торжестве коммунизма.

Наконец, трансформация индустриального общества в постиндустриальное и информационное со всей очевидностью демонстрирует ограниченность марксистских представлений о направленности исторического процесса.

По своей сути марксова концепция формаций с коммунизмом как счастливым финалом человечества была отголоском дарвиновской теории эволюционного развития форм жизни от низших к высшим. Для этой концепции характерно телеологическое видение исторического процесса, принижающее роль общественного и индивидуального сознания.

Слабым местом марксизма является недооценка роли личного фактора в общественном развитии, во многом вызванная акцентом на социальных классах, воспринимавшихся как более значимые акторы, чем отдельные индивиды. Взгляд К. Маркса на историю носит в значительной степени обезличенный характер. В этом смысле он – прямой продолжатель гегелевского понимания истории. Разница в том, что у Гегеля сущность истории сводится к движению Мирового духа, а у К. Маркса – к развитию экономического базиса, т.е. производственных отношений. По отношению же к базису все остальные сферы жизни (политика, религия, искусство, мораль), согласно марксизму, носят производный характер.

Следует отметить, что марксова концепция истории как последовательной смены социально-экономических формаций в определенной мере корректировалась самим К. Марксом, обратившимся к изучению азиатского способа производства, отличающегося от пройденных Европой типов общественного устройства. При исследовании этого способа производства он обнаружил, что целостность обществу здесь придает не экономика, а властные факторы. Однако открытие этого феномена осталось не разработанным ни К. Марксом, ни его последователями.

Открытие «властной» формации взламывает линейную «пятичленку»: первобытнообщинный строй – рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм. Оказывается возможным иной тип формации, интегрирующим стержнем которого служат отношений власти, а не отношения собственности. Возникшее в России тоталитарное антикапиталистическое образование и представляло собой своеобразное сочетание промышленной цивилизации и пережитков азиатской общественной структуры.

В современном обществознании преобладает так называемый цивилизационный подход к изучению исторического процесса. Его суть – в осмыслении роли и значения исторических цивилизаций в общественном развитии, которые выделяются по разным основаниям – типу культуры, религии, географическому положению, уровню технико-экономического развития. В этой связи говорят о таких цивилизациях, как славяно-православная, мусульманская, азиатская, индустриальная и постиндустриальная и т.д.

Цивилизационный подход к истории – более содержательный и плодотворный, чем формационный, поскольку не сводится к взаимодействию производительных сил и производственных отношений. Объект его внимания – совокупность всех форм жизнедеятельности общества – материальных, духовных, нравственных и прочих в их единстве и неразрывности. Он отражает происходящие в мире интеграционные процессы, прогрессирующую взаимозависимость народов. Этот подход открыт для изучения вновь возникающих тенденций, способен охватить всю сложность и многообразие мирового развития.

6.3 КОНЦЕПЦИЯ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МИССИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Центральными положениями марксистской теории являются тезисы о классовой борьбе как главном содержании всемирной истории и революционном насилии как радикальном способе ликвидации эксплуатации человека человеком.

К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что победа пролетариата во всемирном масштабе превратит человечество в единую общность без классовых различий и национальных границ, обеспечив тем самым возможность искоренения войн и достижения вечного мира. Марксистское понимание проблем мировой политики основывалось на экономическом детерминизме, согласно которому формирование всемирного рынка определит глобальный характер социального конфликта и последующих изменений в системе международных отношений.

В истории, особенно современной К. Марксу и Ф. Энгельсу, борьба классов действительно занимала значительное место. Их работы позволяют глубже понять положение рабочего класса и его борьбу с буржуазией в XIX веке.

Самая сильная часть «Капитала» - главы и страницы, посвященные первоначальному накоплению – насильственному сгону крестьян с земли и их разорению в XVI и XVII веках, ужасающему положению

рабочих – с 14-16 часовым рабочим днем, с низкой зарплатой и проживанием в рабочих домах, с массовой безработицей без всякого социального страхования. У Ф. Энгельса в работе «Положение рабочего класса в Англии» сообщается о 7–8 – летних детях, работающих на фабриках, но с еще более низкой зарплатой, чем у взрослых. Анализ К. Марксом и Ф. Энгельсом реалий раннего капитализма был несомненным вкладом в науку.

К. Маркс и Ф. Энгельс были уверены, что прогрессирующему обнищанию трудящихся может быть положен конец только посредством такого переустройства общества, которое сделает пролетариев коллективными собственниками средств производства. Они называли «вульгарными экономистами» либеральных экономистов (Дж. Милль), утверждавших, что обнищание масс – преходящее явление, преодолимое капиталистическим развитием, и потому призывавших пролетариев к гражданскому миру с работодателями.

Путь к обществу без эксплуатации К. Маркс и Ф. Энгельс видели в применении насилия по отношению к буржуазии, поскольку последняя добровольно власть не отдаст. При этом они прибегали к метафоре, сравнивая насилие с повивальной бабкой старого общества, когда оно беременно новым. В дальнейшем ленинизм как большевистская леворадикальная версия марксизма абсолютизировал роль насилия в истории.

Последующий опыт показал, что сводить историю прежде всего к борьбе классов – значит неоправданно обеднять ее содержание. Социалистические революции, в которых марксизм видел путь к осуществлению своего идеала – коммунизма, на практике приводили к появлению нежизнеспособной общественной системы, с трудом поддающейся трансформации в систему гуманную и демократическую.

В России, например, многие вопросы, которые стояли перед обществом до 1917 года, неумолимо и с еще большей остротой встали после социалистического эксперимента, нуждаясь в безотлагательном решении. Это и вопросы собственности, и переход к цивилизованному рынку, и создание правового государства, и решение национальных проблем. Революционный скачок разрушил преемственность и взаимосвязь культур, традиций, нравственных основ, составляющих фундамент российской цивилизации.

Применительно к революциям еще предстоит изучить феномен, который Ф. Энгельс вслед за Г. Гегелем назвал «иронией истории». Суть этого феномена в том, что лозунги Великой Французской революции «свобода, равенство и братство» обернулись бонапартистским режимом, а социалистический идеал оказался нереализованным или до неузнаваемости искаженным.

В XX веке обнаружилась высокая эффективность реформ как способа социальных преобразований. Именно реформы, а не насилие одного класса над другим привели западное общество к благополучию.

В странах Запада решение существующих проблем достигается не на пути конфронтации и установления господства одного класса над другим, а в результате поиска консенсуса, достижения баланса интересов различных слоев общества в ходе реформ.

Таким образом, выявился исторически ограниченный характер марксистского положения о насилии как повивальной бабке истории. Оно отразило период острой классовой конфронтации и оказалось неприемлемым для разрешения классовых противоречий XX века.

Опыт показал не только неразрешимость классовых противоречий насильственным путем, но и отсутствие реального содержания у одной из основополагающих идей марксизма – диктатуры пролетариата.

К. Маркс понимал эту идею как непродолжительное господство рабочего класса развитых государств для преодоления сопротивления свергнутой буржуазии. В. И. Ленин видел в диктатуре пролетариата власть, не связанную никакими законами и поддерживаемую населением. В ленинских трудах диктатура пролетариата приобрела значение главной идеи марксизма, важнейшего критерия революционности.

В реальной практике диктатура пролетариата никогда и нигде не была установлена. Марксистская же идея диктатуры пролетариата служила средством легитимации власти партийно-государственной номенклатуры, опиравшейся на люмпенизированные слои населения.

В XX веке в социально-профессиональной структуре общества произошли глубокие сдвиги, изменившие представления о «движущих силах истории» и способах достижения социальной справедливости.

Самым значительным социальным последствием НТР в странах Запада стало относительное, а впоследствии и абсолютное сокращение удельного веса промышленных рабочих, связанное со структурными сдвигами в экономике. В США уже во второй половине 80-х годов три четверти рабочей силы было занято в сфере услуг, связи и отраслях с преобладанием канцелярского труда. В странах Европейского Союза на промышленность приходится менее трети работников наемного труда, на непроемственную сферу – 60%, на сельское хозяйство – около 8 %.

Создание «общества услуг и информации» приводит к снижению роли и даже постепенному исчезновению некоторых традиционных профессий (например, шахтеры). Падает удельный вес крупных рабочих коллективов, растет число мелких и средних предприятий. К

разрушению «рабочих бастионов» ведет и расширение сферы надомного труда.

К концу XX века стало очевидным, что рабочий класс, стремясь улучшить свое положение, доказал способность играть конструктивную роль в рамках буржуазного общества, гармонизировать отношения труда и капитала. Вместе с тем он не обнаружил никаких особых качеств возвышающих его над другими классами и слоями, и не проявил готовность через свою диктатуру привести общество к процветанию. Идея всемирно-исторической миссии рабочего класса в ликвидации всех форм социального гнета оказалась утопической.

В странах Запада 80-85% населения относит себя к «среднему классу». Почти повсеместно являются реальностями 40-часовая рабочая неделя и оплачиваемый ежегодный отпуск. Безработица если и не ушла в прошлое, то в большинстве стран перестала быть самостоятельной проблемой, превратилась в часть проблемы занятости. В разных странах от 60 до 80 % населения живет в отдельных домах. Всеобщим является медицинское и социальное страхование, которое в своей значительной и даже преобладающей части осуществляется не за счет взносов трудящихся, а за счет работодателей и государства. Подавляющая часть населения имеет доступ к среднему и специальному образованию, при этом 40-50% молодежи продолжает его в вузах.

В результате радикальных перемен в странах Запада сфера социального конфликта значительно сузилась. Традиционные формы классовой борьбы замещаются борьбой идей и интересов в рамках гражданского консенсуса, диалогом и компромиссами для достижения баланса интересов различных слоев общества.

Следует отметить, что в рамках общей ориентации на революционный переход к коммунизму К. Марксу и Ф. Энгельсу в ряде работ удалось избежать абсолютизации роли антагонизмов в развитии общества. Так, в исследовании «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс сделал вывод о том, что коммунизм стоит выше противоречия и вражды между пролетариатом и буржуазией, ибо он «является делом не одних только рабочих, а всего человечества»¹. В конце своей жизни он писал: «...Коммунизм является не только партийной доктриной рабочего класса, но и теорией, стремящейся к освобождению всего общества, включая и класс капиталистов, от тесных рамок современных отношений»².

В XIX веке К. Маркс глубоко проанализировал механизмы и структуры капитализма, но явно недооценил его живучесть, способность эффективно использовать достижения науки и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.2. С.516.

² Маркс К., Энгельс Ф. Т.21. С.265.

технологии. Сделанные им выводы оказались в значительной степени неприменимыми для понимания и прогнозирования путей развития современного западного общества.

Опыт XX века доказал, что для раннего монополистического капитализма существовала зона политической нестабильности, где назревали узлы напряженности и революционные ситуации. В этой зоне оказалась и Россия. В дальнейшем капитализм обрел иммунитет к революциям, и его развитие пошло по эволюционному, реформистскому пути. С 60-х годов капитализм динамично трансформируется из индустриального в постиндустриальное и информационное общество.

В странах Запада созданы механизмы регулирования экономики, позволяющие своевременно разрешать социальные противоречия. Возросла степень удовлетворения потребностей не только первичных, но и более высокого порядка. Иными словами, капитализм оказался способным, пусть в противоречивых формах, нести человечеству прогресс и решить часть задач, которые К. Маркс и Ф. Энгельс относили к функциям социализма.

Марксова же концепция социализма оказалась в значительной степени заимствованной у социалистов-утопистов XVI – начала XIX веков, поскольку основывается на таких идеях, как необходимость обобществления средств производства и создания единой общенародной собственности, ликвидация товарного производства и переход к непосредственному распределению путем прямого продуктообмена.

Прогнозируя неизбежность перехода человечества к социализму и коммунизму, К. Маркс и Ф. Энгельс не ставили вопрос о том, кто заменит собственников как организаторов капиталистического производства, заинтересованных в прибылях и несущих материальную ответственность за свои решения. Из текстов К. Маркса и Ф. Энгельса неясно, что явится стимулом хозяйствования в обществе, отказавшемся от частной собственности. Отсутствие каких-либо соображений на сей счет плохо согласуется с мыслью К. Маркса о том, что идеи неизменно посрамляли себя, когда отрывались от интересов людей.

Настаивая на неизбежности преодоления рынка, частного быта и частного обеспечения семьи, К. Маркс тем самым лишал людей первичных условий свободы, возможности выбирать предметы потребления. Он делал людей заложниками тех, кто распределяет общественные богатства и решает, что они должны потреблять, в каких количествах и в какое время.

К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что переход к социализму возможен только тогда, когда капитализм себя исчерпает. Но они не высказывали никаких конкретных соображений о критериях, которые

позволяли бы определить меру его зрелости для смены новым общественным строем.

К. Маркс не приводит никаких аргументов в пользу своего сверхдальнего прогноза о неизбежном пришествии коммунизма. В работе «Критика Готской программы» он нарисовал картину общества, лишённого социальных различий и противоречий, живущего по принципу «каждый по способностям, каждому по потребностям!». Однако у К. Маркса отсутствует конкретный предметный анализ будущего общества ассоциированных производителей, способов его создания и механизма функционирования.

История не подтвердила марксову концепцию социализма как альтернативы капитализму в развитых странах Запада, но доказала привлекательность социализма для отсталых стран. Именно в этих странах, и в частности в России, произошёл синтез вульгаризированной марксистской теории и неразвитого политического сознания. Нельзя исключить и того, что революционный потенциал марксизма будет востребован в незрелых обществах.

На российской почве, а затем и в масштабах «системы социализма», марксистское учение по существу трансформировалось в религию, обретя такие ее черты, как вера в непогрешимость, всеислие и чудотворность; свои пророки и пантеоны святых (мавзолеи в столицах государств); свои тексты (полные собрания сочинений, цитатники Мао). Этот официальный культ поддерживался искренней верой части населения и всей репрессивной мощью государства.

Ретроспективно можно утверждать, что к восприятию марксизма Россию на определенном историческом этапе подготовили традиции общинности и соборности. Функционирование тоталитарного государства во многом дискредитировало социалистическую идею.

Крах социализма в СССР, радикальный возврат России и других стран СНГ к капитализму, причем дикому, ставит перед исследователями задачу объективного анализа как самой теории марксизма, так и ошибок в процессе ее реализации. Осмысление этой проблематики явилось бы существенным вкладом в поиск адекватных условиям глобализации форм общественного устройства.

6.4 ПРОТИВОРЕЧИЯ МАРКСИЗМА

К. Маркс неоднократно отмечал детерминированность хода истории объективными закономерностями, не подвластными человеку и определяющими пределы его свободы. В тоже время он

парадоксальным образом абсолютизировал роль субъективного фактора в жизни общества и особенно ее переустройстве на коммунистических началах. Противоречие в вопросе о соотношении объективных условий и субъективного фактора в общественном развитии причинно обусловлено прежде всего революционным характером марксизма.

Непоследовательной и противоречивой была позиция К. Маркса по ряду конкретных вопросов теории и практики.

С одной стороны, в работах К. Маркса фиксируется бурное развитие промышленного капитализма, пришедшего на смену мануфактурной стадии его развития. С другой стороны, высказывается убеждение в кризисном состоянии капитализма и переходе в не столь уж отдаленном будущем к посткапиталистическому строю.

В «Манифесте Коммунистической партии» убедительно показана прогрессивная роль буржуазии, создавшей в течение одного столетия большие производительные силы, чем все предшествующие поколения вместе взятые. Подчеркивается, что «буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений»¹.

Однако вслед за приведенным положением в «Манифесте» утверждается, что уже несколько десятилетий история капитализма представляет собой лишь «историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений». При этом указывается на периодические кризисы перепроизводства, «которые... все более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества»².

В предисловии к «Манифесту» 1872 и 1888 гг. высказывалась мысль о том, что, несмотря на прошедшие десятилетия, основные положения документа остаются правильными. Вместе с тем в 70-80-х гг. для К. Маркса и Ф. Энгельса уже было достаточно очевидно, что капитализм способствовал развитию производительных сил и не исчерпал возможности своего развития. В 1859 г. в известном предисловии к «Критике политической экономии» К. Маркс подчеркивал, что ни одна общественная формация не сходит с исторической арены, пока не предоставляет достаточного пространства для развития производительных сил.

В принципиальном для марксизма вопросе – о собственности, с которым было связано положение о неизбежности социалистической революции, его позиция, выраженная в «Манифесте», категорична: уничтожение частной собственности, экспроприация

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С.427.

² Там же. С.429

экспроприаторов. Впоследствии в связи с появлением новых акционерных обществ К. Маркс сделал следующий вывод: «Это упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства... Это результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разьединенных производителей, а в непосредственную общественную собственность»³.

Констатируя новую тенденцию развития капиталистической экономики, К. Маркс однако не скорректировал политическую теорию в соответствии с фундаментальным положением собственного учения: если изменяется экономический базис общества, зарождаются и получают развитие новые отношения собственности, изменяется и политическая надстройка.

В ряде работ и, прежде всего, в «Манифесте» К. Маркс писал о рабочем классе как продукте распада традиционного общества, лишенном собственности и надежды на будущее. Из такой посылки неясно, каким образом этот класс найдет в себе духовные силы и разум для построения совершенного общества.

Преодоление анархии капиталистического производства К. Маркс связывал с ликвидацией закона стоимости, товарно-денежных отношений, конкуренции, рынка. В то же время в рынке он видел некий созданный историей совершенно уникальный механизм выявления количества общественно необходимого труда, воплощенного в товаре.

В одних работах К. Маркс доказывал невозможность рационального земледелия без сохранения мелких крестьянских хозяйств. В других он писал о бесперспективности этих хозяйств с точки зрения общественных потребностей, требовал национализации земли и обобществления крестьянского труда.

Противоречивость воззрений К. Маркса проявилась и в подходе к государству. С одной стороны, в них явно просматриваются контуры знакомого нам «государственного социализма». С другой стороны, у К. Маркса немало мыслей противоположного свойства – о «свободном самоуправлении» как средстве преобразования способа производства.

Не свободно от противоречий отношение К. Маркса и Ф. Энгельса к утопическому социализму.

Начиная с 1842-1843 гг. в своих письмах они подчеркивали, что в отличие от утопистов не придумывают никаких осчастливливающих человечество систем и проектов и претендуют лишь на критическое рассмотрение данного буржуазного общества с целью выявить

³ Там же. Т.25. С.479-480.

нарождающиеся в нем силы, способные, во-первых, ликвидировать присущие капитализму антагонизмы и, во-вторых, качественно преобразовать антигуманное общество на основе им же самим создаваемых экономических, общественных и культурных предпосылок¹.

Отмежевываясь от утопического социализма, авторы «Манифеста» тем не менее сами отдали дань казарменным представлениям о будущем. Для «наиболее передовых стран» они рекомендовали «экспроприацию земельной собственности; отмену права наследования; одинаковую обязательность труда для всех; учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия»².

Как уже отмечалось К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» и других совместных работах под идеологией понимали: 1) сознание определенного класса в целом; 2) теоретическое сознание; 3) ложное, иллюзорное сознание, порожденное противоречиями производственных отношений. К. Маркс настаивал на научном характере созданной им теории, но фактически она представляла собой идеологическое учение, односторонне и предвзято отражавшее окружающую действительность, прогнозировавшее переход к коммунизму и бесклассовому обществу.

Марксизмом разработаны две во многом не согласующиеся с друг другом концепции посткапиталистического общества – коммунизма. Одна из них изложена в «Немецкой идеологии»: «Коммунизм есть для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразовываться действительность. Мы называем коммунизмом движение, которое уничтожает теперешнее состояние»³. В другой концепции, содержащейся в «Критике Готской программы», акцентируются именно сущностные особенности нового общественного строя: исчезновение порабощающего человека подчинения разделению труда; преодоление противоположности между умственным и физическим трудом; превращение труда в первую жизненную потребность; всестороннее развитие индивидов; реализация на основе высокоразвитых производительных сил принципа распределения: от каждого по способностям – каждому по потребностям¹.

При диалектическом подходе к этим концепциям можно выявить связь между освободительной борьбой пролетариата и ее перспективами. Тем не менее налицо два во многом отличающихся определения одного из ключевых понятий марксистского учения – коммунизма.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. С.379.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С.446 – 447.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С.34.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.20.

Марксистская позиция в вопросе о коммунизме как высшей ступени общественного прогресса амбивалентна и в том смысле, что не вполне коррелирует с методологически верным положением, сформулированным Ф. Энгельсом в работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии»: «История так же, как познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенно идеальном состоянии человечества: совершенное общество, совершенное «государство» - это вещи, которые могут существовать только в фантазии. Напротив, все общественные порядки, сменяющие друг друга, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития общества от низшей ступени к высшей»².

Это положение содержит более глубокую и многовариантную трактовку исторического процесса, чем формационная концепция, поскольку имплицитно предполагается возможность различных типов общественного устройства. Марксизм, императивно связывая будущее человечества с развитием коммунизма, на вопрос о сменяющей его форме организации человеческого рода ответа не дает.

Противоречия марксизма сыграли определенную роль в последующей его вульгаризации ортодоксами коммунизма, которые прокламировали приверженность одним положениям этой теории и избегали вспоминать о других, не отвечающих их интересам и взглядам.

6.5 ЛЕНИНИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ

Радикальной версией марксизма являлся ленинизм, ставший идейной основой большевизма. Как партия и течение политической мысли большевизм возник после раскола РСДРП на большевиков во главе с В. И. Лениным (1870 – 1924) и меньшевиков во главе с Л. Мартовым (1873 – 1923).

Существенное влияние на мировоззрение В. И. Ленина оказали идеи Н. Г. Чернышевского и П. Н. Ткачева, в частности, разработанная последним концепция партии заговорщиков-революционеров, использующих захваченную ими государственную власть для продолжения народной революции и осуществления экономической диктатуры. Они в трансформированном виде и облаченные в марксистскую терминологию заняли значительное место в обосновании теоретических постулатов ленинизма¹.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.275.

¹ Наиболее точно генетическую связь ленинизма с народническим социализмом выразил Н.А.Бердяев: «Произошло незаметное соединение традиций революционного марксизма с традициями старой русской революционности, не желавшей допустить капиталистической стадии

Заявив о себе противопоставлением своих идей народничеству, ленинизм по существу не смог выйти за рамки этой социально-политической традиции. Был начисто отброшен реформизм как предательский по отношению к пролетариату.

Стержнем идеологии большевизма явились идеи пролетарской революции под руководством партии «нового типа» с жесткой дисциплиной и иерархической структурой, слабого звена в цепи империализма и разновременности победы революций, диктатуры пролетариата как орудия слома буржуазной государственности и создания социалистической. Эти идеи сформулированы в таких работах, как «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» (1894), «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» (1902), «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции» (1917) и др.

В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916) В. И. Ленин доказывал, что капитализм вступил в высшую и последнюю стадию своего развития – империалистическую, являющуюся кануном социалистической революции. Мировую войну он рассматривал как катализатор гибели капитализма.

В отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса, связывавших переход к социализму с развитыми капиталистическими отношениями, В. И. Ленин рассматривал Россию как самое слабое звено в цепи империализма, в котором возможен ее прорыв, способный послужить началом мировой социалистической революции.

В работе «Государство и революция» (1917) В. И. Ленин изложил свое видение процесса становления диктатуры пролетариата и его этапов. На первом из них должен произойти «слом» буржуазной государственной машины и ее замена органами народного самоуправления – Советами. На втором – уже после осуществления социалистической революции предполагались постепенное отмирание пролетарского государства и переход к непосредственному правлению народа.

В речи на III Всероссийском съезде Российского коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г. В. И. Ленин выдвинул тезис о подчинении морали классовым интересам пролетариата, исходя из которого назвал нравственной политику, направленную на ликвидацию социального гнета и объединение трудящихся в борьбе за укрепление коммунизма. Поэтому насильственные действия по отношению к классовому противнику рассматривались им как нравственно оправданные.

в развитии России, с Чернышевским, Нечаевым, Ткачевым» (Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.86)

Такой подход к вопросу о соотношении политики и морали суживал сферу нравственного в политике и открывал широкие возможности для произвольных трактовок интересов пролетариата и действий, ничего общего не имеющих с этими интересами. Впоследствии И. В. Сталин объяснял чудовищные репрессии 1930-х гг. обострением классовой борьбы и необходимостью сохранения власти пролетариата.

Значительно более конструктивными и глубокими по своему содержанию были напутствия В. И. Ленина участникам съезда. Он предостерег молодежь от начетничества, усвоения только коммунистических формул и выводов, призвал ее овладеть современным знанием, всем культурным богатством, созданным человечеством¹

В начале 20-х годов В. И. Ленин сделал вывод о необходимости «пересмотра всей нашей точки зрения на социализм». Он инициировал переход к новой экономической политике (НЭП), предполагавшей широкое развитие кооперативной деятельности, отошел от лозунгов мировой революции, выступил за мирное сосуществование между социализмом и капитализмом, стал рассматривать «социалистическую экономику» как часть мировой, предпринял некоторые меры по созданию правового демократического государства.

Идея исторического компромисса, к которой В. И. Ленин начал приходить в конце жизни, состояла в осознании несводимости разных экономических укладов к одному единственному самому передовому и прогрессивному, способному обеспечить победу нового общественного строя. Проблема заключалась в переходе к социализму в каком-то ином, чем предусматривалось К. Марксом смысле – длительного совмещения разных укладов где капитализму отводилось бы место в процессе трансформации общества.

По мысли В. И. Ленина, достижения социализма в экономической, социальной и культурной сферах, а также проводимая им политика мирного сосуществования стимулируют процесс становления коммунистической цивилизации. В методологическом плане эта позиция базировалась на формационном подходе к истории с характерным для него упрощенным представлением об однолинейности процесса смены общественных формаций как результата взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

Практическое осуществление большевистского проекта привело В. И. Ленина к осознанию необходимости пересмотра прежних представлений о социализме. В его последних работах высказываются суждения, во многом сходные с идеями западной социал-демократии,

¹ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.41. С. 298-306.

сконцентрированными в известной формуле Э. Бернштейна «Движение – все, цель – ничто».

В целом можно утверждать, что В. И. Ленин скорректировал К. Маркса в пролетарско-якобинском духе. С точки зрения собственно доктринальной его оппонент меньшевик Г. В. Плеханов был несомненно ближе к марксизму, шире по философскому, социологическому и историческому кругозору. Представляется верным суждение Г. В. Плеханова о В. И. Ленине, высказанное в беседе с русским мыслителем Ф. Степуном: «Как только я познакомился с ним, я сразу понял, что этот человек может оказаться для нашего дела очень опасным, так как его главный талант – невероятный дар упрощения»¹.

В большевизме существовало и неортодоксальное направление, ориентировавшееся на марксову концепцию пролетариата как потенциального носителя высшей коммунистической культуры. Проблемы формирования культурных предпосылок социалистической революции при капитализме были в центре внимания А. А. Богданова (1873 – 1928) и А. В. Луначарского (1875 – 1933). В. И. Ленин расценивал их взгляды как ревизионистские и подвергал резкой критике.

Со второй половины 20-х годов в идеологии большевизма возобладал революционный консерватизм, связанный с именем генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина (1879 – 1953). Основные идеологемы и постулаты сталинизма изложены в работах «Марксизм и национальный вопрос» (1913), «Об основах ленинизма» (1924), «Национальный вопрос и ленинизм» (1929), «Марксизм и вопросы языкознания» (1950), «Экономические проблемы социализма» (1952).

Консервативное начало сталинизма выразилось в реставрации принципов бюрократического авторитаризма в управлении государством, воссоздании аристократической структуры общества – партийно-государственной номенклатуры, сакрализации власти. Политическая концепция И. В. Сталина стала идейным обоснованием для установления в СССР тоталитарного режима, осуществившего беспрецедентные в истории репрессии против собственного народа.

Для работ и публичных выступлений И. В. Сталина были характерны упрощенческая, вульгаризаторская трактовка трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина в угоду политической конъюнктуре, произвольное жонглирование марксистскими цитатами. Манипулятивные приемы широко использовались в целях идеологической обработки членов ВКП(б) и беспартийных.

В связи с предпринятым И. В. Сталиным в середине 20-х годов отделением марксизма от ленинизма как его дальнейшего развития господствовавшая в СССР идеология была названа марксизмом-

¹ Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С.233.

ленинизмом. В нее включались не только идеи К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, но и имплицитно труды самого И. В. Сталина, а впоследствии и его преемников на посту генерального секретаря КПСС.

С помощью принуждения и изоляционистской политики насаждался миф о всеилии и всепобеждающем характере марксизма-ленинизма. Ему отводилась роль «истинного» знания, способного объяснять законы общественного развития, к числу которых были отнесены: неизбежность смены капитализма социализмом; возможность сосуществования государств с различным общественным строем в течение периода перехода человечества к коммунистической формации; возрастание роли народных масс в истории; возможность перехода народов третьего мира к социализму, минуя капитализм.

При этом марксизм нередко подменялся конъюнктурными версиями, удобными партийному руководству. Таковыми были, например, тезис об обострении классово-борьбы при переходе к социализму планы построения коммунизма к 1980 г., тезисы о развитом социализме и советском народе как новой форме общности людей и т.п.

Идеи и высказывания К. Маркса и В. И. Ленина, которые «не вписывались» в официальную линию или противоречили ей, тщательно замалчивались. Обращение исследователей к «табуированной» части марксизма расценивались властями как проявление нелояльности к общественному строю.

Введение советских войск в Чехословакию весной 1968 г. выявило неспособность приверженцев догматизированного марксизма-ленинизма аргументировано полемизировать с интеллектуальными кругами этой страны, пытавшимися придать гуманистический характер идеям социализма, сделать этот общественный строй привлекательным для широких слоев населения.

О состоянии советской идеологии в 70-80-х гг. наглядное представление дает нижеприводимый фрагмент из публикации А. С. Черняева, в 1971-1986 гг. - заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС в 1986-1991 годах - помощника Генерального секретаря ЦК КПСС, а затем и президента СССР. «Идеология,- констатирует А. С. Черняев, - все более явно становилась жертвой безвыходного экономического застоя. В качестве квазирелигии она была уже мертва. Сверху донизу никто не верил в ее догмы. Необратимо утратившая свой революционный и мобилизующий потенциал, она окончательно слилась с лживой «пропагандой успехов». Оторванная от реалий внутри и вовне, потерявшая всякую эффективность, она все реже использовалась в практической политике, но нужна была для сохранения имиджа альтернативы «империалистическому Западу». И, конечно, служила

демагогическим прикрытием партийно-государственного контроля за духовной жизнью общества.

Впервые идеология натолкнулась и на оппозицию, которую нельзя было уже задавить по-сталински. Появились Сахаров и диссидентское движение, критиковавшее и осуждавшее советскую власть, апеллируя к ее собственным законам и программным установкам. ...

Утратила свою роль советская социалистическая идеология и как всемирный (экспансионистский по сути) фактор. ... Коммунистические партии, имевшие какую-то социальную базу у себя в стране, начали вырываться из-под патерналистской крыши КПСС на путях «еврокоммунизма». Малые, ничтожные у себя дома партии, целиком материально зависимые от нас, тоже отторгали советский образец для своих стран. СССР перестал быть символом надежды и вдохновения, источником энтузиазма»¹.

6.6 ТРОЦКИЗМ И НЕОТРОЦКИЗМ

Троцкизм – леворадикальное идейно-политическое течение, сторонники которого считали себя продолжателями марксизма. Связанно с именем Льва Давидовича Троцкого (1879-1940), политика и теоретика, одного из руководителей Октябрьской революции 1917 г. Возникло в начале XX века и к настоящему времени претерпело значительные изменения. Основу идеологии и практики троцкизма составляет теория «перманентной революции» (от лат. *permaneo* – продолжаюсь, остаюсь), обосновывающая возможность победы социалистической революции и построения социализма лишь во всемирном масштабе.

Сама идея непрерывности революции впервые была высказана К. Марксом и Ф. Энгельсом в период буржуазно-демократических революций 1848-1849 гг. Такая революция понималась как смена этапов революционного процесса, завершающегося установлением диктатуры пролетариата. Но уже в конце 1850 г. они осознали, что для перехода ко второму ее этапу, очевидно, потребуется не менее 10-15, а то и 50 лет и резко выступали против тех своих соратников (В. Шаппер), которые, несмотря на отсутствие революционной ситуации, продолжали ратовать за непрерывную революцию. По существу К. Маркс и Ф. Энгельс отвергли идею непрерывности революции как заблуждение, чреватое негативными последствиями для освободительной борьбы пролетариата¹.

¹ Черняев А.С. ...И лично товарищ Брежнев Леонид Ильич. К столетию со дня рождения. // Свободная мысль. 2006. № 9-10. С.174.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.8. С.582, 584.

У Л. Д. Троцкого идея непрерывности революции имеет иной смысл. Перманентность революционного процесса связывалась не столько с внутренними социально-экономическими условиями различных государств, сколько с внешними факторами – экспортом революций во все новые страны, их подталкиванием из единого центра. С его точки зрения, деятельность революционеров своей конечной целью должна быть иметь приближение мировой революции.

Будучи наркомом по военным делам, Л. Д. Троцкий в 1920-21 гг. стремился реализовать свою теорию на практике - осуществить поход на Варшаву, а затем, в случае успеха – на Берлин. Красной армии отводилась роль не только опоры Советской власти, но и орудия распространения революции на весь мир. Главной силой в «раздувании пожара» мировой революции он считал созданный в 1919 г. Коммунистический Интернационал, который, опираясь на ресурсы СССР, должен был придать революции глобальные масштабы, вовлечь в неё угнетенные народы Востока.

Курс на строительство социализма в одной стране, взятый Сталиным после спада революционной волны, троцкисты считали отходом от основополагающих принципов пролетарского интернационализма. Оказавшись в эмиграции после поражения во внутрипартийной борьбе, Л. Д. Троцкий продолжал ратовать за перманентную революцию и для ее осуществления в 1938 г. учредил IV Интернационал. Эта международная организация в течение ряда лет вела агитационную и пропагандистскую деятельность, но в дальнейшем распалась на мелкие группировки и потеряла даже то незначительное влияние, которым располагала на момент создания.

Примерно с середины XX в. сторонники троцкистских идей активизировали попытки преодолеть раскол и реанимировать деятельность IV Интернационала. Эти действия аргументировались главной идеей теории «перманентной революции» – о возможности победы социализма лишь во всемирном масштабе. Руководители троцкистских групп (бельгиец Э. Мандел, аргентинец Х. Посадас и др.) придерживались той точки зрения, что процессы интеграции мировой экономики и образования транснациональных корпораций способствует созданию благоприятных предпосылок для осуществления революции в глобальном масштабе, подтверждая тем самым теорию «перманентной революции». Современные троцкисты в основном продолжают руководствоваться романтизированными утопическими идеями основателя движения, интерпретируя многообразие и противоречивость мирового развития исходя из схем, родившихся в иной обстановке.

Идеи Л. Д. Троцкого были положены в основу неотроцкистской концепции «самоуправляющегося социализма», разработанной IV

Интернационалом в конце 80-х гг. В ней «самоуправляющийся социализм» был представлен как свободная ассоциация рабочих, обстоятельно анализировались недостатки и проблемы «реального социализма» в СССР, трудности международного рабочего и коммунистического движения.

Реалии глобализирующегося мира поставили перед неотроцкистами задачу пересмотра стратегии и тактики. Присущий троцкизму экстремизм уступил место легальным методам политической деятельности, прежде всего идеологической работе. В своем большинстве троцкисты разных стран стремятся воздерживаться от экстремистских акций и не давать властям повода для репрессий.

В современных условиях неотроцкисты проявляют более трезвый, чем прежде, подход к проблеме войны и мира. Они отказались от культивировавшегося несколько десятилетий экстремистского тезиса о необходимости превентивной «ядерной войны» для уничтожения капитализма, участвуют в антивоенных акциях. Наметилось стремление расширить социальную базу среди левых сил, ведя с ними диалог. Взаимодействие с левыми силами способствует выходу троцкистских группировок из политической изоляции, в которой они находились многие годы, разработке общих позиций по отдельным проблемам, проведению совместных кампаний. Такая эволюция модифицирует и трансформирует характерные черты троцкизма, формировавшиеся в течение многих десятилетий.

Троцкизм оказал значительное влияние на ряд течений политической мысли XX века – от маоизма эпохи «культурной революции» и буржуазии 1960-х гг. в странах Запада до американского неоконсерватизма с его идеей принудительной демократизации мира.

6.7 МАОИЗМ И СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙСКИЙ МАРКСИЗМ

Присущий большевизму революционный радикализм был характерен и для маоизма – левацкого националистического течения, доминировавшего в Китае в 40-70-х гг. XX века. Его адепты, утилитарно используя марксистскую фразеологию, пытались выдать маоизм за «марксизм-ленинизм современной эпохи». Основные постулаты этого течения состояли в следующем:

- 1) рабочий класс Запада утратил революционные качества и «обуржуазился»;
- 2) компартии Запада, выражающие интересы «обуржуазившегося» рабочего класса, также перестали быть революционными и «интегрировались» в капиталистическую систему;

- 3) вооруженное насилие и война представляют собой универсальное средство решения всех социальных проблем;
- 4) социалистические страны во главе с СССР заинтересованы в мирном сосуществовании с Западом и поэтому не могут быть авангардом мировой революции;
- 5) революционность присуща лишь народам бывших колоний, чья борьба против империализма может привести к ликвидации эксплуатации и победе социализма.
- 6) Китай – естественный лидер стран третьего мира в борьбе против гегемонии сверхдержав – СССР и США.

В течение нескольких десятилетий идеология маоизма была популярна в бывших колониях с преобладающим крестьянским населением. Она получила определенное распространение и в среде леворадикально настроенной молодежи стран Запада, которую привлекали ультрареволюционная риторика тогдашней китайской пропаганды, призывы к бескомпромиссной борьбе против империализма. Маоистские идеи вдохновляли многих участников студенческих волнений конца 60-х гг. в Западной Европе и Северной Америке. К настоящему времени влияние маоизма в мире является незначительным, а в Западной Европе сошло на нет.

Нынешнее китайское руководство, учтя опыт собственной страны периода «большого скачка» (1958-1960 гг.) и «культурной революции» (1966-1976 гг.), в противоположность чрезмерному упору Мао Цзедуну на классовую борьбу считает, что в определенных рамках она будет долго продолжаться и при известных условиях даже обостряться, но в целом перестала быть главным противоречием китайского общества. Заслугой Мао-Цзедуну в Китае считается китаизация марксизма, т.е. соединение общих принципов марксизма с конкретной практикой китайской революции.

В настоящее время оформленной концепции китайского марксизма не существует. Ее теоретическую основу составляют взгляды Дэн Сяопина, чьи суждения о марксизме и социализме содержатся в выступлениях и беседах. Их смысл заключается в осознании специфики Китая и направленности необходимых стране преобразований¹. Достигнутую Китаем стадию социализма бывший глава партийного руководства оценивал, как начальную и не пытался (или не считал нужным) определять ее продолжительность.

Предложенная Дэн Сяопином концепция строительства «социализма с китайской спецификой» по своей сути была ревизионистской, поскольку, во-первых, означала признание возможности существования различных «национальных социализмов», одним из которых являлся китайский, то есть ставился под сомнение

¹ См.: Буров В. Современный китайский марксизм. К итогам XV11 съезда КПК //Свободная мысль. 2008. №2.

универсальный характер марксизма; во-вторых, в ее основе лежали цивилизационные, а не формационные характеристики. По оценке отечественного китаевода А. В. Виноградова, Дэн Сяопин «примирял марксистские символы легитимности КПК со свободой маневра, в том числе в отношении реформ»².

Несмотря на сохранившиеся идеологические шаблоны, КПК в своей практической деятельности далеко отошла от догматических представлений о социализме, бытовавших в СССР, странах Восточной Европы и самом Китае. Курс, проводимый ею в течение последних десятилетий можно свести к следующим положениям:

- отказ от общественной собственности на средства производства как единственной формы собственности;
- предоставление крестьянам земли в длительное пользование;
- наличие индивидуальных крестьянских хозяйств как преобладающей формы хозяйствования в деревне;
- признание возможности существования нетрудовых доходов, полученных законным путем;
- использование инструментов хозяйствования, характерных для капитализма (акции, биржи и т.п.);
- признание законным неравенства в доходах;
- наличие на территории страны смешанных (с участием иностранного капитала) и полностью иностранных предприятий;
- регулирование деятельности предприятий, банков, финансовых компаний по международным правилам (в связи с вступлением Китая в ВТО);
- расширение социального состава компартии за счет приема в нее частных предпринимателей и торговцев;
- признание законным существование частных промышленных предприятий в больших масштабах;
- привлечение иностранных инвестиций;
- создание специальных экономических зон с преференциями для промышленных предприятий (в том числе частных и иностранных);
- широкое использование иностранного опыта и специалистов;
- внедрение передового опыта в области науки и техники;
- «раскрепощение сознания», т.е. культивирование приоритетности практики над теорией.

Проводя политику, во многом напоминающую нэп, КПК ориентируется на построение «самобытного (своеобразного) китайского социализма». В партийных документах последних лет (нередко без упоминания К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина) обращается внимание на необходимость творческого подхода к марксистской теории, соединения ее с конкретными условиями Китая.

² Виноградов В.А. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Изд.2.. исправ и доп. М.: НОФМО. 2008. С.190.

Сущностным свойством «китайского социализма» объявлена «социальная гармония», предполагающая всестороннее, сбалансированное развитие общества с акцентом на экономике, демократическое управление на основе законов, обеспечение социальной справедливости, гарантий прав и свобод граждан.

Внимание акцентируется на решении таких задач, как создание «среднезажиточного общества», достижение «единства экономического эффекта с социальным», преодоление существенной имущественной дифференциации населения, формирование экологической культуры, усиление внимания к человеку как важнейшее условие модернизации, обеспечение мирного развития и гармонизации международных отношений, продвижение в мир достижений китайской культуры, создание позитивного цивилизационного образа Китая.

Главное содержание начавшегося этапа в развитии КНР составляет переход к инновационному развитию. Недостаточность научно-технического потенциала служит препятствием для качественных изменений в экономике, политике и глобальном позиционировании страны. В настоящее время высока степень зависимости экономики от ввозных технологий. Выпуск высокотехнологичной продукции осуществляется преимущественно путём отвёрточной сборки импортных компонентой. Самые передовые западные технологии остаются недоступными для Китая. Не разработаны механизмы стимулирования инновационной деятельности и внедрения её результатов в производство. Растёт потребность в эффективных технологиях, которые позволяли бы снизить нагрузку на окружающую среду, вызываемую массивной индустриализацией. Инновационный рывок рассматривается как важнейшее условие для приближения к уровню мировых лидеров по характеристикам внедрения научных достижений.

Курс на создание «гармонического общества» внутри Китая и «гармонического мира» за его пределами обосновывается ссылками на гуманистические ценности традиционной конфуцианской мысли, в которой издревле почитались «гармония» и приверженность «золотой середине». Интерес к использованию инструментария «мягкой силы» для усиления китайского влияния в мире подкрепляется формулой основоположника школы военного искусства Сунь-цзы (VI – начало V в. до н.э.) «лучшее из лучшего – покорить чужую армию не сражаясь»¹.

Можно утверждать, что модель модернизационного развития, избранная руководством КПК, в целом не соответствует общим принципам классического марксизма и его учению о социализме. Представляется неправомерным отождествление лидерами КПКФ

¹ Сунь-цзы. Искусство стратегии. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард. 2007. С.82.

китайского опыта реформ с марксистскими представлениями о социализме. По ряду параметров (прежде всего экономических) просматривается сходство этой модели с путем развития, пройденным Японией, Южной Кореей, Сингапуром и Тайванем.

В дальнейшем прогнозируется трансформация идеологии путём смещения акцента с «китайского социализма» к «конструктивному национализму». Во внутренних делах руководство страны будет обходить формационную тематику в её классическом марксистском толковании с переносом акцента на национальный вариант «мягкой силы» в качестве главной составляющей национальной мощи. В международном контексте ожидаема ставка на идеологию компромисса и глобализации при отсутствии стремления к распространению «китайского социализма». Китай в целом будет стремиться вписаться в глобально-рыночные процессы, претендуя на собственный стиль и темп демократических преобразований².

Для России китайский опыт реформирования значим главным образом своим прагматизмом, приоритетом практики по отношению к апробированным моделям общественного устройства, учетом особенностей собственной истории и культуры.

При всей грандиозности успехов и достижений Китая за годы реформ он остается перенаселенной бедной страной с гигантскими масштабами социального расслоения и безработицы, диспропорциями в развитии западных и восточных регионов, во многом неразвитой инфраструктурой, высоким уровнем загрязнения окружающей среды. Неясно, сможет ли существующая политическая система адаптироваться к росту социального плюрализма и появлению многочисленного среднего класса. Существует и вероятность внутренней дестабилизации страны, которая будет иметь глобальные последствия.

6.8 НЕОМАРКСИЗМ И ЕВРОКОММУНИЗМ

Неадекватность ряда ключевых положений и внутренняя противоречивость марксизма стимулировали попытки его модернизации. Одной из наиболее известных модификаций марксизма в XX веке был так называемый неомарксизм, организационно оформившийся в 30-х гг. на базе Франкфуртской школы социальных исследований.

Франкфуртская школа являлась центром притяжения приверженцев марксизма, критически относившихся к капитализму, но в то же время

² Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. Акад. Дынкина / ИМЭМО РАН. М. 2011, с. 379.

считавших, что идеологи ортодоксально левых партий выхолостили и вульгаризировали диалектический подход к его анализу. Основными методологическими принципами школы были приверженность марксистской диалектике, гуманизму и освобождению человека от всех форм эксплуатации; акцентирование значимости человеческого начала в социальных отношениях.

Ведущие представители неомарксизма Теодор Адорно (1903 – 1969) и Герберт Маркузе (1858 – 1979), спасаясь от гитлеровского режима, перебрались в США и поэтому считаются «немецко-американскими» философами. Они отвергали марксистские положения о классовой борьбе как способе установления диктатуры пролетариата и ленинскую идею «первенства политики над экономикой» и другими сферами общественной жизни. У К. Маркса и его предшественников наследовалось только одно – критическое отношение к буржуазному обществу, которое было перенесено на «поздний капитализм».

Новациями неомарксистов Франкфуртской школы стали два главных положения. Первое: движущей силой революции является не пролетариат, который обуржуазился и интегрировался в капитализм, а «аутсайдеры» - люмпены, безработные, преследуемые национальные и сексуальные меньшинства, радикальные слои студенчества и гуманитарной интеллигенции, нищее население «бедных» стран, противостоящее «богатым» странам. Второе положение: слабое звено буржуазного общества – не власть и государство, а система духовных ценностей – культурных, моральных, религиозных и определяемых ими семейно-брачных отношений. Единственное, что сближало старых и новых марксистов – это понимание морали: все, что способствует революции, - нравственно, что препятствует ей – аморально.

Уже в Соединенных Штатах представители Франкфуртской школы создали так называемую «критическую теорию», в которой подвергли уничтожающей критике главные элементы западной культуры – христианство, власть, семью, традиции, патриотизм, консерватизм, сексуальные ограничения и прочее. Объектом наиболее радикального отрицания явилась традиционная семья во главе с мужчиной-отцом. В ней усматривалось не просто неравенство полов, а политическое неравенство. Такая семья оценивалась как «авторитарная», представляющая собой «авторитарное государство в миниатюре», где «семейный империализм воспроизводит национальный империализм». Т. Адорно даже объявил патриархальную семью «колыбелью фашизма».

Альтернативу западной культуре неомарксисты видели в «сексуальной революции». Г. Маркузе в книге «Эрос и цивилизация» объявил «принцип получения удовольствия» главным принципом жизни. Эта идея была с энтузиазмом встречена в студенческих

кампусах Европы. Г. Маркузе стал «культовой фигурой» молодежи. Во время студенческих выступлений в Париже в 1968 году развевались знамена с надписью «Маркс, Мао, Маркузе». Хотя впоследствии Г. Маркузе отказался от наиболее нигилистических положений своей концепции, они оставили заметный след в общественном сознании Запада.

Вариантом неомарксизма были и идеи Антонио Грамши (1891 – 1937), одного из основателей Итальянской компартии. В ряде работ, особенно в основном труде «Тюремные тетради», написанном в заключении с 1929 по 1935 год, он развивал политико-философский аспект марксизма, расширяя рамки первоисточника и частично ревизуя его. Новаторской была мысль о том, что движущей силой истории является не развитие производительных сил, как утверждал К. Маркс, а конкуренция гегемоний и культурных моделей, причем не обязательно связанных с экономикой.

Одна из главных тем политической философии А. Грамши – теория гегемонии, которая использовалась для обоснования стратегии перехода к социализму. Смысл этой теории состоял в достижении рабочим классом экономического, политического и идейно-нравственного господства в обществе путем создания «исторического блока» с другими угнетаемыми классами и слоями, внедрения в массовое сознание новой культуры, ориентированной на социалистические ценности.

Важную роль в завоевании рабочим классом господствующих позиций в обществе А. Грамши отводил интеллигенции рабочего класса, по его выражению, «органической интеллигенции». Она должна не просто творить культуру, но и посредством культуры объединять нацию вокруг доминирующего класса, формировать коллективную волю нации. Ее миссию А. Грамши видел и в том, чтобы привлечь в «исторический блок» «традиционную интеллигенцию», доставшуюся от прошлой эпохи.

Согласно теории гегемонии интеллектуальным лидером нации («коллективным интеллигентом») должна стать марксистская партия как выразитель коренных интересов рабочего класса. Именно эта партия, согласно А. Грамши, обладает монополией на истину и подобна божеству (или церкви), которой следует подчиняться.

Оригинальна и разработанная А. Грамши концепция революции как способа достижения рабочим классом полной гегемонии. Он считал, что прямое столкновение со старым режимом и государством, как это было в России в 1917 году, малоэффективно. В условиях гегемонии буржуазии рабочему классу будет трудно взять власть в результате одной, пусть даже и хорошо подготовленной, атаки на капитал. Для овладения господствующими позициями необходима «маневренная война» в политическом обществе и «позиционная война» в структурах

гражданского общества, целенаправленная политико-воспитательная деятельность марксистской партии среди широких слоев населения. В послевоенные десятилетия неомарксизм, распространившийся в значительной степени под влиянием разочарования в опыте «реального социализма», внес заметный вклад в исследование международных отношений второй половины XX века. В работах неомарксистов ключевым элементом международной системы (согласно их терминологии, «мир-системы») выступают отношения собственности.

Наиболее известные представители этого направления И. Валлерстайн, А. Франк, С. Амин разрабатывают проблематику экономического неравенства и зависимости в современном мире, социальной дифференциации населения, прежде всего по оси «богатый Север – бедный Юг». Расслоение мирового сообщества на три части – процветающий центр («ядро»), архаичную периферию и полупериферию, по их мнению, служит главной причиной нестабильности в международных отношениях и источником потенциальных конфликтов. Преодоление этой системы неравенства зависит прежде всего от готовности и способности народов периферии консолидировать свои усилия для борьбы против монополий центра за социальную справедливость и перераспределение богатства. Основные идеи неомарксизма изложены в работе Иммануила Валлерстайна «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире», опубликованной в 2001 г. в России.

Согласно концепции И. Валлерстайна, Россия представляет собой полупериферийное государство, которое, несмотря на все попытки его реформирования, не сумело войти в состав ядра «мир-системы», но избежало участи периферийных стран, ставших колониальными придатками наиболее развитых государств. По его мнению, с геополитическим положением и военной мощью России не могут не считаться другие государства.

Будущее человечества видится И. Валлерстайну в мрачных тонах. Он прогнозирует возможность прямых нападений государств маргинализованного Юга на страны «богатого» Севера, захватнических войн между государствами Юга с применением ядерного оружия, нестабильность внутри ядра «мир-системы». Главной же угрозой ядру «мир-системы» И. Валлерстайн считает массовые миграции населения Юга на Север, которые приведут к разнообразным деструктивным последствиям.

Версиями неомарксизма являются *«теория зависимости»* (Р. Пребиш) и теория *«структурного неравенства»* (Й. Галтунг). Согласно первой из них благополучие экономически развитых стран

основано на эксплуатации ресурсов отсталых и неэквивалентном обмене между богатыми и бедными государствами. Теория «структурного неравенства» усматривает причины межнациональных конфликтов в неравноценном положении одних и тех же государств в различных типах международных структур (экономической, политической, военной и т.п.).

В целом неомарксизм отражал поиск марксистскими и марксистски ориентированными мыслителями «третьего пути», свободного как от буржуазности, отчуждения и манипуляций массовым сознанием, так и от тоталитаризма с присущими ему засильем бюрократии и государственной идеологии.

К неомарксизму близок еврокоммунизм – идейное течение, сформировавшееся в компартиях Западной Европы в 70-80-х гг. минувшего века. Свои истоки он усматривал в трудах А. Грамши и его преемника на посту руководителя ИКП – П. Тольятти, которому принадлежала идея полицентризма коммунистического движения, подразумевавшая признание самостоятельности каждой компартии и необходимости учета в ее деятельности местных национальных и региональных условий. Сочетание идей А. Грамши и П. Тольятти создало необходимую доктринальную базу для формулирования основ будущего еврокоммунизма.

Еврокоммунисты критиковали претензии КПСС на руководство коммунистическим движением и советскую модель социализма за недостаток политических свобод, предприняли попытку разработать новую стратегическую линию, которая отражала бы изменения в экономике и социальной сфере западноевропейского общества. Они стремились реформировать идейные и политические платформы компартий путем отказа от тезисов «классовой борьбы», «мировой революции», «диктатуры пролетариата», признания универсальной значимости демократии и исключительно мирных, парламентских методов борьбы за власть. Вместе с тем евро коммунизм декларировал свою приверженность марксизму (но не марксизму-ленинизму) и не идентифицировал себя с социал-демократией.

Основные тезисы еврокоммунизма состоят в следующем: 1) к социализму следует двигаться на основе демократии, многопартийности, парламентаризма и представительных институтов; на основе суверенитета народа, осуществляемого через всеобщее голосование; 2) должны быть обеспечены независимость профсоюзов от государства и партий, права человека, свобода вероисповедания, культурного и художественного творчества; 3) необходимо объединение всех прогрессивных сил (рабочих, крестьян, интеллигенции, студенчества, женщин, служителей церкви, представителей средних классов) во имя демократического и

социалистического обновления общества, для изоляции реакционных групп и противостояния «неспособности капитализма удовлетворить общие потребности развития общества» (Леггорнское заявление итальянской и испанской коммунистических партий, июль 1975 г.). 4) коммунистические партии должны демократизировать свои структуры и ввести внутривнутрипартийные дискуссии; 5) советская модель социалистических преобразований не универсальна; компартии должны в своей деятельности учитывать специфические национальные особенности своих стран; 6) особое значение компартии придают солидарности со странами третьего мира, борющимися против колониализма и за демократизацию международных отношений; 7) коммунисты ведут борьбу за ликвидацию оружия массового уничтожения, за невмешательство одних стран во внутренние дела других, за право на самоопределение для всех народов.

Еврокоммунистическое течение в мировом коммунистическом движении пользовалось значительным влиянием прежде всего в Итальянской, Испанской и некоторое время во Французской компартиях. Его наиболее известные деятели – руководители КПИ Сантьяго Каррильо (автор книги «Еврокоммунизм и государство») и ИКП Энрико Берлингуэр.

Еврокоммунизм проявился в готовности Итальянской компартии пойти на «исторический компромисс» с христианскими демократами на длительный период постепенного перехода к социализму, что, возможно, позволило бы ей войти в состав правительства; в принятии коммунистами Испании плана Монклоа. Стремясь воплотить в жизнь идеи «исторического компромисса», ИКП и КПИ исходили из необходимости расширения социальной базы партий путем распространения влияния (в их трактовке) на мелкобуржуазные слои населения, что вело к необратимым переменам в характере партий

Еврокоммунизм поддерживался также компартиями Нидерландов, Великобритании, Австрии, пользовался влиянием и вне Европы, в частности, в компартиях Японии и Австралии, левых партиях Венесуэлы и Мексики. На него как источник идей перестройки ссылался в своих мемуарах М. С. Горбачев. После исчезновения СССР еврокоммунизм потерял смысл.

Предпринятая в 90-е годы попытка создания в России Социальной партии трудящихся, основывавшейся на ценностях еврокоммунизма (ее председателями были Л. С. Вартазарова и Р. А. Медведев), не привела к появлению жизнеспособной партийной структуры. Это обстоятельство свидетельствует о том, что идеи еврокоммунизма в условиях России оказались практически неприменимыми и представляют главным образом академический интерес.

К началу 90-х гг. компартии Западной Европы, пытаясь занять свое место в мире, вынужденно трансформировались: многие из них преобразовались в демократические партии левого толка (например, Итальянская компартия), другие, оставшиеся коммунистическими, утратили значительную часть своего влияния.

6.9 МЕСТО МАРКСИЗМА В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы о месте марксизма в истории общественной мысли.

В условиях грандиозных сдвигов в самих основах существования человечества обнаружилась узость и ограниченность формационного подхода к истории. Более широкий взгляд на процессы, происходящие в мире, может обеспечить цивилизационный подход к общественному развитию, который свободен от абсолютизации роли материально-производственной сферы в жизни общества, открыт для изучения новых явлений.

К концу XX века выявилась неадекватность ключевых положений марксистской теории – об освободительной миссии рабочего класса, неизбежности революционного свержения буржуазии и установления диктатуры пролетариата. Эти положения марксизма отталкивались от реалий XIX века, а сам марксизм был идеологией традиционного рабочего класса – предшественника совокупного работника эпохи НТР.

В теории К. Маркса есть ряд тезисов, которые ни логически, ни исторически либо не доказаны, либо доказываются с помощью аргументации, которая сама нуждается в доказательствах. Например, тезисы о возможности преодоления частной собственности, денег, государства и политики как сферы деятельности, о всестороннем развитии личности (если такое вообще возможно и необходимо), прогноз о переходе к коммунизму и бесклассовому обществу.

К. Маркс смутно представлял себе, кому будут принадлежать фабрики, заводы, орудия материального производства, кто будет реально распоряжаться ими. В этих вопросах у него имеются суждения общего характера о совместном владении ими то ли со стороны всего общества, то ли со стороны трудовых коллективов («ассоциированных производителей»).

Противоречащими действительности оказались положения марксизма о прогрессе как движении к «прозрачности» и перманентном упрощении социальных связей. Суть исторического процесса состоит

как раз в противоположном – в развитии общественных отношений от простейших к все более сложным.

Классический марксизм недооценил мобилизационный потенциал национализма. Он исходил из безусловного примата классовой солидарности и определял мировоззрение, отвечающее интересам рабочего движения, как пролетарский интернационализм. Национализм рассматривался упрощенно и односторонне – как идеология, используемая господствующими классами для удержания власти и блокирования классовой солидарности.

По существу К. Марксом разрабатывалась теория не столько социализма как нового общественного строя, сколько капиталистического развития, с его точки зрения, ведущего к социализму. Социалистический идеал был в основном воспринят им от предшественников, но не получил дальнейшего развития и углубленной проработки.

Анализ К. Марксом и Ф. Энгельсом раннего капитализма был важным вкладом в развитие общественной мысли. Превращение марксистской теории в идеологию, направленную на насильственное переустройство мира, неизбежно догматизировало и деформировало ее.

Не лишено резона мнение тех исследователей, которые полагают, что экономические и социально-политические ошибки К. Маркса, рассматриваемые преимущественно в гносеологическом плане, то есть путём сопоставления с практикой, с действительностью, имеют глубоко скрытые корни в непоследовательном применении ряда научных методов, прежде всего восхождения от абстрактного к конкретному, системного, исторического, а также в разнообразных передержках. В этой связи высказывается мысль о необходимости анализа методологического арсенала марксизма¹.

В свете накопленного опыта некоторые идеи марксизма представляются перспективными и эвристически ценными. Это – прогнозы о преодолении в будущем порабощающего человека разделения труда, противоположности умственного и физического труда; о превращении труда из средства для жизни в первую жизненную потребность, а науки – в производительную силу общества; о свободном развитии каждого человека как условии свободного развития общества в целом.

Заслуживают внимания неоднократные высказывания К. Маркса о необходимости критического отношения к созданной им теории и постоянного ее переосмысления с учетом новых реалий. Такого рода высказывания не пользуются популярностью у ортодоксов коммунизма, отторгаются механизмом «закрытого сознания».

¹ См.: Асатрян М.В. Ключ к экономическим и социально-политическим ошибкам марксизма // Вопросы философии. 2009. №7.

Поздний Ф. Энгельс по существу признал, что категоричность формулировок К. Маркса о способе производства как детерминанте социальных, политических и духовных процессов жизни общества может быть истолкована в духе «экономического детерминизма», принижающего роль сознания и идей в общественном развитии¹. Скорректировав позицию К. Маркса, он дал такую интерпретацию взаимодействия надстройки и базиса: «Политическое, правовое, философское, религиозное, художественное и т.д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *причиной*, что *только* оно является *активным*, а все остальное – лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывает себе путь»².

Важнейшее значение для науки имеет разработанная К. Марксом методология исследования – материалистическая диалектика, предполагающая изучение взаимосвязи и взаимозависимости общественных явлений, следование принципам историзма и конкретности истины, рассмотрение практики как критерия истинности тех или иных теорий и концепций.

Таким образом, марксизм – закономерная ступень познания социальной действительности, порожденная определенными условиями и интересами. В теоретическом наследии К. Маркса можно обнаружить идеи, которые были ошибочными уже на момент их создания; идеи, которые отражали современные К. Марксу реалии и были ограничены историческим временем; наконец, идеи, которые сохраняют свою силу поныне и будут актуальны в будущем. Практическое воплощение ряда марксистских идей вело к чудовищным социальным последствиям, неисчислимым жертвам и страданиям

В целом, несмотря на упрощенность экономикоцентричного видения исторического процесса, утопичность ряда положений марксизм является одной из наиболее фундаментальных идейных систем. Вклад К. Маркса в науку об обществе отмечался таким выдающимся мыслителем, как М. Вебер, известными учеными Р. Миллсом, Дж. Гэлбрейтом и др. Многие западные интеллектуалы считают его великим философом, социологом и экономистом, к мыслям которого следует обращаться и сегодня.

¹ В письмах 90-х годов Ф. Энгельс следующим образом разъяснил позицию марксизма: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.539).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.555.

6.10 СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КОММУНИЗМ

В советской практике марксизм как партийно-государственная идеология представлял собой своеобразную неорелигию, будто бы содержащую ответы на все вопросы бытия и способную прогнозировать будущее. Однако в последние десятилетия существования СССР, когда все более давали о себе знать несоответствие ряда положений марксизма внутренним и международным реалиям, ошибочность прогнозов и оценок, констатировалась необходимость его адаптации к изменяющимся условиям, творческого применения марксистской методологии анализа экономических и политических процессов. Прогрессивные по тому времени исследователи, не отказываясь от марксизма как выдающейся научной ценности, высказывали мысль о том, что он не является единственно надежным инструментом познания и изменения общества.

К марксизму как средству идеологической легитимации власти партийно-государственной номенклатуры апеллировали все руководители СССР: И. В. Сталин и Н. С. Хрушев – постоянно, Л. И. Брежнев – реже, Ю. В. Андропов – отчасти, М. С. Горбачев – активно. На протяжении советской истории они неоднократно корректировали свои идеологические представления, ссылаясь на те или иные положения марксизма в зависимости от личных предпочтений, соображений целесообразности и объективных обстоятельств. Во второй половине 80-х гг. М. С. Горбачев предпринял попытку модернизировать советскую социалистическую идеологию с помощью революционных для КПСС идей нового политического мышления, демократизации, использования рыночных методов в стагнирующей экономике, обосновывавшихся ссылками на воззрения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Вопрос о роли идеологии в функционировании советской системы остается малоисследованным и нуждается в углубленном анализе.

В перестроечный и постсоветский период на смену бездумному и безоговорочному почитанию марксизма вошла в моду его огульная критика. К. Маркс и созданное им учение объявлялись едва ли не первопричиной всех бед, обрушившихся на страну в XX столетии. Тем самым снимается вопрос о личной и коллективной ответственности за недавнее прошлое, за изъязвы и пороки существовавшей общественной системы.

Представляется, что обе крайности в оценке марксизма – возвеличение, попытки искать у К. Маркса аргументы для апологии советского строя, равно как и оголтелый антимарксизм, – суть крайности, проявления нецивилизованного подхода к одному из наиболее влиятельных учений минувших столетий. Не лишне

отметить, что сам К. Маркс, по свидетельству Ф. Энгельса. Протестуя против превращения себя во всезнающего пророка, утверждал, что он – «не марксист».

В настоящее время коммунизм как идеология и политическая практика переживает кризис: ряд компартий Западной Европы ищут новые идейные принципы и наименования, многие компартии на территории СНГ и Восточной Европы прекратили существование или преобразовались в другие партии, резко сократилась численность коммунистов и оказываемая им поддержка со стороны избирателей. Компартии являются правящими лишь в Китае, КНДР и на Кубе.

В России исповедование коммунизма в ортодоксально-большевистском (даже сталинском) варианте характерно для малочисленных и маргинальных коммунистических партий. Компартия, пользующаяся наибольшей поддержкой, - КПРФ в своей программе эклектически соединяет элементы марксизма и ленинизма со сталинизмом, национализмом, православием, «русской идеей», евразийством. Признание уникальности исторического пути России, якобы изначально ориентированного на социализм, приводит к отрицанию сформулированных К. Марксом закономерностей социального развития, что по существу является националистической ревизией марксизма.

Системообразующая идея идеологии КПРФ – «державничество» радикально отличает российских коммунистов как от их революционных предшественников – большевиков, так и западных социал-демократов. Сегодняшние коммунисты лишь частично могут быть отнесены к «левым», ориентированным на общественную собственность, равенство и социальную справедливость.

Апология державничества и возвеличение роли И.В. Сталина в отечественной истории занимают видное место в публикациях лидера российских коммунистов Г. А. Зюганова. Панегириком покойному Вождю служит книга «Сталин и современность», выход которой приурочен к 130-й годовщине со дня рождения Вождя.

В трактовке Г. А. Зюганова И. В. Сталин – «выдающийся человек и политический деятель»¹, «соратник Ленина», непримиримый борец с «левым» и «правым» «уклонами»², «строитель державы»³, «организатор Великой Победы»⁴, автор «огромного теоретического наследия», актуального в наши дни⁵. В подтверждение непреходящего значения сталинского наследия приводятся выдержки из трудов Сталина, применимые практически к любой стране и эпохе¹.

¹ См.: Зюганов Г.А. Сталин и современность. М.: Молодая гвардия. 2009. С.284.

² Там же. С.37-93.

³ Там же. С.161-197.

⁴ Там же. С.198-239.

⁵ Там же. С.98.

¹ Там же. С.94-160.

Неоспоримо всемирно-историческое значение ускоренной трансформации России в индустриальную державу и разгрома фашизма, ставших возможными прежде всего благодаря энтузиазму и массовому героизму советских граждан. Однако в книге Г. А. Зюганова о И.В Сталине не нашлось места таким аспектам политики тоталитарного государства, как массовые репрессии, цена социалистической индустриализации и Великой Победы. Невосполнимые потери, нанесенные стране сталинским режимом, лишили страну значительной части человеческого капитала и привели к долгосрочным негативным последствиям, дающим о себе знать и поныне. Замалчивание этой темы лидером партии, коммунистической скорее по названию, чем по содержанию и стилю политической деятельности, является очевидным отходом от линии XX – XXII партсъездов КПСС и даже от программных документов самой КПРФ, в которых признаются «перегибы» эпохи «культы личности».

Концепция и содержание зюгановского труда - наглядное свидетельство того, что руководство КПРФ, декларируя свою приверженность ленинизму и демонстрируя почтение к ленинской символике, ориентировано на практику тоталитарного государства, сформировавшегося при И. В. Сталине. В идеях и способах государственного управления, почерпнутых из этой практики, видится магистральное направление решения качественно иных задач, стоящих перед Россией в начале XXI века.

Зюгановский панегирик И. В. Сталину, видимо, следует рассматривать не только как выражение идеологической позиции руководства КПРФ, далекой от марксизма и позднего ленинизма, но и шире – с учетом набирающей силу «моды» на левые доктрины и лозунги национализации, госрегулирования, автаркии, вызванной недовольством населения результатами либеральных реформ 90-х гг. Еще до глобального экономического кризиса звучали оценки социалистической индустриализации как «успешного бизнес-проекта», а И. В. Сталина – как «эффективного менеджера». Отсюда стремление руководства КПРФ «застолбить» за собой кажущийся перспективным пропагандистский ресурс.

По своим идейным установкам КПРФ смыкается с современным отечественным консерватизмом. Среди коммунистов немало людей с антидемократическими, имперскими и националистическими настроениями, ностальгирующих по временам сталинизма и «развитого социализма». Объяснение крупнейшей геополитической катастрофы – распада СССР они ищут исключительно или прежде всего в «происках» внешних сил, проявляя неспособность анализировать ее внутренние причины и извлекать уроки.

Честное и объективное изучение истоков и первопричин гибели СССР подменяется примитивной апологией советского общественного строя, апеллирующей к его бесспорным достижениям и руганью в адрес «антинародного» капитализма, пришедшего на смену «народовластию» и «социальной справедливости».

Курс КПРФ на синтез марксизма, ленинизма и «русской идеи» вызревал еще в недрах «русской партии» в КПСС и был основным содержанием коммунистического «неославянофильства» 1970-1980-х годов. Возможность такого синтеза обусловлена наличием точек соприкосновения между социалистическим и консервативным мировоззрениями. Как отмечал К. Мангейм, «пролетарская мысль во многих пунктах родственна мысли консервативной и реакционной, поскольку, исходя из совершенно отличных основных целей, оказывается вместе с консервативной мыслью в оппозиции к целям капиталистического мира буржуазии и абстрактности ее мышления»¹. Еще в XIX веке для отечественных социалистов и консерваторов были характерны идеализация общинных форм социальной жизни, неприятие либерально-буржуазной цивилизации, вера в мессианскую роль русского народа. Историческое призвание России виделось однако по-разному: через утверждение в мире религиозно-нравственных ценностей (славянофилы), путем преобразующего воздействия грядущей русской революции (А. И. Герцен, М. А. Бакунин и др.).

Наряду с ориентацией на возврат к традиционным ценностям идеологи КПРФ активно разрабатывают проблемы многообразия форм собственности, политического плюрализма, социального партнерства (особенно с представителями национально ориентированного капитала) и т.д. В ряде публикаций обосновывается необходимость перехода от нынешней модели глобализации, сформированной транснациональными корпорациями, к альтернативной, которая отвечала бы интересам большей части населения планеты и основывалась на справедливых и гуманных началах. Хотя нет оснований утверждать о переходе КПРФ на идейно-политическую платформу социал-демократии, проявляется стремление учитывать современные реалии и тенденции мирового развития.

В настоящее время КПРФ фактически стала частью российского политического истеблишмента. Действуя в стиле «конструктивной оппозиции», она стремится к консервации существующей ситуации с закреплением за собой места одной из ведущих политических сил страны. Сохраняющаяся в обществе память о неудаче советской модели развития лишает некоммунистическое движение политической перспективы. Этот тип коммунизма, отмечает

¹ Мангейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994. С.590.

Зб. Бжезинский, остался в сознании людей «прежде всего, как самое необычное политическое и интеллектуальное заблуждение XX века»². Электорат партий левого толка – преимущественно пожилые, малообразованные люди, уязвимые в условиях рыночной экономики. В психологическом плане для него характерны уравнилельно-распределительная ментальность, приверженность конфронтационной политической культуре, ожидания патернализма со стороны власти. Стабильность электоральной базы российского коммунистического движения свидетельствует о глубокой укоренённости в сознании значительной части граждан консервативной культурной традиции, являющейся тормозом для модернизации страны и ее перехода к постиндустриальному (информационному) обществу.

Представляется вполне обоснованной следующая оценка отечественными исследователями роли КПРФ и ее идеологии в российском политическом процессе: «Можно сказать, КПРФ является классической *референтной* партией, максимально отражающей психологию своих сторонников и действующей исходя из этой психологии. Ничего похожего на «авангард, руководящий рабочим классом и вносящий передовую идеологию в его сознание», со стороны нынешних коммунистов не наблюдается. Скорее справедлива обратная картина: КПРФ идеологически оформляет стереотипы массового сознания избирателей»¹.

Для современной российской политики и для мира в целом весьма актуальна главная идея книги видного деятеля итальянского социалистического движения Карло Росселли «Либеральный социализм», написанной еще в конце 1920-х гг., - либерализм и социализм не противостоят друг другу, они союзники, несмотря на парадигмальные различия. Согласно К. Росселли, в результате эволюции позиции обеих идеологий, первоначально антагонистические, постепенно сближаются: либерализм все больше включается в общественные проблемы, а социализм избавляется от утопизма и становится восприимчивым к проблемам свободы и самостоятельности. «Эти возвышенные, но односторонние видения мира движутся по пути взаимопроникновения и взаимодополнения», - полагает К. Росселли².

Предполагаемый автором книги органический синтез социализма и либерализма, видимо, неосуществим ввиду парадигмальной несовместимости этих идеологий. Реальным может стать их взаимодействие, способное гармонизировать российский социум. Необходимость заново осмыслить взаимоотношения либерализма и социализма вызвана, с одной стороны, неэффективностью «развитого

² Бжезинский З. Большой Провал. Рождение и смерть коммунизма в XX веке. Нью-Йорк. Либерти Пабл. 1989. С.129.

¹ Малкин Е., Сучков Е., Хомяков В. Беспартийная Россия //Свободная мысль. 2009. №2. С.25.

² Росселли К. Либеральный социализм. Roma: Mondo Operaio. 1989. С.17-18.

социализма и соответствующей ему номенклатурно-бюрократической идеологии, и с другой – дискредитацией либерализма в том виде, в котором он проявил себя в политической жизни России последних десятилетий, став синонимом не свободы, а социальной незащищенности и сужения жизненных возможностей. Идеи социального либерализма и либерального социализма представляются весьма продуктивными для решения проблем модернизации страны.

ГЛАВА 7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

В течение более чем столетия одной из наиболее эффективных и жизнеспособных идеологий является социал-демократизм, оказавший мощное воздействие на формирование облика западного общества. Он зародился в последней трети XIX столетия внутри марксизма, но с течением времени обрел центристскую ориентацию.

Неортодоксальность и пластичность положений позволили социал-демократической идеологии трансформироваться в соответствии с происходившими в мире переменами и интегрировать многие достижения политической мысли разных направлений (в том числе марксизма и либерализма).

В настоящее время идеология социал-демократии выражает интересы широких слоев западного общества – рабочих, интеллигенции предпринимателей. Это обстоятельство во многом объясняет интерес к ней во всем мире, включая Россию, где формируются партии социал-демократической ориентации. Знание основных принципов и эволюции социал-демократической идеологии является важным фактором подготовки высококвалифицированных специалистов.

7.1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

Политическая идеология социал-демократии – продукт длительной эволюции. Кроме марксизма существенную роль в ее возникновении сыграли и другие концепции социализма XIX – начала XX веков, прежде всего кооперативный социализм, гильдейский социализм, фабианский социализм, государственный социализм, христианский социализм и катедер-социализм¹. Рассмотрим основные идеи этих концепций.

Кооперативный социализм своими корнями восходит к коммунистическим утопиям рубежа XVIII-XIX веков. Кооперативное движение зародилось прежде всего в Англии и в значительной степени являлось реакцией беднейших слоев населения на эксплуатацию со стороны крупного торгового капитала.

Поэтому первоначально внимание теоретиков кооперативного социализма было направлено исключительно на сферу потребления.

¹ Теоретические традиции в левом спектре английского общества исследованы в работах Л.А.Галкиной «Фабианский социализм: история и современное толкование» (М.: ИНИОН, 1981); «Гильдейский социализм: история и современное толкование» (М.: ИНИОН, 1985); «Идейно-политические взгляды Э.Бэнна» (М.: ИНИОН, 1986).

Они считали, что основой создания кооперативных обществ и предприятий является общность членов кооператива как потребителей. Эта общность интересов и должна в конечном счете привести к содружеству широких слоев населения не только в сфере обмена, но и производства.

Основоположителем кооперативного социализма был английский экономист Уильям Кинг (1786 – 1865), который увидел в возникающих кооперативных обществах и предприятиях средство изменения общества. У. Кинг и его единомышленники считали, что на смену капитализму с его классовыми антагонизмами должно прийти общество, основывающееся на гармонии интересов и сотрудничестве трудящихся. По их мнению, социальная справедливость может быть достигнута благодаря развитию кооперативного движения и постепенному превращению собственности его участников в преобладающую. В результате исчезнут наемный труд и капиталистическая эксплуатация, а кооператоры будут работать на себя.

У. Кинг ориентировался прежде всего на английский рабочий класс. Он полагал, что сами рабочие создадут кооперативные общества, которые затем смогут накопить необходимый капитал для приобретения средств производства. Исходным пунктом образования общественных фондов, по мнению В. Кинга, могли стать кооперативные лавки, где члены кооперативов приобретали бы себе предметы потребления. В. Кинг и другие теоретики кооперативного социализма считали, что их цели достижимы без политической борьбы, в процессе постепенной эволюции существующих общественных отношений.

Идеи кооперативного социализма имели немало сторонников и в других странах, особенно во Франции. Именно в этой стране еще под влиянием идей социалистов-утопистов начала XIX века А. Сен-Симона и Ш. Фурье развивалась производственная кооперация.

Наиболее известным французским теоретиком кооперативного социализма был Луи Блан (1811 - 1882), предлагавший преобразовать капиталистический строй в социалистический с помощью производственных мастерских. Он считал, что по мере накопления капитала мастерские станут преобладающими во всех отраслях производства, между ними установятся отношения солидарности и сотрудничества. В конечном счете вся промышленность станет кооперативной и появится возможность преодолеть безработицу.

К. Маркс и Ф. Энгельс с их акцентом на революционном преобразовании общества оценивали планы теоретиков кооперации как утопические и фантастические. Однако кооперативное движение дало ощутимые практические результаты и сегодня остается важным фактором экономической жизни многих стран мира.

В межвоенный и послевоенный периоды идеи кооперативного социализма развивались в Бельгийской социалистической партии, Лейбористской партии Великобритании, Партии труда Израиля.

В Англии зародилось и другое, близкое к кооперативному социализму, течение социалистической мысли – *гильдейский социализм*. Он возник в первой половине 20-х годов XX века в недрах организованного рабочего движения. Наиболее крупным теоретиком гильдейского социализма является Дж. Коул.

Теоретическими источниками гильдейского социализма были различные социалистические концепции, включая марксизм. Но в политическом плане сторонники гильдейского социализма были противниками марксистского направления в рабочем движении.

Само название «гильдейский социализм» свидетельствует о том, что свой общественный идеал создатели этой социалистической теории видели в средневековых гильдиях, объединявших ремесленников-производителей. По их мнению, гильдии способны контролировать и регулировать производство, вернуть трудящимся возможность участвовать в управлении производством, преодолеть их отчуждение от труда и его результатов. Предполагалось, что деятельность гильдий будет строиться на демократических основах (выборность снизу доверху всех функционеров, осуществление общественного контроля за их деятельностью).

Гильдейский социализм изначально был неоднородным течением. Некоторые его идеологи были склонны немедленно отказаться от крупной промышленности в пользу возврата к простому ремесленному производству как наиболее подходящему для гильдейской организации. Большинство же сторонников этой теории считали крупное машинное производство данностью, но полагало, что благодаря утверждению гильдейского социализма машины будут постепенно изъяты как не обеспечивающие индивидуальные потребности людей и произойдет возврат к ремесленному производству.

Гильдейская организация общества предусматривала его условное разделение на две большие группы – производителей и потребителей. Верховным органом всех производителей должен стать Национальный совет гильдий, а интересы граждан должно представлять государство. Последнее рассматривалось приверженцами гильдейского социализма как номинальный владелец средств производства, поскольку реальные экономические права будут переданы гильдиям.

Предполагалось, что в случае возникновения конфликта между гильдиями и обществом миссию посредника в целом возьмет на себя государство, которое через суд, опираясь на общественное мнение, будет стремиться к решению проблемы. Предполагался и особый

орган для разрешения наиболее острых ситуаций, в котором должны быть представлены как производители, так и потребители.

Ранний гильдейский социализм выступал за постепенную национализацию средств производства, которая не вызвала бы экономического хаоса. Решающая роль в трансформации капиталистических отношений отводилась профсоюзам (в Англии – тред-юнионам). Сторонники гильдейского социализма считали, что через привлечение в профсоюзы наиболее способных и активных рабочих к управлению производством можно оттеснить капиталистов от хозяйственного управления и вынудить их самих отказаться от прав на собственность. При этом предусматривалась полная компенсация стоимости предприятий их бывшим владельцам, которая могла быть осуществлена как через участие в прибылях, так и в форме единовременной выплаты.

Теоретики гильдейского социализма свою главную задачу видели не только в защите материальных интересов рабочего класса, а шире – в преодолении бесправия человека на капиталистическом предприятии, его отчуждения от процесса и результатов труда. Этого, по их мнению, можно было бы добиться путем ликвидации статуса наемности труда, превращения рабочих в хозяев производства, участвующих в управлении предприятиями. Преобразование капитализма мыслилось через создание системы промышленной демократии на производстве и самоуправления во всех сферах жизни общества.

Положения гильдейского социализма об «экономической демократии», «рабочем контроле», «самоуправленческом социализме» стали элементами социал-демократической идеологии. Некоторые идеи гильдейского социализма могут быть использованы и при решении проблем модернизации российского общества.

Особое место в становлении социал-демократической теории и практики занимал *фабианский социализм*. Это – комплекс концепций, разработанных социалистически настроенной интеллигенцией Великобритании, основавшей в январе 1884 г. Фабианское общество. Свое название оно получило от имени древнеримского полководца Фабия Максима, известного своей медлительностью и уклонением от решительных боев в войне с Ганнибалом.

Среди учредителей и членов Фабианского общества были драматург Бернард Шоу, писатель-фантаст Герберт Уэллс, супруги Сидней и Беатрисса Вебб. Общество приняло активное участие в создании Лейбористской партии Великобритании.

Фабианцы выступали за постепенную замену капиталистического общества социалистическим путем реформ в сфере распределения и обмена. Важнейшим инструментом этих реформ они считали

государство, которое, по их мнению, должно выражать интересы беднейших слоев и активно вторгаться в экономические процессы с целью сглаживания имущественного неравенства, ликвидации или хотя бы сокращения безработицы. Подобные меры рассматривались ими как социалистические.

Прообраз будущей коллективистской организации фабианцы видели в потребительской кооперации. Во взглядах членов Фабианского общества впервые обозначились такие основные идеи муниципального социализма, как развитие социальной сферы в городах, обобществление коммунального хозяйства, расширение прав местного самоуправления.

Фабианцы выступали за изменение форм функционирования частной собственности путем создания акционерных обществ и частичной национализации. Предполагалось, что благодаря этим мерам частная собственность трансформируется в социалистическую.

Еще на рубеже XIX-XX веков фабианцами была обоснована необходимость вмешательства государства в отношения между трудом и капиталом, регулирования уровня зарплаты, выделения кредитов фермерам. Они предлагали поставить под государственный контроль монополии, транспорт, инфраструктуру в целом.

Фабианское общество существует и сегодня, оказывая влияние на формирование идеологии и политики Лейбористской партии Великобритании, у истоков которой стояло и коллективным членом которого является.

Создателем концепции *«государственного социализма»* был прусский экономист Карл Робертус (1805 – 1875). Он не пользовался этим термином, но уповал на «идеальное государство» как главное средство социальных преобразований. По его мнению, используя «государственные законы», следует постепенно отобрать у имущих классов собственность на землю и капитал и передать ее в руки государства. Государство должно взять на себя функцию регулирования экономики, заменить законы буржуазного общества «свободными, нравственными и жизненными законами».

Сходной позиции придерживался один из предшественников социал-демократии Фердинанд Лассаль. В отличие от К. Робертуса, который после 1848 г. не участвовал в политической жизни, Ф. Лассаль был тесно связан с немецким рабочим движением и внес реальный вклад в его организацию.

Основным элементом социально-экономических воззрений Ф. Лассаля была идея «неурезанного трудового дохода». Он полагал, что распространение при помощи государства кооперативных принципов организации производства могло бы привести к созданию ассоциаций, которые открыли бы путь к социализму. Новый

общественный строй, согласно Ф. Лассалю, и должен был обеспечить «неурезанный трудовой доход».

Особое место в лассальянских планах социального переустройства отводилось «государственной помощи». Согласно его представлениям, идеальное «государство будущего» должно обеспечить расцвет человеческих качеств и обеспечить прогрессивное развитие народов. Путь к такому государству виделся во введении всеобщего избирательного права, обеспечении рабочего большинства в парламенте, которое превратило бы государство в «большую ассоциацию бедных классов».

Определенный вклад в формирование идейно-теоретических основ социал-демократии внесли *катедер-социализм* и *христианский социализм*.

Название катедер-социализм произошло от немецкой транскрипции слова «кафедра», так как большинство представителей этого направления были преподавателями высшей школы. Катедер-социалисты считали, что существующие социальные антагонизмы могут привести к революции и опасались ее разрушительных последствий. Поэтому они выступали за государственное вмешательство в экономику, установление патерналистских отношений между капиталистами и рабочими, внесение «нравственности» в экономические отношения между этими классами. По их мнению, социальный вопрос можно было бы решить с помощью реформ, повышения зарплаты, упорядочения налогов.

Катедер-социалисты оказали сильное влияние на эволюцию германской социал-демократии в ее отходе от марксизма. Их взгляды вполне могут рассматриваться как один из источников современной концепции демократического социализма.

Распространение идей социализма в XIX веке отразилось и на позиции церкви, в лоне которой в первой половине XIX века сформировался христианский социализм. Это течение стремилось доказать возможность совмещения идей христианства и социализма, апеллируя к евангельским текстам.

Христианский социализм проповедовал классовый мир на основе любви к ближнему, призывал к преобразованию общества путем нравственного совершенствования. Он поставил в центр своей доктрины не экономические и политические, а морально-этические проблемы, оказав тем самым существенное влияние на формирование идейно-теоретических основ социал-демократии.

Все вышеизложенное дает основание для вывода о том, что к рубежу XIX и XX веков сложился мощный пласт социалистических идей, которые способствовали появлению политической идеологии социал-демократизма.

7.2 ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛ-РЕФОРМИЗМА

В конце XIX века в социал-демократии наметилась тенденция к отходу от ряда положений ортодоксального марксизма из-за их нежизненности и абстрактности. Теоретические основы реформизма были заложены в работе Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899). Он был первым, кто пришел к реформаторским взглядам, считая себя марксистом.

В отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса, которые анализировали процессы разрушения буржуазного общества и созревания предпосылок революций, Э. Бернштейн (1850 – 1932) обратил внимание на новые тенденции в развитии капитализма - рост производства и качества рабочей силы; появление у работников потребности в большей свободе и самостоятельности; повышение уровня жизни пролетариата и его интеграцию в буржуазное общество; рост удельного веса средних слоев. Исходя из этих тенденций, он обосновал тезис о способности капитализма к саморазвитию и на этой основе осуществил ревизию классического марксизма.

Э. Бернштейн подверг критике вывод К. Маркса об относительном и абсолютном обнищании пролетариата как следствии обострения противоречия между развитием производительных сил и устареванием производственных отношений. Он считал, что в марксовой теории прибавочной стоимости абсолютизируется значение производственной сферы в ущерб распределительным отношениям, а в создании прибавочной стоимости преувеличивается значение живого труда по сравнению с трудом накопленным. По мнению Э. Бернштейна, в условиях роста общественного богатства и благосостояния распределительные отношения превалируют над производственными.

Э. Бернштейн выразил несогласие с тезисом К. Маркса о растущей концентрации производства как определяющей тенденции в экономике. Он отмечал, что степень концентрации производства в различных отраслях неодинакова, а в условиях рынка все формы предприятий жизнеспособны, поскольку существует потребность в различных видах хозяйствования. Многообразие форм собственности и видов экономической деятельности обуславливают чрезвычайно высокую степень социальной дифференцированности буржуазного общества, возникновение новых социальных групп и многочисленного среднего класса как основы стабильности.

Следовательно, по мнению Э. Бернштейна, интегрированное буржуазное общество может быть преобразовано в социалистическое эволюционным путем, на основе демократии, солидарности и самоопределения, без революций и вооруженной борьбы, лишь

нарушающих процесс естественного развития. В вопросе о собственности он исходил из необходимости обобществления лишь крупных предприятий при сохранении мелких и средних в частных руках, распространения акций как средства совладения собственностью для широких слоев населения.

Э. Бернштейн выступил против некоей целостной модели социализма, обрисованной К. Марксом в «Критике Готской программы». Социализм представлялся ему как идеал справедливого общественного устройства и как процесс постоянного роста благосостояния и свободы индивидов, связанный с ограничением эксплуатации наемных работников, расширением контроля общества над производством и государством. Этот процесс будет продолжаться бесконечно в соответствии с формулой «движение – это все, конечная цель – ничто».

Исходной формой социалистических общественных отношений Э. Бернштейн считал кооперацию. Классовая борьба при капитализме им не отрицалась, однако предполагалось, что по мере распространения демократии она приобретет исключительно мирные формы. Взаимоотношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми, согласно Э. Бернштейну, должны формироваться на основе компромиссов. Приход рабочего класса к власти мыслился по мере роста его численности в капиталистическом обществе.

Такое понимание социализма означало отказ от выводов классического марксизма о классовой борьбе как движущей силе развития общества, о революции как способе устранения господства буржуазии, о пролетариате как авангарде общественных преобразований и о диктатуре пролетариата как новой форме власти трудящихся. Вместо них были выдвинуты положения о реформе как единственно возможном и целесообразном способе преобразования западного общества и демократии как основе социального переустройства.

Взгляды Э. Бернштейна встретили неприятие со стороны главных теоретиков 11 Интернационала К. Каутского и Г. В. Плеханова, но особенно резкой критике их подвергла Роза Люксембург. В брошюре «Реформа или революция» она утверждала, что выводы Э. Бернштейна о перспективах развития капитализма основываются на отдельных фактах. На самом же деле новые явления в мировой экономике подготавливают условия для еще более масштабных и разрушительных кризисов капитализма и в конечном счете его краха. Реформистскую деятельность социал-демократов Р. Люксембург оценивала негативно, полагая, что такая деятельность воспитывает у рабочих корпоративные настроения и не является социалистической. Многие десятилетия теоретическая деятельность Э. Бернштейна расценивалась как «ревизионистская», и его «реабилитация»

состоялась только в Годесбергской программе, принятой германскими социал-демократами в 1959 г. Именно в этой программе они признали реалии рыночной экономики и отказались от понимания социализма как некоей модели, основывающейся на обобществлении средств производства.

В основу позднейших разработок социал-демократии легли также идеи К. Каутского после его разрыва с марксизмом. Для него характерно отрицание возможности революционных перемен в странах западной Европы, предпочтение парламентской демократии, акцентирование роли массовых выступлений трудящихся.

В 20-х годах К. Каутский солидаризировался с разработанной видным деятелем германской социал-демократии Р. Гильфердингом теорией «организованного капитализма», мирно врастающего в социализм. Согласно этой теории, в результате преодоления анархии производства смягчаются экономические кризисы, становится более устойчивым положение наемных работников. Переход частной собственности под контроль рабочего класса и профсоюзов, управление ею методами «хозяйственной демократии» (т.е. с участием трудящихся в управлении производством) ликвидируют саму основу для революций и приведут к трансформации капиталистического общества в «демократический социализм». Политической формой перехода к социализму явится коалиция рабочих и буржуазных партий.

В опубликованной в 1930 г. работе «Большевизм в тупике» К. Каутский критиковал теоретическую деятельность В. И. Ленина за упрощенческий и облегченный подход к стоявшим перед страной грандиозным проблемам. Анализируя процессы, происходившие в СССР, он высказал суждения и оценки, которые предвещали сформулированные впоследствии политической наукой отличительные признаки тоталитарных режимов. Он был одним из первых теоретиков, обнаруживших сходство между большевизмом и фашизмом, и предвещал провал большевистского эксперимента.

После краха II Интернационала в годы Первой мировой войны произошло размежевание двух потоков международного социалистического движения – коммунистов и социал-демократов. Первые взяли курс на революционный переход к социализму, вторые – на эволюционное преобразование общества.

Большинство лидеров социал-демократических партий выступило с критикой идеи мировой социалистической революции и политики большевиков. В связи с этим В. И. Ленин назвал их «прямыми классовыми врагами пролетариата»¹.

С замедлением революционного процесса коммунисты назвали социал-демократию «главной опорой капитализма в промышленно

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.38. С.108.

развитых... странах»² и выступили за ее полное изгнание из рабочего движения.

Под давлением И. В. Сталина десятый Пленум Коминтерна в июне 1929г. назвал все социал-демократические партии «социал-фашизмом» и объявил их главным врагом коммунистических партий. Лидеры социал-демократии не оставались в долгу и нередко заявляли о тождестве фашизма и большевизма, призывали к либерализации СССР.

Определенный пересмотр отношения к социал-демократии произошел в 1935 г. на VII Конгрессе Коминтерна, взявшего курс на создание единого антифашистского фронта. Однако после осуждения социал-демократией советско-германского пакта 23 августа 1939 г. Коминтерн вновь потребовал решительной борьбы против социал-демократии.

Отношения между коммунистами и социал-демократами носили достаточно конфликтный характер вплоть до XXVII съезда КПСС, взявшего курс на перестройку.

Социал-демократы задолго до коммунистических партий осознали, что капитализм обладает большими ресурсами выживания и приспособляемости, способен удовлетворить широкий круг потребностей людей, причем не только первичных, но и потребностей более высокого порядка. Они давно призывали коммунистов отказаться от иллюзий о загнивании и скорой гибели капитализма, о замене его социализмом советского образца.

Социал-демократия фиксировала следующие изменения при капитализме: расширение регулирующей функции государства во всех сферах общественной жизни, особенно в экономике; возрастание роли наемных работников в управлении производством; развитие процессов обобществления и социализации в основных сферах общественной жизни; существенный подъем жизненного уровня населения.

Западноевропейские социал-демократы расстались с марксистской догматикой, с идеями обобществления и планирования, признали рыночную экономику и частнопредпринимательскую инициативу в качестве вполне релевантных средств реализации основных социал-демократических ценностей – свободы, справедливости и солидарности. Из партий традиционного рабочего класса они трансформировались в народные партии, «партии для всех», претендующие на представительство интересов быстрорастущих новых средних слоёв – высококвалифицированных наемных работников, мелких и средних предпринимателей, служащих, менеджеров, представителей свободных профессий, менеджеров, врачей, педагогов и др.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. С.38.

7.3 ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА» И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ

Новации Э. Бернштейна и К. Каутского во многом определили содержание идейно-политической доктрины социал-демократии – концепции «демократического социализма». Эта концепция сформулирована в декларации учредительного конгресса Социалистического интернационала, состоявшегося в 1951 г. во Франкфурте-на-Майне. Известная модернизация концепции была предпринята в программных документах социал-демократии 70-80-х гг., в частности в «Декларации принципов» (1989 г.).

Термин «демократический социализм» впервые был использован в 1888 г. известным английским драматургом Бернардом Шоу. До первой мировой войны его использовали Э. Бернштейн и О. Бауэр, а в межвоенный период – также К. Каутский и Р. Гильфердинг.

В дальнейшем идеи «демократического социализма» развивались и реализовывались партиями-членами Социинтерна, являющегося сегодня крупнейшим международно-политическим объединением. В его состав входит более 150 партий, а их число за последние два десятилетия XX века возросло в два раза.

«Демократический социализм» трактуется одновременно и как длительный процесс реализации ценностей свободы, справедливости и демократии, и как общество будущего. Четкого определения «демократического социализма» и временных рамок его осуществления не существует. Социал-демократия подчеркивает, что такое общество не может быть создано в отдельно взятой стране, а возникнет лишь как новая ступень цивилизации.

Таким образом, для социал-демократов социализм – это не жесткая социальная конструкция, как у коммунистов, а скорее вдохновляющая гуманистическая идея, содержание которой постоянно обогащается. Такое понимание социализма предполагает возможность и необходимость корректировки этой идеи по мере изменения условий. Не случайно на учредительном конгрессе социал-демократия отказалась от единой идеологии как идейной основы своего движения, что позволило ей избежать доктринальной узости, свойственной коммунистам и приведшей к сокращению их влияния в мире. Некоторые социал-демократические партии, в частности, германская, вообще не употребляют понятие «идеология» в своих программных документах.

Концепция «демократического социализма» представляет собой отрицание советского варианта социализма как в содержательном отношении, так и по форме практической реализации социалистических принципов. Практика советской власти и

просоветских режимов рассматривается как классический образец тоталитаризма.

Достижение «демократического социализма» мыслится через осуществление политической и экономической демократии и создание «государства благосостояния».

Политическая демократия предполагает прежде всего многопартийность, свободу действий для оппозиции, возможность пребывания у власти разных партий, их сменяемость в результате выборов. Однопартийное правление несовместимо с политической демократией. Ее составной частью являются права человека, свобода печати, самостоятельность профсоюзного движения, существование правового государства.

Экономическая (промышленная) демократия предполагает на микроуровне – непосредственное участие трудящихся в управлении предприятиями (как частными, так и государственными), на макроуровне – создание органов «социального партнерства» в масштабах экономики в целом, приобщение профсоюзов к совладению предприятиями.

И, наконец, под «государством *благосостояния*» понимается совокупность институтов, регулирующих экономику, социальную сферу с целью повышения благосостояния населения. Деятельность «государства благосостояния» касается прежде всего социального обеспечения, жилищного строительства, образования, охраны труда, обеспечения занятости, политики в области культуры.

В качестве последней стадии приближения к обществу «демократического социализма» рассматривается установление социальной демократии. Под таковой подразумевается наполнение демократическим содержанием всех сфер общественной и личной жизни, прежде всего эмансипация женщин.

Ныне европейские социал-демократы предпочитают говорить не о социализме, а об обществе социальной демократии. Но суть их мировоззренческих позиций остается неизменной.

Политическая система обществ, исповедующих идеологию социал-демократии (Швеция, Австрия, Норвегия, Швейцария и т.д.), основывается на принципах общественного консенсуса, разделения властей, социального партнерства и компромисса политических сил. Принцип общественного консенсуса, т.е. согласия социальных групп по базовым ценностям, ориентирует систему на представительство интересов всех социальных групп и слоев общества. Действие этого принципа обусловлено высокой степенью культурной однородности общества, приверженностью населения идеалам демократии, солидарности и справедливости.

Функционально политическая система строится на сочетании, во-первых, сильной централизованной власти в лице институтов

парламентской демократии и, во-вторых, эффективных структур общественного самоуправления с высоким уровнем финансовой и юридической самостоятельности.

Стабильность политической жизни основана на социальном партнерстве социал-демократии и буржуазных партий, на практике политического компромисса между ними. Партия, проигравшая на выборах, выступает в качестве конструктивной оппозиции, заставляя правящую партию выполнять взятые предвыборные обещания. В результате даже после поражения социал-демократов на выборах, приходящие к власти буржуазные партии в целом сохраняют приверженность важнейшим принципам демократии – социальной защиты, солидарности и справедливости.

7.4 СИСТЕМА «СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА»

Важный вклад социал-демократии в развитие мировой цивилизации – создание системы «социального государства». Эта система в основном функционирует и тогда, когда социал-демократию сменяют у власти партии консервативной или либеральной ориентации.

Система «социального государства» строится с учетом того, что общественный прогресс может обеспечиваться лишь через сотрудничество и партнерство между предпринимателями и наемными работниками. При этом каждой из сторон следует учитывать интересы друг друга. Наемные работники в своем стремлении улучшить экономическое положение не должны переходить границу, за которой у предпринимателей исчезает стимул к хозяйственной деятельности. В свою очередь, предпринимателям следует создавать благоприятные условия (социальные, технологические, образовательные) для оптимального воспроизводства рабочей силы, без которой невозможен экономический прогресс.

Государство координирует отношения между предпринимателями и наемными работниками, обеспечивает социальную защиту всех членов общества, осуществляет функцию обучения граждан новым профессиям, необходимым производству.

Система «социального государства» предотвращает возникновение резкой дифференциации в доходах населения, обеспечивая тем самым социальную стабильность и гармонию в общественных отношениях.

Под воздействием экологических движений социал-демократия в отличие от прежних времен уделяет значительное внимание охране окружающей среды. Многие партии сочетают социально-

экономическую деятельность с обеспечением экологических основ существования человека.

О практике западной социал-демократии наглядное представление дает ее «шведская модель». Основные компоненты этой модели таковы.

Первый - это равновесие между трудом и капиталом, исключающее возможность расширения контроля за частной собственностью, будь то в виде национализации или дирижистского макропланирования.

Второй - это гармонизация производственных отношений, благодаря которой профсоюзы оказываются заинтересованными не столько в государственных субсидиях в те или иные отрасли производства, сколько в эффективной системе переподготовки и перемещения кадров.

Третий компонент модели – эффективные инструменты проведения экономической политики, включающие прогрессивную налоговую систему, поощрение высокой мобильности рабочей силы и стимулирование производства, ориентированных на экспорт.

Четвертый компонент – укоренённость в политической культуре общества таких качеств, как социальный консенсус в отношении существующего строя, прагматизм и конструктивный эгалитаризм¹.

В рамках общего социально-либерального подхода просматриваются две основные модели развития общества - германская и англосаксонская (британская). Они частично являются объектом дискуссий, частично отражают существующие реалии и определяют пути развития социал-демократии.

Первая из этих моделей ориентирована на обеспечение участия в управленческих структурах и в принятии решений на всех уровнях не только собственников, но и лиц наемного труда, местных сообществ, потребителей и других заинтересованных групп и организаций. Она основывается на максимально возможном согласовании интересов различных групп населения и отдельных граждан. Такой алгоритм гораздо перспективнее демократического принципа подчинения меньшинства большинству.

Германская модель предполагает более существенную роль государства, чем это допускают британские лейбористы. Для нее характерна целенаправленная промышленная политика, ориентированная на всемерное использование финансовых ресурсов в интересах хозяйства всей страны. В сфере социальных отношений акцент делается на обеспечении конструктивной роли разных общественных сил в развитии экономики, в системе выработки и принятия общественно значимых решений. Перспектива германской модели – «общество участия» с элементами корпоративизма.

¹ Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции. М., 2001.

Англосаксонская модель предполагает доминирующую роль индивида и индивидуализма в системе общественных отношений. Именно с их эволюцией идеологи этой модели связывают перспективы предстоящих системных изменений как в национально-государственных, так и в глобальных масштабах.

Следует отметить, что идеологи данной модели не отождествляют индивидуализм только с сугубо личным интересом, считают, что он должен носить и во многом уже носит институциональный характер. Индивидуализм как бы вписан в систему правовых, экономических и социальных отношений и наполняет их реальным содержанием.

Идеологи англосаксонской модели отвергают коллективизм, отдают предпочтение отношениям между индивидами и территориальными сообществами, начиная с «соседских» и кончая региональными. Большое значение придается неполитическим общественным организациям социальной, правозащитной, экологической направленности.

Либеральная идея равенства возможностей индивидов трактуется как «всеобщая включенность», которая позволит создать «общество ответственных, нацеленных на риск индивидов». Идея институционального индивидуализма органически сочетается в англосаксонской модели с решительной поддержкой процессов глобализации, рассматриваемых как залог общественного прогресса и дальнейшего совершенствования демократии.

В начале 90-х годов выявилась ограниченность представлений социал-демократии в вопросе о путях достижения социальной справедливости. Придавая первостепенное значение сфере распределения, они нередко добивались ее расширения за счет эффективности производства и, прежде всего, новых технологий. Оказались преувеличенными надежды на государственное регулирование как фактор перехода к постиндустриальному обществу. В качестве стимулов развития экономики неоправданно акцентировалась роль общественных интересов и собственности, недооценивалось значение индивидуального интереса. Все это снижало уровень обеспеченности населения и ослабляло влияние социал-демократии.

Кризис западной социал-демократии был вызван не только трудностями государства благосостояния, но и изменением социальной структуры европейских стран прежде всего сокращением доли традиционного рабочего класса как важнейшей социальной и электоральной опоры социал-демократии, ростом численности новых средних слоев, у которых «стали возникать трения с традиционной социал-демократическо-профсоюзной ориентацией на

коллективную организацию и всеохватывающее влияние социального государства»¹.

Негативные последствия для европейской социал-демократии имело крушение коммунистических режимов в 1989-1991 гг. Социал-демократы расценивали эти события как победу «демократического социализма» над тоталитарно-авторитарным коммунизмом. Однако впоследствии оказалось, что крах советского блока привёл к существенной дискредитации социалистических ценностей и доминированию в западном обществе неолиберализма.

По инициативе ряда видных деятелей социал-демократии – бывшего канцлера ФРГ и многолетнего председателя Социнтерна В. Брандта, премьер министра Франции Ф. Миттерана, премьер министра Швеции У. Пальме, премьер-министра Испании Ф. Гонсалеса и др. теория и практика этого идейно-политического течения были обогащены новыми подходами. Основное содержание новаций сводится к следующему.

Преодолена недооценка фактора эффективности производства, подрывающая конкурентоспособность национального бизнеса. Осуществляется поиск оптимального для каждой страны соотношения роста эффективности производства, уровня социальной защищенности и благосостояния населения. Значительное внимание уделяется проблеме путей и форм укрепления демократии – децентрализации власти, повышения роли самоуправления, использования методов непосредственной демократии, демократизации производства. Социал-демократы отказались от преувеличения роли государственного сектора экономики в обеспечении социальной справедливости. Разрабатываются меры для обеспечения социальной ориентации рыночной экономики.

Прежние установки социал-демократии корректируются с учетом изменившихся условий, опыта неоконсерваторов и либералов. Стремление к реалистичной политике в некоторых аспектах сближают социал-демократов с неоконсерваторами и неолибералами.

С именами премьер министра Великобритании Тони Блэра и канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера связано создание модернистского, социал-либерального течения в западной социал-демократии – социал-либерального. Оно ориентировано на поиск «третьего пути» - между традиционным демократическим социализмом и неолиберализмом. Теоретическое обоснование идеи и базовых принципов этого пути было осуществлено социологом и советником Блэра Энтони Гидденсом.

В совместном манифесте Т. Блэра и Г. Шрёдера «Европа: третий путь – Новая середина» (“Europe: The Third Way – die Neue Mitte”¹),

¹ Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ. 1848-2002. М., 2003. С.394.

представлявшем собой попытку системного изложения воззрений «новой» социал-демократии, отдавался приоритет сокращению государственных расходов, снижению налогов, гибкости рынка рабочей силы и личной ответственности. Государство, по мнению авторов манифеста, должно дополнять регулирующее воздействие рынков, но не создавать помех их функционированию.

Манифест Блэра-Шрёдера вызвал негативную реакцию со стороны «традиционной» социал-демократии. В частности, резко отмежевалось от принципов «новой» социал-демократии руководство Французской социалистической партии, более левой, чем ЛПВ и СДПГ. В «Декларации Жоспэна» «На пути к более справедливому миру» подчёркивалась необходимость для социалистов с уважением относиться к собственным традициям и сохранять критическое отношение к капитализму, который при несопоставимой с другими экономическими системами способности производить богатства, «бывает также и несправедливым, и зачастую иррациональным»¹. Руководство ФСП высказалось за исправление недостатков рыночной экономики методами макроэкономической политики, основанной на кейнсианских рецептах, и сочло неприемлемым дерегулирование рынка труда.

К концу 90-х годов западная социал-демократия в основном преодолела кризис, связанный с износом традиционных идей, наступлением неоконсервативной волны и негативными последствиями для левоцентристской идеи крушения коммунистических режимов. Она вновь обрела политический вес и в ряде демократических стран является ведущей политической силой, возглавляя правительства или в качестве влиятельной оппозиции.

Используя новые возможности, социал-демократы прилагают значительные усилия для пересмотра и обновления своих программных и политических установок. Их главная цель – максимально четко и убедительно сформулировать свое новое кредо и подвести под него основательную идейно-теоретическую базу.

Особое внимание уделяется анализу процессов глобализации и их влияния на социумы. На своих последних конгрессах социал-демократы заявляли о своей решимости воздействовать на эти процессы таким образом, чтобы они развивались на благо человечества.

В связи с эрозией суверенитета государств подчеркивается необходимость обеспечения новых гарантий личности на межгосударственном, региональном и глобальном уровнях. Концепция «государства благосостояния» модифицируется в

¹ Блэр Т., Шрёдер Г. Европа: Третий путь – Новая середина // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. М., 2000.

¹ Жоспен Л. На пути к более справедливому миру // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. М., 2000. С.108.

концепцию «государства социальных инвестиций» с акцентом на системе образования применительно к нуждам «информационного общества». Это означает оказание гражданам помощи не столько в виде социальных выплат, сколько в форме инвестиций в образование и переобучение работников, повышающие их конкурентоспособность на рынке труда. Первостепенное значение придается разработке путей и способов укрепления солидаристских начал в обществе, обеспечения культурного многообразия.

Перспективным направлением деятельности западной социал-демократии является стимулирование частной инициативы и активности граждан не только в экономической, но и в других сферах – социальной и политической. Социал-демократы намерены содействовать развитию гибкой системы трудовых отношений, способствующей профессиональной и территориальной мобильности населения на национальном и международном уровнях, координировать усилия по сохранению окружающей среды. Ведется интенсивный поиск путей адаптации мигрантов, особенно выходцев из стран Африки и Ближнего Востока, в европейский социум.

Решая социальные задачи, социал-демократия самым ходом событий поставлена перед необходимостью поддерживать благоприятный нравственный климат в обществе, содействовать возвышению отдельного человека как личности и, следовательно, формированию качественно нового состояния общества в масштабах отдельных стран и человечества в целом¹.

Ценностными ориентирами социал-демократов обусловлена и их внешняя политика. Значителен практический вклад социал-демократии в борьбу за ослабление международной напряженности, в ограничение влияния милитаризма на общественную жизнь. Именно социал-демократы ФРГ в начале 70-х годов выступили с инициативой проведения «новой восточной политики», которая во многом способствовала проведению в Хельсинки летом 1975 г. конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, установлению зоны мира на всем пространстве от французского Бреста до российского Владивостока.

В 80-е годы приоритетной целью внешнеполитической деятельности социал-демократов были разоружение и развитие. Они исходили из того, что «демократический социализм» невозможен без прочного и длительного мира, без радикального перевода средств с гонки вооружений на реформы. С разрядкой увязывались и процессы демократизации политических институтов в странах Запада, утверждения нового международного экономического порядка, решения неотложных проблем развивающихся государств. В

¹ Орлов Б.С. Этика как основа политической философии социал-демократии / Орлов Б.С. Социал-демократия: история, теория, практика. Работы 2000-2005 гг. М., 2005.

настоящее время обсуждается возможность создания социально ориентированного мирового порядка.

Будущее человечества социал-демократы связывают со следующей дилеммой: либо демократия, нравственные ценности, требования социальной справедливости станут общечеловеческой нормой поведения, либо мир обречен на социальные и национально-религиозные катаклизмы с непредсказуемыми последствиями. Мысль Вилли Брандта (будущее социал-демократии только начинается), высказанная еще в 1970 г. на съезде СДПГ, вполне актуальна.

Значительное внимание социал-демократия уделяет осмыслению процессов глобализации и их воздействия на социум. Констатируется, что эти процессы несут в себе как новые шансы, так и новые риски и негативные явления, на которые следует влиять с помощью демократической политики.

В принятой в 1999 г. На XXI Конгрессе Социнтерна специальной декларации «Вызовы глобализации» (Парижская декларация) обращается внимание на противоречивость последствий глобализации – открывающиеся новые возможности для решения социальных проблем человечества и углубление неравенства на внутристрановом и региональном уровнях. Поэтому задача социал-демократии видится в том, чтобы придать глобализации «социальное измерение... и поставить её на службу человечеству»¹.

В подходе к процессам глобализации между социал-демократами разных стран имеются определенные различия. Так, сторонники социал-либерального направления, прежде всего тяготеющие к неоллиберализму британские лейбористы, исходят из того, что в условиях глобализации капитализм стал безальтернативной моделью экономического развития и задача социал-демократии сводится к поиску подходящего варианта рыночной экономики для каждой страны. Они выступают за «прогрессивную глобализацию», управляемую и направляемую в соответствии с социал-демократическими принципами (равноправие в мировой торговле, регулирование глобальной экономической деятельности, создание глобального механизма перераспределения доходов между богатыми и бедными странами, функционирование демократически легитимной системы глобального управления). Для более традиционалистски настроенных французских социалистов глобализация представляет собой «мутацию капитализма», которую необходимо обуздывать путем регулирования международной финансовой системы, причем не только для предупреждения кризисов, но и сохранения региональных и национальных идентичностей².

¹ Вызовы глобализации // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. М., 2000. С.45.

² См.: Работяжев Н.В. Европейская социал-демократия в поисках адаптации к меняющемуся миру // «Полития», 2012, №3(66). С.162-165.

Глобальный финансово-экономический кризис оценивается социал-демократией как кризис неолиберального капитализма, подтверждающий обоснованность базовых представлений о необходимости политического регулирования экономических процессов. В воззрениях социал-демократов наметился поворот к традиционным ценностям и установкам. Даже партии, далеко продвинувшиеся в направлении социал-либерализма (ЛПВ и СДПГ) вынуждены в той или иной степени возвращаться к «старому» социал-демократизму. Актуализируются такие традиционные для социал-демократов темы, как защита государства благосостояния, государственное регулирование финансовых рынков, стимулирование экономического роста и занятости с помощью кейнсианских методов, борьба против сокращения государственных расходов и т.д.

В условиях глобального финансово-экономического кризиса конца первого десятилетия XXI века у социал-демократов обнаружилось не только отсутствие свежих идей для его преодоления, но и неспособность предложить решение некоторых актуальных для европейцев проблем.

В частности, они до недавнего времени недооценивали трудности, связанные с интеграцией в западное общество мигрантов из «третьего мира», в значительной степени отдали эту тему на откуп правым популистам и консерваторам. У европейских избирателей не находит позитивного отклика приверженность социал-демократии либеральной иммиграционной политике и мультикультурализму.

Для того, чтобы обеспечить поддержку электората социал-демократии, видимо, предстоит преодолеть изначально присущую слабую чувствительность к этнонациональной проблематике, связанную с её формированием как интернационального движения, осознать ту роль, которую в современном обществе играют различные идентичности.

Социал-демократы активно поддерживают демократические процессы в России, оказывают ей всемерное содействие в проведении рыночных реформ и создании современных властных структур. В интеграции России и других государств постсоветского пространства в сообщество цивилизованных государств они видят важнейший фактор утверждения ценностей «демократического социализма».

Самобытная социал-демократическая традиция существовала и в России, где была представлена прежде всего партией меньшевиков, опиравшихся в рабочей среде в основном на квалифицированных и культурных пролетариев, которые не принимали большевистского максимализма и экстремизма, но достаточно четко ориентировались на идеалы демократии и социализма и цивилизованные методы их достижения. Эта традиция сохранялась и в советский период, несмотря на гонения и репрессии.

Тем не менее даже в деятельности правящей партии (за исключением сталинского правления) просматриваются социал-демократические подходы. При жизни В. И. Ленина – это новая экономическая политика, совмещавшая разные хозяйственные уклады и способствовавшая подъему жизненного уровня населения. В 50–70-е годы – это поворот от конфронтационного соперничества двух социально-экономических систем к мирному сосуществованию и разрядке, выдвижение концепции общенародного государства, обязательство руководства СССР соблюдать права человека, взятое на себя в подписанном в Хельсинки (1975 г.) Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В 70–80-е гг. постепенно расширялось научно-информационное поле, связанное с социал-демократической проблематикой. Это обстоятельство косвенно влияло на развитие социал-реформистских настроений в КПСС, причем в разных эшелонах.

«Ренессанс» социал-демократии в СССР произошел лишь в годы перестройки. В конце 80-х – начале 90-х гг. предпринимались попытки превратить КПСС (или ее часть) в партию социал-демократического типа. Обсуждался вопрос о возможности создания двух конкурирующих партий. Однако такой сценарий остался нереализованным. К настоящему времени социал-демократическое движение в России не стало реальной силой.

В силу сложившейся ментальности и в связи с резким социальным расслоением общества, вытеснением значительной части населения в зону бедности растет интерес к фундаментальным идеям социал-демократии, особенно к идее сочетания эффективной рыночной экономики с социальной справедливостью и защищенностью. Формируется и соответствующий вектор политического развития.

Программные документы основных политических партий и движений в явной или неявной форме содержат в себе элементы социал-демократической идеологии – ориентацию на правомерность различных форм собственности, государственное воздействие на экономические и социальные процессы, социальную солидарность, эволюционный реформизм, политический прагматизм и т.д.

Многие политические деятели различной ориентации признают актуальность для России идей и опыта социал-демократии, их способность консолидировать общество для создания устойчивой политической системы и эффективной экономики. Идет поиск организационных форм становления российской социал-демократии.

Процесс превращения российской социал-демократии в массовую и влиятельную силу будет продолжительным. В настоящее время для неё отсутствует широкая социальная база. Она появится тогда, когда завершится формирование рыночной экономики и основных социальных групп – предпринимателей и наемных работников, когда

возникнет необходимость выражать интересы всех, работающих по найму, а также представителей малого и среднего бизнеса. Для того, чтобы социал-демократия стала заметным явлением в политической, социальной и духовной жизни России необходима и активная просветительская деятельность.

Появление в России сильной социал-демократии, по своей природе ориентированной на ценности консенсусной политической культуры, могло бы способствовать преодолению в обществе традиций конфронтационности, решению проблем модернизации одновременно в социальном и нравственном контексте.

Наличие в России мощной и влиятельной социал-демократической партии явится одним из главных условий вхождения ее в сообщество цивилизованных стран, где разумно сбалансированы интересы различных социальных групп в условиях рынка и частной собственности.

Подытоживая вышеизложенное, можно выделить следующие характерные особенности социал-демократии.

Во-первых, это неприятие идеи революционной ломки общества, приверженность принципу социального партнерства.

Во-вторых, открытость идеологии, т.е. возможность ее формирования на основе различных, порой противоположных по своему содержанию идей, взглядов и представлений о социальной действительности.

В-третьих, ориентация на «демократический социализм», трактуемый не только как идея, но и как процесс длительных, неограниченных во времени общественных преобразований.

В-четвертых, приверженность принципу нахождения политического консенсуса при решении спорных проблем.

В-пятых, отношение к социальной защищенности трудящихся как приоритету при решении социально-экономических проблем.

ГЛАВА 8. УМЕРЕННЫЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

8.1 ФЕМИНИЗМ

С 60-х гг. XX в. резко возросло влияние идей и практики **феминизма** (от латин. *femina* – женщина). общепринятого определения понятия «феминизм» не существует, но имеются следующие интерпретации этого феномена: 1) социально-политическая теория, анализирующая неравноправное положение женщин и пути его преодоления; 2) социальное движение против дискриминации женщин по признаку пола; 3) идеология, противостоящая женоненавистническим теориям и действиям; 4) философская концепция социокультурного развития, акцентирующая необходимость учета женского социального опыта в представлениях о мире; 5) методология исследований, ориентированная на выявление и артикуляцию женской системы ценностей.

Социальные предпосылки феминизма начали складываться в условиях зарождения буржуазных отношений, сопровождавшегося вовлечением женщин в работу по найму и превращением их в собственников своих рабочих рук. Интеллектуальные предпосылки феминизма возникли в процессе секуляризации общественного сознания, появления утопических теорий социального равенства.

Истоки феминизма восходят к культуре человека эпохи Возрождения. Венецианка Кристина Пизанская (1364 – 1430) в «Книге о Граде Женском» в 1405 г. описала идеальный город-убежище для всех достойных женщин, ощущающих гнет и несправедливость по отношению к ним со стороны мужчин.

Проявлениями раннефеминистского протеста было творчество английских памфлетисток XVII в. Афры Бенн и Мэри Эстел, которых часто именуют первыми защитницами женских прав в Британии. Они защищали право женщин считать себя равными с мужчинами и быть свободными и равноправными. Эти же идеи характерны для творчества француза Пулена де ля Бара, который в эссе «О равенстве обоих полов» (1673 г.) обосновывал тезис о том, что неравноправное положение женщины – результат ее подчинения мужской силе, а не «предписание природы».

Слово «феминизм» впервые было использовано французским социалистом утопистом Шарлем Фурье в конце XVIII в.. Он рассматривал социальное положение женщин как мерило общественного прогресса и именовал феминистами сторонников женского равноправия.

В конце XVIII в. феминизм заявил о себе не только как теория, но и движение против социально-экономической дискриминации женщин.

Требования гражданского равноправия были выдвинуты женщинами во время войны за независимость в США (1775-1783). «Манифестами» грядущего феминизма принято считать «Декларацию прав женщины и гражданки» Олимпии де Гуж, книгу Мэри Уолстоункрафт «О подчинении женщины» и работу Теодора фон Гиппеля «Об улучшении гражданского положения женщин». Все работы датированы 1792 годом. Попытка практической реализации феминистской идеи оказалась безуспешной: возникшие по инициативе О. де Гуж женские организации были запрещены Конвентом, а их вдохновительница казнена.

В XVIII в. началась история русского феминизма, испытавшего значительное влияние идей Великой Французской революции и Просвещения. Становление нового отношения общества к женщине, зародившегося в эпоху Петра Великого, способствовало появлению граждански активных женщин, готовых и стремившихся участвовать в общественной жизни (Екатерина II, графини М. Г. Разумовская, А. К. Воронцова, М. А. Нарышкина), творчеству писательниц и поэтесс, свидетельствовавшему о формировании женского социального самосознания (Е. А. Княжнина, Е. А. Вельяшева-Вениаминова, В. А. Волкова, Е. С. Меньшикова)¹.

Идеи эмансипации женщин развивали такие выдающиеся мыслители, как Кондорсе, Дени Дидро, Джон Стюарт Милль. Кондорсе проводил мысль о равенстве полов и необходимости их равного воспитания и образования. Многие феминистские авторы считают своим предшественником Дени Дидро, который в своих трудах исходил из идеи различия и взаимодополняемости полов. Значительный вклад в становление феминизма внес своей книгой «Зависимость женщины» Дж. С. Милль, акцентируя внимание на проблеме эксплуатации обществом репродуктивных функций женщин. Законодательную поддержку подчинения одного пола другим он считал одним из главных препятствий на пути к общечеловеческому усовершенствованию.

В начале XIX в. близкие к феминизму идеи выдвигались в социально-философских концепциях социалистов-утопистов А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна. Они полагали, что личным примером и благодаря образованию и просвещению можно положить конец неравенству полов. В возникавших под их влиянием многочисленных, но недолговечных социалистических коммунах роль женщин была одной из самых обсуждаемых тем. Для взглядов социалистов-утопистов была характерна убежденность в том, что в существующей общественной системе невозможно достичь равноправия полов и

¹ См.: Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998; Пушкарева Н.Л. У истоков русского феминизма: сходства и отличия России и Запада // Российские женщины и европейская культура / Тишкин Г.А. (ред.). СПб., 2002.

необходимо ее радикальное изменение, прежде всего уничтожение частной собственности.

Создавая проекты идеального общества, эти теоретики полагали, что в будущем не только женщине должна быть предоставлена возможность участвовать в общественном производстве, но и мужчине следует выполнять обязанности по дому и воспитанию детей. Ш. Фурье настаивал на полном отказе от разделения труда по признаку пола не только в семье, но и в обществе.

К. Маркс и Ф. Энгельс не считали проблему угнетения по признаку пола важным аспектом своей теории и поэтому специально не обращались к анализу женского социального опыта. Однако их последователи, развернув широкую пропаганду в середине – второй половине XIX века, считали себя выразителями интересов всех эксплуатируемых без различия пола и рассчитывали привлечь на свою сторону прежде всего женщин из рабочей среды, обещая ликвидировать угнетение всех социальных групп в обществе, свободном от частной собственности.

С середины XIX века до 60-х гг. XX века феминистское движение развивалось главным образом под знаком борьбы за предоставление женщинам равных избирательных прав с мужчинами (так называемый «суфражизм»). К 1930 г. такие права получили женщины многих стран – Новой Зеландии, Финляндии, Норвегии, Дании, Германии, Канаде, США, Великобритании и др..

«Вторая волна» феминизма связана с подъемом леворадикальных движений протеста конца 60 – начала 70-х гг., прежде всего студенческого. Ее содержание составляет борьба уже не за юридическое, а фактическое равенство женщин и мужчин. Главное требование феминисток «второй волны» - не только избрать, но и самим войти во властные структуры. Вступление движения в новый этап проходило под лозунгом «равенство в различии».

Родоначальницей и теоретиком «второй волны» стала философ-экзистенциалист Симона де Бовуар, которая в опубликованной в 1949 г. книге «Второй пол» зафиксировала основные идеи, ставшие центральными для феминизма: доминирующие социальные, экономические и идеологические структуры патриархата не допускают женщин к материальным и интеллектуальным ресурсам социума; патриархат обрекает их на вечно вторые, неглавные роли.

В современном феминизме существует множество направлений, которые различаются: географически (американский, европейский, третьего мира и т.д.); расово-этнически (феминизм «белых», «черных» и др.); конфессионально (христианский, формирующийся исламский); по методам и направленности действий (экофеминизм, пацифистский, сепаратистский); по идеологии (либеральный, социалистический и марксистский, радикальный); по принадлежности

к направлениям в философии и психологии (модернистский, основанный на концепции социального конструирования, постмодернистский и постструктуралистский, психоаналитический); по сексуальной ориентации и идентичности приверженцев (лесбийский, садомазохистский и др.).

На рубеже XX и XXI столетий в США были распространены все направления феминизма, в Британии и Австралии наиболее широко был распространен социалистический феминизм, а во Франции – постмодернистский. Главными направлениями феминизма исследователи считают либеральное, марксистское и социалистическое, радикальное, психоаналитическое, постмодернистское.

Либеральный феминизм имеет наибольшее число приверженцев. Ориентируется на достижение равенства мужчин и женщин путем создания равных возможностей для самореализации обоих полов. Неолиберальные феминистки призывают женщин из среднего класса стремиться к достижению высокого профессионального статуса, сочетая его с выполнением традиционных социальных ролей – жены, матери, любовницы, домашней служанки и т.д.

Марксистский и социалистический феминизм. Последовательницы классического марксизма, как ранее К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Бебель, Р. Люксембург, К. Цеткин и др., видят в угнетении женщины часть отношений классово-антагонистического общества. Они полагают, что вместе с уничтожением классового господства будет ликвидирована и дискриминация женщин.

В отличие от марксистских феминисток, не считающих эффективным особое женское движение, независимое от общепролетарского, социалистические феминистки настаивают на возможности такого движения и необходимости выделения женских проблем из классовых и общесоциальных.

Радикальный феминизм рассматривает мир как противостояние мужчин и женщин, подвергает резкой критике устои общества, которые, с его точки зрения, определяют неравноправное положение женщин – государство, семья, замужество, материнство и т.д. Некоторые представители радикального феминизма выступают за полное размежевание мужчин и женщин в обществе и культуре, обособление женщин от структур, обеспечивающих господство мужчин над женщинами.

С одной стороны, такая форма протеста способствовала пробуждению женского самосознания, с другой – давала повод для обвинений движения в излишней радикальности и экстравагантности, выражающейся, в частности, в критике указов против однополых семей, особенно лесбийских, как «антиженских». В сравнении с другими направлениями феминизма радикальный феминизм внес

наиболее заметный вклад в современную культуру, искусство и философию.

Психоаналитический феминизм – сравнительно новое направление в феминизме, сформировавшееся в конце XX века. До этого характерная для феминизма апелляция к бессознательному рассматривалась как инструмент подчинения женщины.

Психоаналитический феминизм акцентирует внимание не на особой роли отца и эдиповом комплексе (что характерно для основоположника психоанализа З. Фрейда), а на доэдипальном периоде, когда ребенок особым образом связан с матерью. С точки зрения феминисток-психоаналитиков, прежде всего воображаемый страх перед матерью, заложенный в детстве, определяет мотивацию поведения взрослых индивидов.

Психоаналитический феминизм сыграл определенную роль в привлечении внимания к социальной природе не только отцовства, но и материнства, постановке проблем воспитания (в особенности женщинами женщин).

Постмодернистский феминизм возник в последней четверти XX века и представляет собой своего рода методологию. Ставит проблему ограниченности социального знания, представленного мужчинами, их системой ценностей и восприятием мира. Отрицая прежнюю научную рациональность как обслуживающую «мужскую науку», постмодернистский феминизм подчеркивает влияние пола на мировоззрение ученого, постановку им задач исследования и выводы из него.

В отличие от идей либерального и социалистического феминизма теории феминистского психоанализа и постмодернистского феминизма весьма далеки от задач современного женского движения и мало востребованы им.

Таким образом, мировое феминистское мировоззрение, представленное многими направлениями, является самостоятельным и оригинальным способом восприятия и объяснения мира. В будущем не исключена его трансформация в идеологию.

8.2 ТЕХНОКРАТИЗМ

Технократизм появился на волне научно-технического прогресса уже в XIX веке, но в полной мере заявил о себе как идейном течении в XX веке в связи развертыванием научно-технической революции. Слово технократия (от греческого *techne* – искусство, мастерство, умение и *kratos* – власть) употребляется для характеристики власти технических специалистов и типов

государственного устройства, практически реализующих интересы этого социального слоя. Главная идея технократизма – возможность власти, основанной на знании и компетентности, решения политических проблем рациональными техническими методами.

Мысль об особой значимости для общества людей, обладающих необходимыми знаниями для решения стоящих перед ним проблем, принадлежит социалисту – утописту А. Сен-Симону. В его системе политического устройства эта роль отводилась «промышленникам», которые были бы способны обеспечить производство необходимых обществу материальных благ.

В ходе индустриального развития углублялись процессы разделения труда, дифференцировалось знание, изменялись общественные потребности в специалистах. На смену «промышленникам» пришли так называемые технократы, т.е. технические специалисты, в силу своего образования и рода деятельности являющиеся носителями технической рациональности, ориентированные на осуществление политической власти от имени техники и на основе технических средств.

Одна из первых концепций технократизма была разработана американским ученым Т. Вебленом (1857 – 1929) в книге «Инженеры и система цен» (1919). В действовавшей в начале XX века системе крупной машинной индустрии им было выявлено противоречие между ее целями, отождествляемыми с целями всего общества (расширение и совершенствование производства), и целями бизнеса (получение предпринимательской выгоды). Согласно Т. Веблену, уникальная роль в обществе индустриального производства, рост численности инженеров с их природным инстинктом «мастерства» и стремлением к рациональному управлению делают реальной перспективу создания совершенного социального механизма путем перехода власти от промышленников к техническим советам. В 30-е годы американскими последователями Т. Веблена была предпринята безуспешная попытка осуществить его идею замены политических структур технократическими и создать рациональный социальный порядок.

Дальнейшее развитие технократическая концепция получила в работе Дж. Бернхэма «Революция менеджеров» (1941). Согласно Дж. Бернхэму в современном ему обществе правящим классом становятся менеджеры, поскольку именно они занимают наиболее важные позиции в управлении решающей сферой жизни – производстве. Он прогнозировал утверждение в мире единого технократического общества, возглавляемого комитетом «директоров-технократов».

Концепция технократизма получила продолжение в теориях индустриального общества, конвергенции, постиндустриального и

информационного общества. Объединяющей их теоретико-методологической основой являлся технологический детерминизм, абсолютизирующий технику и технологию как детерминанту социального прогресса.

Кратко рассмотрим содержание основных технократических теорий.

Теория индустриального общества возникла в 40-х гг. и получила развитие в 50 – 60-х гг. Ее родоначальником был американский экономист П. Дракер, а развернутое обоснование теория получила в работах французского социолога Р. Арона американских экономистов У. Росту и Дж. Гэлбрейта.

Теоретики индустриализма утверждали, что технический прогресс и рост крупного машинного производства является основой создания индустриального общества как общей модели развития для всех стран. Его важнейшими элементами они считали: 1)машинизированное массовое производство со специализацией и интеграцией работ в рамках крупных корпораций; 2)частную собственность на средства производства и деление хозяйства страны на автономные предприятия; 3)сосредоточение управление предприятиями в руках менеджеров; 4)координацию деятельности различных хозяйственных единиц через рынок, играющий роль регулятора производства и обмена; 5)усиление экономической активности государства в управлении корпорациями и реализации производимой продукции. В рамках индустриального общества выделялись два его типа - капиталистический и социалистический.

Эти идеи отражены в трудах П. Дракера – «Будущее индустриального человека» (1942) и «Новое общество. Анатомия индустриального строя» (1949), Р. Арона – «18 лекций об индустриальном обществе» (1962) и «Три очерка об индустриальной эпохе» (1966), У. Росту – «Стадии экономического роста» (1960), Дж. Гэлбрейта – «Общество изобилия» и «Новое индустриальное общество» (1967).

В 60-е гг. создатели теории индустриального общества Дж. Гэлбрейт, Р. Хейлбронер, Я. Тинберген, П. Сорокин и др. обосновывали неизбежность конвергенции двух общественных систем под воздействием научно-технической революции. Они доказывали, что обе системы развиваются по пути накопления сходных признаков, в результате чего станет возможным их синтез в некое общество «интегрального типа», которое вберет в себя лучшие элементы капитализма и социализма. Мировое развитие однако опровергло этот футурологический прогноз.

Теория «технотронного общества» была разработана известным американским ученым и государственным деятелем Зб. Бжезинским в книге «Между двумя веками. Роль Америки в технотронную эру», опубликованной в 1970 г. Слово «технотронный» - неологизм автора, образованный из двух слов «техника» и «электроника».

Теория Зб. Бжезинского представляла собой попытку доказать, что высокие технологии становятся решающим фактором социального прогресса, а технократы – доминирующей силой общества. Соединенные Штаты рассматриваются Зб. Бжезинским как страна, которая прокладывает путь всему миру в «технотронную эру».

Теория постиндустриального общества была разработана рядом ученых и прежде всего американским исследователем Д. Беллом в книге «Грядущее постиндустриальное общество», изданной в 1973 г. Согласно этой теории индустриальное общество под влиянием научно-технического прогресса трансформируется в постиндустриальное, где доминирующим производственным ресурсом становятся знания и информация, а наиболее ценными качествами работников – уровень образования, профессионализм, обучаемость и креативность. Господствующим классом в этом обществе должен стать «класс интеллектуалов», а власть должна принадлежать интеллектуальной элите, по выражению Д. Белла «меритократам» (от “merit” – успех).

Теории «технотронного» и «постиндустриального» общества во многом подтвердились практикой. Как и было предсказано их создателями, общество массового потребления породило сервисную экономику, в рамках которой наиболее быстрыми темпами развивается информационный сектор хозяйства. Слабой стороной этих теорий ученые считают абсолютизацию роли высоких технологий в общественном развитии и недостаточное внимание к сфере духовной жизни, культурным факторам

К теориям «технотронного» и «постиндустриального» общества по основным идеям близка теория информационного общества, разработанная американским ученым А. Тоффлером в книгах «Третья волна» (1980) и «Сдвиг власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века» (1990), «Революционное богатство. Как оно будет создано и как изменит нашу жизнь» (2006), написанной в соавторстве с Х. Тоффлер. В этих книгах проводится мысль об изменении природы власти под влиянием знаний, информации и новых технологий. В настоящее время теория информационного общества в западной общественно-политической мысли она выдвигается в западной общественно-политической мысли на то место, которое в 70-х гг. занимала теория постиндустриального общества.

В последние годы ряд ведущих исследователей, сформулировавших теорию постиндустриального общества, в частности, Д. Белл, стали сторонниками теории «информационного общества». Эта теория рассматривается Д. Беллом как новый этап в разработке созданной им ранее теории постиндустриального общества.

Работы Д. Белла, А. Тоффлера и других приверженцев постиндустриализма основываются на методологии одного из

классиков западной социологии М. Вебера, для которого осевым принципом исторического развития был принцип рациональности. Таким образом, технократизм как идейное течение отразил возрастание роли технических специалистов в индустриальном и формирующемся постиндустриальном обществе. Вместе с тем его главная идея – необходимость и неизбежность перехода экономической и политической власти к технотроструктуре, которая принимала бы политические решения не по идеологическим мотивам, а на основе технической рациональности – оказалась далекой от действительности.

8.3 КОММУНИТАРИЗМ

Коммунитаризм (от «community» – сообщество) – 1) идеология, ориентированная на доминирование в обществе коллективистских ценностей и выдвигающая в качестве системообразующего понятия «сообщество»; 2) социально-политическое движение, отстаивающее интересы сообществ в их отношениях с государством и бизнесом.

Популярность коммунитаризма вызвана его центристской позицией и идеологической нейтральностью, неприятием любого экстремизма. В США он удостоивается внимания со стороны основных политических лагерей, осознающих неприемлемость поляризации политического поля, а в Европе воспринимается как универсальная идея различными политическими силами правого и левого толка.

Идейные истоки коммунитаризма восходят к античной философии, к религиозно-философским представлениям об обществе в Ветхом и Новом завете. Важную роль в возникновении этого идейно-политического течения сыграли две традиции – коммунистическая с ее акцентом на идее братства и анархистская, концентрирующая внимание на возможности существования общины без вмешательства государства. В XIX веке движения коммунитаристского типа получили широкое распространение в Европе и Америке.

Движение коммунитаризма достигло наибольшего влияния в Соединенных Штатах. Его организационному оформлению способствовала обеспокоенность растущего числа ученых эрозией социальных связей, подрывом общественной морали и наступлением в стране морального вакуума. После того, как в 1990 г. группа интеллектуалов в Университете Джорджа Вашингтона (во главе с А. Этциони и У. Галстоном) сформулировала «коммунитарную платформу», которую подписали многие общественные деятели и политики, начался период поляризации нового идейного течения.

Манифестом коммунитаризма стала книга А. Этциони «Дух общности: права, обязанности и программа коммунитаризма», опубликованная в 1995 г. Ее автор призвал читателей присоединиться к движению коммунитаризма, чтобы дать новую жизнь институтам семьи и школы, избавив их от подавляющих личность качеств.

Создатель коммунитаризма в одной из последних публикаций следующим образом формулирует содержание этого идейно-политического течения: «Под коммунитаризмом мы понимаем вложение сил и энергии в отношения с другими людьми, включая родственников, друзей, коллег и членов общества, в которое человек входит (а таких может быть несколько). Термин охватывает также и служение общему благу, включая оказание социальных услуг, а также участие в добровольных организациях или публичной жизни (в том числе политической). Коммунитарная жизнь выстроена не вокруг альтруизма, а вокруг взаимности в том смысле, что более глубокая и тесная вовлеченность в дела других приносит пользу и тому, кто получает от нее определенные преимущества, и тем, кто их предоставляет»¹.

Главную причину деградации общественных институтов и нравственности коммунитаристы видят в чрезмерном акценте либералов на индивидуализме, способствовавшем широкому распространению стяжательства, цинизма, преступности, суицидов, распаду семьи, ухудшению окружающей среды. Они полагают, что общество нуждается в новой философии жизни, которая наряду с отстаиванием индивидуальных прав, уделяла бы должное внимание проблеме социальной ответственности. Социальная философия коммунитаризма ориентирована на нечто среднее между крайностями радикального индивидуализма и этатизма.

Общественными идеалами коммунитаристов являются не свобода, как для их основных оппонентов-либералов, а справедливость и равенство. Справедливым коммунитаристы считают такой социум, в котором обеспечен баланс между автономией личности и общественным порядком, основывающимся не столько на принуждении, сколько на убеждении. Концепт справедливого общества А. Этциони считает более содержательным, чем либеральные представления о гражданском обществе. Согласно его оптимистическому прогнозу, человечество движется в направлении справедливого общества, все больше внимания уделяя «этике выживания».

В публикациях А. Этциони выдвинут ряд рекомендаций для морального совершенствования американского общества. Рассматривая репродуктивную функцию семьи как «моральный и

¹ Этциони А. Что придет на смену консьюмеризму? Усмиренная экономика и процветающее общество // Свободная мысль. 2009. №8. С. 56-57.

коммунитарный акт», он предложил следующие практические меры для содействия ее выполнению: сочетание полной занятости родителей с частичной, использование гибкого рабочего времени в разных сменах, увеличение продолжительности отпусков для ухода за детьми, моральное неодобрение разводов, изменение социального законодательства в пользу семей с детьми. На уровне общеобразовательной школы предлагается больше внимания уделять формированию характера и моральных качеств, придавая особое значение дисциплине, самодисциплине и воспитанию нравственности. Становлению коммунитарных отношений должно способствовать широкое участие населения в управлении различными местными институтами – школами, больницами, библиотеками и т.д. Возможности формирования малых групп должны учитываться в проектах урбанизации.

Социальная справедливость мыслится А. Этциони прежде всего, как первейшая обязанность людей решать свои проблемы самим или с помощью родственников и друзей и лишь в случае, когда возможности самопомощи будут исчерпаны, прибегать к поддержке общества, рассматриваемого как сообщество сообществ.

Суть коммуитаристских представлений о власти состоит в обеспечении универсально равного участия граждан в определении ее полномочий. Такая власть должна быть непосредственно связана с проблемами данного сообщества и основываться на принципах партисипаторской демократии, фундамент которой был заложен еще Ж-Ж. Руссо.

Ценности коммуитаризма, по мнению А. Этциони, могут облегчить человечеству выход из глобального финансово-экономического кризиса, поскольку способны заменить иррациональное для человека поклонение потребительству, во многом стимулировавшее кризис. Для изменения социальных императивов и привычного поведения граждан он предлагает проводить мегадиспуты по проблемам культурных норм, а также корректировать деятельность некоторых институтов.

Главный вопрос для широкого обсуждения видится А. Этциони не в том, как принять законы, позволяющие регулировать финансовые рынки и тем самым укрепить капитализм, а в том, чтобы заставить граждан размышлять над тем, что делает их жизнь счастливой и какие ценности должны прийти на смену потребительским для людей, чьи основные потребности удовлетворены¹.

В привнесении новых ценностных установок в массовое сознание и изменении общественных предпочтений особую роль А. Этциони отводит системе образования. По его мнению, школам следует воспитывать в молодых гражданах негативное отношение к

¹Этциони А. Указ. соч., С.59.

потребительству и фокусировать внимание на коммунитаристских проектах. Этой цели могли бы служить, например, введение скромной формы одежды, вовлечение учащихся в общественно-полезную деятельность на местном уровне, требование к старшеклассникам «присматривать» за младшими и т.д.

Реализации коммунитаристских проектов способствовали бы перемены в сфере организации труда - введение ограничений на сверхурочные работы (кроме особых случаев, таких, как преодоление бедствий и природных катастроф); установление более короткой рабочей недели; расширение практики частичной и гибкой занятости, а также работы на дому, сокращающей ненужные поездки.

Наконец, «усмирению экономики» и созданию процветающего общества, согласно А. Этциони, могло бы способствовать принятие ряда законодательных мер. Дополнительные налоги позволили бы ограничить покупку домов, которые превышают потребности покупателей. В этом же направлении действовали меры по приоритетному развитию общественного транспорта, ограничению производства и приобретения дорогостоящих автомобилей, установлению лимитов на вознаграждение топ-менеджеров.

Предложенные меры рассматриваются А. Этциони лишь как частные и условные для стимулирования мегадиспутов и внедрения в сознание людей необходимости переосмысления культурных норм и устоявшихся стереотипов поведения.

В работе А. Этциони «От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям» (М., 2004) представлено коммуниитарное видение международных отношений. Оно предполагает наличие устойчивых совместных целей у группы национальных государств, открывающее путь к созданию мирового правительства. По прогнозу А. Этциони, в обозримой перспективе будут взаимодействовать несколько десятков государств, объединенных общими ценностями и поддерживаемых легитимными институтами глобального управления. К числу таких стран он относит и Россию.

Важный вклад в решение общественных проблем, по мнению А. Этциони, вносят международные неправительственные структуры и общественные движения, которые он объединяет под рубрикой «коммуниитарных организаций» (ТКО). Они влияют на массовое сознание и ценностные ориентации, способствуя формированию социально значимого поведения. Как замечает А. Этциони «деятельность ТКО более результативна там, где она завершается институциональным актом: принятием новых законов, вынесением судебного решения, действием государственных органов...»¹.

¹ Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004.. С.215.

А. Этциони считает, что стратегия создания однополярного мира оказалась несостоятельной и пришло время трансформировать американскую квазиимперию в легитимную глобальную конструкцию, в которой США могли бы играть важную позитивную роль, способствовать упорядочению международных отношений. Ростки глобального управления он усматривает в антитеррористической коалиции во главе с Соединенными Штатами, участники которой делятся разведанными, совместно проводят аресты подозреваемых, отслеживают финансовые потоки, питающие терроризм. По его убеждению, в дальнейшем антитеррористическое сотрудничество должно выйти за пределы поддержания международного правопорядка и распространиться на все глобальные проблемы.

Мир будущего видится А. Этциони как всемирное сообщество, объединяющее региональные сообщества и возглавляемое глобальной властью, образованной на базе радикально трансформированной ООН.

Таким образом, коммунитаризм представляет собой реакцию части интеллектуалов на проблемы западного общества, попытку поиска гибких форм баланса между индивидом и обществом, автономией личности и интересами сообщества, между общим благом и свободой, правами и обязанностями.

Это течение, отводящее социуму первостепенную роль в реализации прав и свобод личности, по существу является симбиозом двух идеологий – социалистической и либеральной.

ГЛАВА 9 РАДИКАЛЬНЫЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

9.1 АНАРХИЗМ

Анархизм (от греч. anarchia – безвластие, безначалие) - совокупность идейно-политических течений, отрицающих необходимость государственной власти и официальной религии как источников экономического, политического и духовного подавления личности, выступающих за создание мелких автономных ассоциаций производителей . Переход к новому общественному устройству мыслится преимущественно революционным путем, прежде всего в результате самопроизвольного, стихийного бунта.

Цель анархизма – замена власти сотрудничеством свободных индивидов и коллективов. Как политическая идеология он синтезирует идеи свободы и социальной справедливости, коррелируя с либерализмом и социализмом.

Основными течениями анархизма являются анархо-коллективизм, анархо- индивидуализм и анархо-синдикализм. Представители первого из них считали, что на смену государству должна прийти децентрализованная конфедерация самоуправляющихся коммун, основанных на общественной собственности. Анархо-индивидуалисты выступали против государства и капиталистических форм организации крупного производства, но признавали возможность владения частной собственностью мелкими производителями – ремесленниками и крестьянами, рассчитывали достичь социальной гармонии организацией справедливого товарообмена. Наконец, анархо-синдикалисты делали ставку на преобразующую деятельность революционных профсоюзов, видя в них зародыш будущего децентрализованного эгалитарного общества.

Предтечами анархизма были английские мыслители Джерард Уинстенли (1609 – около 1652) и Уильям Годвин (1756-1836). Первый из них в памфлете «Истина, торжествующая над злословием» (1649) писал о развращающем влиянии власти на людей, несовместимости свободы и собственности. Его главная мысль: люди могут быть счастливы только в обществе без политики, власти и собственности, действуя по велениям совести, а не внешнего закона. Полагая, что только благодаря собственной деятельности можно утвердить справедливый порядок, Дж. Уинстенли в 1649 г. возглавил группу своих последователей, которые на захваченных ими пустошах в южной Англии создали коммунистическую общину «диггеров» («копателей»). Движение вскоре потерпело неудачу из-за противодействия соседних землевладельцев.

Идеи Дж. Уинстенли оказали влияние на английского писателя и историка У. Годвина и нашли выражение в его книге «Исследование,

касающееся политической справедливости и ее влияния на всеобщую добродетель и счастье» (1793). Сочинение привлекло к себе внимание многих противников социального и имущественного неравенства и государства как такового.

В книге У. Годвина выдвинут классический постулат анархизма – власть противоречит человеческой природе, а общественное зло существует потому, что люди лишены возможности свободно действовать, руководствуясь разумом; предложена модель децентрализованного общественного устройства, основной ячейкой которого являлись бы автономные общины (приходы). Эти общины, по мысли автора, должны функционировать без демократических политических процедур, поскольку даже правление большинства выступает как форма тирании, и делегирования полномочий при представительном правлении, которое приводит к отчуждению индивидов. У. Годвин отрицал собственность как источник власти, считая, что промышленное развитие и технический прогресс приведут к сокращению продолжительности рабочего дня до получаса и облегчат переход к обществу без власти.

При всей радикальности своих воззрений У. Годвин был противником революций, оценивая насилие как результат неразумности. Вместе с тем он приветствовал французскую революцию и признавал желательность насильственного переворота в случае, если в его результате утвердятся проповедуемый им анархический порядок.

Учение У. Годвина оказало значительное влияние не только на становление доктрины анархизма, но и на развитие социалистической мысли, в частности, на воззрения Роберта Оуэна. Под его воздействием формировалось творчество поэта-романтика Перси Б. Шелли, разделявшего утопические социалистические идеи.

Как идейно-политическое течение анархизм сложился в середине XIX века. Его основоположниками и теоретиками были немецкий философ Макс Штирнер (1806-1856), французский философ Пьер Жозеф Прудон (1809-1865), русские революционеры Михаил Александрович Бакунин (1814-1876) и Петр Алексеевич Кропоткин (1842-1921). Идеи последних популярны вплоть до настоящего времени, в частности, служат ориентиром для многих участников антиглобалистских движений.

М. Штирнер в книге «Единственный и его достояние» (1845) разработал индивидуалистический вариант анархизма. Все социальные институты (государство, право, собственность и пр.) он считал результатом отчуждения индивидуального сознания и поэтому полагал, что индивиды не должны признавать обязательными для себя любые социальные установления. Согласно М. Штирнеру, идеальное состояние человека – это состояние свободы, не ограниченной никакими социальными рамками.

П. Ж. Прудон в 1846 г. опубликовал книгу «Система экономических противоречий, или философия нищеты», которая принесла ему известность как одному из ведущих теоретиков социализма. Его анархическая концепция сложилась в результате анализа опыта французской революции 1848 г. и получила развитие в работе «Федеративный принцип» (1863). Хотя П. Ж. Прудон отказывался считать себя основателем какого-либо учения или партии, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин и другие вожди анархизма видели в нем своего непосредственного предшественника.

Основными элементами доктрины П. Прудона были мютюэлизм (франц. *mutuellisme* от лат. *mutuus* – взаимный), федерализм и тактика прямого действия. Мютюэлизм (по названию действовавшей в Лионе в 1830-х годах тайной рабочей организации, к которой принадлежал П. Прудон) предполагал организацию общества на началах равенства и взаимности. Считая, что «собственность есть кража», П. Прудон отвергал ее использование для эксплуатации чужого труда, но рассматривал «владение» (право рабочих распоряжаться землей и орудиями труда в процессе производства) как главное основание свободы. Его идеалом было общество, состоящее из независимых крестьян и ремесленников, в котором фабрики и заводы находятся в собственности рабочих ассоциаций, а весь общественный механизм объединяется системой взаимного кредита на основе народных банков. Централизованное государство П. Прудон предлагал заменить федерацией автономных местных общин и промышленных ассоциаций, связанных договорными отношениями; суд – арбитражем; бюрократию – рабочим контролем, а академическое образование – общим образованием.

Последователи П. Прудона, называвшие себя мютюэлистами, 1864 г. совместно с английскими тред-юнионистами и европейскими социалистами создали в Лондоне «Международное товарищество рабочих» (I Интернационал). Они оппонировали К. Марксу и его сторонникам в Интернационале, отстаивавшим тактику политической борьбы, захвата государственной власти и установления диктатуры пролетариата. Идеями П. Прудона руководствовалось движение анархо-синдикалистов.

Дальнейшее развитие теория анархизма получила в работах М. А. Бакунина «О философии» (1840), «Кнута-германская империя и социальная революция» (1871), «Государственность и анархия» (1873), Центральная идея его анархо-коллективизма – полное разрушение государственности и установление безгосударственного общественного самоуправления на базе рабочих ассоциаций (земледельческих и ремесленно-фабричных). Эти ассоциации призваны пробуждать коллективистские инстинкты народа с целью формирования коллективной собственности, обеспечения свободного

товарообмена, организации общества на принципах самоуправления, автономии и федерализма. Социальное содержание такого безгосударственного устройства М. Бакунин определял как мир социализма, равенства и справедливости, свободного труда без эксплуатации.

Рассматривая свободу одновременно и как средство и как цель, М. А. Бакунин считал неосуществимой марксистскую идею диктатуры пролетариата. Его аргументация такова. Вопреки марксизму любая диктатура не может быть временной, а будет стремиться увековечить себя. Она породит в народе привычку подчиняться приказам центральной власти и тем самым также воспрепятствует отмиранию государства. То, что называется «диктатурой пролетариата», на деле окажется властью небольшой группы привилегированных людей, притязающих на управление народом. Общественную систему, которая могла бы возникнуть в результате реализации идеи диктатуры пролетариата, М. А. Бакунин называл «авторитарным коммунизмом» или «государственным социализмом».

Возможность ликвидации основных препятствий на пути к свободе – государства и религии М. А. Бакунин видел в присущей человеку способности мыслить и потребности бороться. Разум преодолет религию, а бунт разрушит государство. Цель и критерий прогресса представлялись ему как постоянное возрастание свободы личности, во имя которого допустимы любые действия.

В дальнейшем принципы индивидуализма и ненасилия (основные в доктрине П. Прудона) продолжали развиваться периферийными течениями анархизма. Идеи же М. А. Бакунина о необходимости коллективной собственности и насильственной революции доминировали в анархистском движении со времени I Интернационала до окончательного крушения анархизма как массового движения в период гражданской войны в Испании в 1939 г. Последователь М. А. Бакунина русский революционер П. А. Кропоткин пошел дальше его коллективизма и сосредоточил усилия на теоретической разработке идеала будущего анархического общества, раскрытого в работах «Хлеб и Воля» (1892), «Поля, фабрики и мастерские» (1899), «Анархизм. Его философия и его идеал» (1900) и др. В предложенной им концепции анархо-коммунизма новый общественный строй мыслился как вольный союз самоуправляющихся общин, где господствует обязательный для всех труд и полностью обобществлены не только средства производства, но и предметы потребления. Благодаря строгой регламентации внутренней жизни общины идеал П. А. Кропоткина имеет некоторое сходство с «казарменным коммунизмом».

Обосновывая возможность движения к анархо-коммунистической модели общественного устройства, П. А. Кропоткин стремился разработать этику анархизма, основанную на достижениях «позитивной науки» («Современная наука и анархизм», 1901). Он полагал, что конкурентной борьбе в природе и обществе противостоит «взаимная помощь», являющаяся главным фактором человеческой эволюции и этического прогресса. Уничтожение государства, ограничивающего действие этого фактора, должно облегчить переход общества к его естественному анархическому состоянию. Принципы морали выводились П. А. Кропоткиным из биологических оснований. Так, например, понятие зла имеет своим источником естественный отбор, а представления о добре – взаимную помощь внутри видов (Этика, 1922).

Значительной спецификой отличался ненасильственный анархизм Льва Толстого. Он был разработан в его поздних романах и этических трактатах («Исповедь», 1879; «В чем моя вера», 1882; «Царство Божие внутри нас», 1899) и основывался на рационалистическом переосмыслении христианства.

Прогресс представлялся Л. Толстому как преодоление всех форм насилия путем «непротивления», полного отказа от насильственной борьбы и сосредоточения человека на задачах личного нравственного совершенствования. Считая злом любое принуждение, писатель пришел к безусловному отрицанию государства, которое предлагал упразднить путем ненасильственного уклонения членов общества от обязанностей перед ним (уплата налогов, отбывание воинской повинности и пр.), отказа от участия в политической деятельности. Эти идеи существенно повлияли на идеологию и практику национально-освободительных движений в Китае и особенно Индии. В начале XX века русский анархизм представлял собой конгломерат разнообразных течений – от «безначальцев», приверженных террору и экспроприации, «хлебовольцев», создававших земледельческие коммуны и отрицавших террор, до «христианского анархизма» Льва Толстого, ратовавшего за христианские общины как альтернативу государству.

Утверждение власти большевиков было воспринято большинством анархистов как «восстановление государственного гнета». В 1919 г. ими была образована «Всероссийская организация анархистов подполья», осуществившая ряд террористических актов. Анархисты играли заметную роль в крестьянском повстанческом движении на Украине в 1918-21 гг. во главе с Н. И. Махно. Движение под лозунгами «безвластного государства» и «вольных советов» было направлено как против «белых», так и против «красных», вступая с последними в тактические временные соглашения. После поражения и эмиграции Н. И. Махно последние очаги сопротивления анархистов

были подавлены, а к концу 1920-х годов все организации анархистов ликвидированы карательными органами.

На рубеже XIX-XX веков во Франции широкое распространение получили восходящие к П. Прудону идеи анархо-синдикализма. Их сторонники считали профсоюзы (франц.- синдикаты) высшей формой организации рабочих и основным рычагом их социального освобождения, требовали полного перехода средств производства в собственность синдикатов. В качестве главного средства борьбы с существующим строем рассматривались акции «прямого действия» - бойкот, саботаж, стачка. Предполагалось, что рабочие, получившие опыт в ходе «подготовительных стачек» (локальных или отраслевых), поднимутся на «всеобщую стачку», которая полностью разрушит капиталистический строй.

Наибольшим влиянием анархистское движение пользовалось в странах Южной Европы, но особенно массовый характер приобрело в Испании. В годы гражданской войны в этой стране анархисты попытались осуществить «социальную революцию». Контролируя практически всю территорию Восточной Испании, они принудительно создавали крестьянские коллективные хозяйства по образцам, описанным еще П. А. Кропоткиным, «коммунизировали» промышленность и железные дороги, насаждали спартанские нравы, разрушали монастыри и преследовали верующих католиков, что вызывало протестные настроения и пополняло ряды противников Республики. Анархистские и анархо-синдикалистские организации длительное время противодействовали созданию регулярной республиканской армии, тем самым косвенно способствуя победе войск генерала Франко.

В конце 30-х годов анархизм как массовое движение практически перестало существовать. Влиятельное в Италии, оно было разгромлено фашистским правительством Б. Муссолини в 1920-х гг. В Германии анархисты были уничтожены нацистами в 1930-х гг. В Японии анархистские организации, возникшие в период русско-японской войны 1904-1905 гг., были разгромлены в 1935 г., когда их обвинили в подготовке военного переворота.

В 70-80-х гг. анархистские методы ведения политической борьбы использовались такими левозэкстремистскими организациями как «Фракция Красной Армии» и «Красные бригады». Анархистские группы и структуры носят маргинальный характер. Влияние идей анархизма остается заметным в таких областях общественной жизни, как защита гражданских прав и окружающей среды, противодействие негативным последствиям глобализации.

В XXI веке явно анархистскую окраску приобретает движение антиглобалистов. Следуя анархистской традиции, левое крыло антиглобализма считает государство инструментом господства и

угнетения и призывает к его замене самоорганизованным обществом. Анархисты играют наиболее активную роль в осуществлении самых радикальных антиглобалистских акций, как это имело место в Сिएтле, Барселоне, Генуе и других городах, где проходили форумы мировой экономической и политической элиты

Представления анархистов о будущем общественном устройстве весьма туманны, что является причиной идейной и политической неопределенности их действий. Стремление анархистов к организации общества на началах самоуправления, автономии общин и наций, на принципах свободы и равенства, справедливости, освобождения от эксплуатации находит понимание у левых партий, солидаризирующихся с ними.

9.2 АНТИГЛОБАЛИЗМ (АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМ)

Антиглобализм – идейные воззрения общественных организаций, движений и инициативных групп, ведущих борьбу с социальными, экономическими, политическими и экологическими последствиями глобализации в ее нынешней форме. В идеологической сфере противостоит неолиберализму.

Участники антиглобалистских акций придерживаются различных, нередко противоположных представлений о глобализации, альтернативах этому процессу и тактике практических действий. В целях самоидентификации ими используются названия «антиглобалистское движение» и «альтерглобалистское движение» («движение за альтернативную глобализацию», «движение за глобальную справедливость», «движение движений» и т.д.). Мировоззренческой основой большинства антиглобалистских групп служит философия постмодернизма с характерной для нее эклектичностью и способностью соединять в единое целое разнородные субъекты и явления.

Массовое протестное движение против негативных последствий глобализации заявило о себе на рубеже XX-XXI веков интернациональными акциями в Лондоне, Сिएтле, Вашингтоне, Праге, Генуе, Давосе и других городах. Участники движения за альтернативную глобализацию стремятся приурочить свои выступления к встречам глав государств «Большой восьмерки», саммитам организаций глобалистского направления (МВФ, ВТО), ежегодным экономическим форумам в Давосе, проводимым влиятельными финансистами, бизнесменами и политиками. С каждым годом демонстрации приобретали все больший размах и носили ярко выраженный антиамериканский характер.

Для антиглобалистского движения характерны: рост численности, расширение социального и политико-идеологического состава, сетевые принципы взаимодействия. В нем участвуют «зеленые» разных стран и оттенков, сторонники оказания помощи развивающимся странам, многочисленные ассоциации защиты гражданских прав (феминистские, молодежные, борьбы против расизма, отстаивания прав иммигрантов и меньшинств), профсоюзные активисты, политизированные течения и клубы преимущественно левого толка (антивоенные, антиавторитарные, анархистские и т.д.).

В основе этой коалиции лежит осознание взаимосвязи глобальных проблем, их обусловленности иррациональностью и антигуманностью существующего общественного устройства, основу которого составляет доминирование транснациональных корпораций. Как отмечает британский политолог Дж. Шварцмантель, антиглобалисты «сознательно стремятся объединить различные взгляды и вписать их в более свободную структуру, не свойственную традиционному стилю идеологической политики»¹.

Большинство групп антиглобалистов принадлежит к левому и левоцентристскому спектру. Однако против глобализации выступают и многие националистические и ультраправые движения (например, французский «Национальный фронт»).

Несмотря на идейную и структурную гетерогенность, антиглобалисты едины в критике глобальной гегемонии капитала, представляющих его интересы международных экономических и финансовых институтов (Всемирного банка, Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации), международных соглашений о свободе торговли, политических и экономических встреч и конференций («Большой восьмерки», Всемирного экономического форума и др.). Значительная часть антиглобалистов ведет борьбу за открытость границ и свободу перемещения людей, против ограничений на иммиграцию и прием беженцев.

К числу основных требований антиглобалистов относятся:

- гуманизация взаимоотношений между людьми, обществом и природой;
- защита национальных культур от информационно-культурной экспансии, вызывающей кризис идентичности;
- списание долгов развивающихся стран и государств Восточной Европы;
- выработка новых правил международного кредитования, в частности, запрет финансовым институтам выдвигать условия, ограничивающие суверенитет (в том числе право народа самому выбирать экономическую систему и хозяйственную политику);

¹ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Харьков, 2009. С.256.

- замена МВФ и Всемирного банка системой региональных банков, формирующихся на демократической основе.

В антиглобалистском движении существуют два течения – умеренное и радикальное. Представители умеренного выступают за использование структур гражданского общества в решении наиболее острых глобальных проблем, усиление контроля над деятельностью корпораций, проведение дискуссий по наиболее актуальным вопросам современности, поиск альтернатив гегемонии транснационального капитала. Их деятельность концентрируется на проведении Социальных Форумов с целью противопоставить саммитам мировой политической и экономической элиты максимально широкий спектр мнений гражданского общества.

Значительное внимание реформисты уделяют проблеме гуманизации международных отношений. С этой целью выдвигаются проекты мондиалистской направленности, предусматривающие разработку «глобальной братской конституции», создание под эгидой ООН мирового правительства, избрание всеми гражданами мира прямым голосованием Всемирного парламента и формирование «общества мировой солидарности»¹.

Радикалы, прежде всего троцкисты и анархисты, часть экологистов выступают против рыночной экономики, частной собственности, общества потребления. Они придерживаются тактики прямого действия – разрушения корпоративной собственности, проявляя склонность к насильственным действиям.

Самоорганизующееся антиглобалистское движение, противостоящее наднациональным центрам финансово-экономической власти, можно рассматривать как одну из зачаточных форм глобального гражданского общества. Такого мнения, в частности придерживаются авторитетные исследователи Лондонской школы экономики, возглавляемой известным социологом и признанным идеологом лейборизма Э. Гидденсом. Эта позиция отражена ими в ежегоднике «Глобальное гражданское общество»¹ (Global Civil Society /Eds. H. Anheier, M.Glasius, M.Kaldor. Oxford. 2001 – 2006).

Идеология антиглобализма начала складываться в начале 90-х гг. в Латинской Америке, где противоречия глобализации проявились особенно остро. Одним из первых критиков глобализации в ее нынешней американоцентричной форме был кубинский президент Ф. Кастро, который в 1993 г. говорил об опасности создаваемых мощных экономических блоков, в которых транснациональные кампании осуществляют диктат по отношению к национальным правительствам.

¹ Агитон К. Альтернативный глобализм: новые мировые движения протеста /пер. с фр. М., 2004. С.192

¹ Global Civil Society: yearbook / ed. H.Anheier, M.Glasius, M.Kaldor. L.-Oxford, 2001-2012.

На взгляды антиглобалистов значительное влияние оказали различные демократические, левые и альтернативистские идеи XX века, начиная с концепций прав человека, гражданского участия в самоуправлении и кончая анархизмом, воззрения участников новых социальных движений – антивоенного, экологического, феминистского, сторонников культурного разнообразия и т.д. Мировоззрение антиглобалистов формировалось под воздействием научной публицистики канадской писательницы Наоми Кляйн, исследований известного индийского эколога Ванданы Шива, лауреата Нобелевской премии по экономике Амартия Сена.

Наоми Кляйн подвергла критике производственную политику транснациональных корпораций, вызывающую обострение проблемы занятости в развитых странах и появление по существу рабских форм эксплуатации в «третьем мире», вездесущую рекламу, разрушающую национальную культуру². Вандана Шива обвинила колониализм в создании монокультуры и хищническом использовании окружающей среды в развивающихся странах³. Амартия Сен предложил новую денежную систему с валютой, стоимость которой будет основываться на расчете свободного времени⁴. Значительный вклад в становление идейно-теоретической базы антиглобализма внесли труды ряда ученых и общественных деятелей - Зигмунда Баумана, Иммануила Валлерстайна, Ноама Чомского, Самира Амина и др.

Естественно, что на такой разнородной основе не могла сформироваться цельная и устойчивая идеология. Политические, экономические, социальные взгляды участников антиглобалистского движения весьма различны и нередко полярны. В общем и целом в русле антиглобалистского движения прослеживаются две тенденции: 1) отрицание неолиберального варианта капитализма и «крайностей» свободы торговли; 2) поиск альтернативы существующему строю.

Среди основных идей, разделяемых многими антиглобалистами, - критика транснациональных корпораций как источника «вселенской власти»; призывы к укреплению суверенитета и власти национальных государств в противовес «транснациональному контролю»; защита национальных культур от разлагающего воздействия массовой поп-культуры и «стандартизации умов»; укрепление и «поощрение национального производства» в противовес «транснациональному»; протест против потребительского и хищнического отношения к природе, растущего разрыва у уровне доходов и потребления в странах «золотого миллиарда» и «третьего мира».

² Klein N. No Logo: Nj Space, No Choice, No Jobs N.Y., 2002.

³ Shiva V. Biopiratsy: the Plunder of Nature and Knowledge. South End Press. 1997.

⁴ Sen A.K. Development as Freedom. N.Y., 2001.

Идею укрепления суверенитета национальных государств активно отстаивают, с одной стороны, многие движения и организации антиглобалистов из стран «третьего мира», а с другой – умеренное крыло антиглобалистских движений из индустриально развитых стран. Первые видят в нем средство защиты своих народов от угнетения со стороны транснациональных корпораций и сохранения национальных сообществ, вторые с кейнсианских позиций противопоставляют нынешнему неолиберальному капитализму регулируемый, рассматривая национальное государство как орудие обеспечения интересов населения, предотвращения духовной деградации общества.

Участвующие в антиглобалистском движении экологисты-радикалы настаивают на безусловном признании самоценности природы, необходимости во имя ее сохранения коренным образом изменить стиль жизни людей и их хозяйственную деятельность. Чтобы предотвратить разрушение природы, они требуют отказа от экономической выгоды, установления строжайшего контроля за практическим применением многих научных достижений и полного запрета на использование некоторых из них. Для изменения экологической ситуации первостепенное значение придается совершенствованию законодательства, увеличению финансирования природоохранных мероприятий, обеспечению экологического воспитания и пропаганды.

В рамках антиглобалистского движения проблемы окружающей среды ставятся в широком социальном контексте – во взаимосвязи с проблемами развития местного самоуправления и инициатив локальных обществ, сохранения рабочих мест, борьбы против господства ТНК, финансовых спекуляций и диктата транснациональных институтов, защиты прав иммигрантов, обуздания гонки вооружений и т.д.

В выступлениях антиглобалистов против «транснационального контроля» существенную роль играют антиамериканские настроения многих групп и организаций, обвиняющих США и американские корпорации в навязывании своей власти остальному миру. Эти настроения усилились после военных акций, предпринятых США в бывшей Югославии, Афганистане и Ираке, в связи с расширением НАТО и распространением американского военного присутствия в других странах. Острые критики имперского курса США часто обращено и против тех государств, которые воспринимаются как их «сателлиты» (например, Израиль). Одновременно выражаются симпатии в адрес «национально-освободительных движений, игнорируя акты насилия с их стороны против гражданского населения, религиозных и этнических меньшинств.

Обеспокоенность по поводу растущего влияния антиглобализма как идеологии и политической практики для нынешнего статуса Соединенных Штатов высказывает один из ведущих американских политологов Зб. Бжезинский: «В период, когда стало модно считать, что век идеологий закончился, антиглобализация, сплавливая в единое целое марксистский экономический детерминизм, христианский гуманизм и тревогу о состоянии окружающей среды, подогреваемая сознанием глобального неравенства и обыкновенной завистью, имеет шансы стать цельной и глобально привлекательной антиамериканской доктриной.

Если это случится, то контркредо может превратиться в мощное орудие для всемирной мобилизации масс. В какой-то момент оно может стать объединяющей идеологической платформой для создания коалиции не только различных политических течений, но и государств, которые объединятся для противодействия американской гегемонии»¹.

Некоторые левые участники антиглобалистского движения разделяют идеи Михаэла Хардта и Антонио Негри, изложенные в книге «Империя» (М., 2004). Согласно точке зрения авторов, система противоборствующих национальных империалистических государств прекратила существование, границы между «первым» и «третьим» мирами стираются процессами глобализации. В результате возникает новый глобальный имперский суверенитет, связывающий воедино всемирную систему угнетения и эксплуатации, в которую включены правящие круги как центра, так и периферии глобального хозяйства. Возражая против антиамериканизма, создатели теории «империи» полагают, что возникающая Империя – это политический единый мир и глобальный рынок с доминированием наднационального права и универсальных ценностей, привилегированным положением Соединенных Штатов в глобальных иерархиях. Поскольку Империя через глобальные сети «снимает» колониальные, расовые и межимпериалистические противоречия, носителями протестных настроений против транснациональных корпораций становятся массы, а целью – освобождение человечества.

Однако эти взгляды оспариваются многими участниками антиглобалистских движений. Они ссылаются на такие реалии, как взрыв национализма, распространенность антиамериканизма, коррозия мультикультуры, обострение противоречий между США и Великобританией, с одной стороны, и Францией и Германией – с другой.

В качестве альтернатив существующему общественному порядку антиглобалисты выдвигают идеи «укрепления гражданского

¹ Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М., 2007. С.207.

общества», или «новой гражданственности» и «партиципативной демократии» (демократии участия). Они широко распространены на левом фланге антиглобалистского движения (левые социалисты, социал-демократы, коммунисты, троцкисты и др.).

Сторонники «укрепления гражданского общества» выступают за активное участие граждан в процессе принятия политических решений. Согласно этим представлениям граждане должны быть хорошо информированными и сознательными для эффективного использования механизмов представительной демократии и благодаря этому к осуществлению контроля над глобализацией. По мнению приверженцев «новой гражданственности» главными субъектами гражданского общества должны стать участвующие в антиглобалистском движении общественные (неправительственные) организации. Часть сторонников «новой гражданственности» рассчитывают добиться демократизации власти путем осуществления «партиципативной демократии» (демократии участия).

В целом предлагаемая модель общественного переустройства призвана соединить существующую систему представительной власти с привлечением граждан к участию в принятии политических решений. В качестве доказательства возможности функционирования такой модели антиглобалисты ссылаются на опыт сотрудничества городских властей бразильского города Порту Аллегри с неправительственными организациями и общественными ассоциациями в распределении бюджетных статей расходов.

Наиболее левая часть антиглобалистского движения, придерживающаяся анархистских традиций и скептически относящаяся к государству, отвергает идею реформирования существующего строя и настаивает на «альтернативном» развитии общества. Широкой известностью в этих кругах пользуется книга шотландского социолога Джона Холлоуэя (John Holloway) «Изменить мир, не беря власть» (Change the World Without Taking Power. London: Pluto Press, 2002), основная идея которой сводится к созданию социальных пространств, автономных по отношению к государству и капиталу. По его мнению, ставка марксистов и реформистов на изменение общества с помощью государственной и правительственной власти, потерпела фиаско, поскольку сердцевина власти – не в государстве как таковом, а в социальных отношениях, проникнутых несвободой, фетишизмом и отчуждением. Простая смена власти, согласно Дж. Холлоуэю, ничего не меняет в обществе при этих отношениях.

Капиталистические и авторитарные общественные отношения, полагает Дж. Холлоуэй, могут быть изменены лишь благодаря альтернативной социальной практике, которую осуществляют сами угнетенные в процессе сопротивления и самоорганизации.

Конкретные проявления формирования новой системы общественных отношений он видит в кооперации и взаимопомощи на местном и квартальном уровнях, захвате фабрик и заводов, в налаживании самообеспечения и т.д.

С 2006-2007 гг. антиглобализм вступил в фазу спада и застоя, проявляющихся в усилении разобщенности участников движения, отсутствии у него новых идей и форм действия. Эти негативные процессы ускорились с началом мирового кризиса.

Отчетливо просматривается тенденция к размежеванию антиглобалистов на умеренных и радикалов, на «богатых» - выходцев из «первого мира» и «бедных» - представителей «третьего мира». В условиях нынешних потрясений в мировой экономике, когда все более актуальными становятся многие базовые идеи антиглобализма, движение оказалось неспособным сколько-нибудь конструктивно влиять на выработку антикризисной политики¹.

Российский антиглобализм имеет как зарубежно-европейские, так и собственные корни. В нем просматриваются два течения – «новые левые» и «охранители»². Первое ориентировано на европейскую альтерглобалистскую идею о возможности иной глобализации, свободной от издержек нынешней, - «глобализацию в солидарности». Второе рассматривает глобализацию как угрозу национальным традициям России и видит будущность страны в «особом пути» ее развития. Поддержку «охранительному» крылу антиглобализма оказывает часть политической и экономической элиты российского общества, интересы которой расходятся с интересами транснационального капитала, требующего либерализации экономического пространства России.

Все изложенное дает основания оценивать идейные воззрения антиглобалистов как пеструю амальгаму взглядов и концепций, продукт взаимодействия разных народов и культур в поиске альтернативных господствующему порядку моделей развития, которые учитывали бы интересы большинства социальных групп и слоев и основывались на справедливых и гуманных началах.

Крайняя неоднородность антиглобалистского движения, а главное – отсутствие сколько-нибудь позитивной программы существенно ослабляет его влияние на мировое развитие. Вместе с тем, привлекая внимание общественного мнения и лидеров ведущих стран к негативным последствиям глобализации, оно акцентирует внимание мирового сообщества на проблеме необходимости управления этим процессом с целью введения в более рациональное русло.

¹ См.: Богуславский А. Первый кризис «антиглобализма» // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=43852>

² См.: Голубев К. Особенности российского антиглобализма // Международные процессы. Т.4. №2 (11). 2006

9.3 ФАШИЗМ И НЕОФАШИЗМ

В XX веке неисчислимы бедствия человечеству принес **фашизм**³. Как общественное движение и политическая идеология он возник в двадцатых–тридцатых годах в Европе, потерпел военное и морально-политическое поражение во Второй мировой войне, а в послевоенный период реанимировался в форме неофашистских организаций, являющихся источником напряженности в ряде стран.

Наибольшего влияния фашизм как идеология и основывающиеся на ней организации и движения достиг в период между двумя мировыми войнами. Он явился реакцией населения на всесторонний кризис общественных устоев: кризис экономический и социальный – вследствие дегуманизации труда и массового переселения людей из деревень в города; кризис политический – в результате неэффективности новых демократических институтов, попустительствовавших коррупции; кризис интеллектуальный и духовный, порожденный размыванием интеллектуальных и духовных ценностей. Известный русский философ И. А. Ильин первостепенную роль в возникновении фашизма отводил утверждению большевистского режима, видя в левом тоталитаризме причину «концентрации государственно-охранительных сил направо»¹. Однако не во всех странах фашизму удалось получить широкую массовую поддержку.

Дополнительные причины для установления фашистских режимов существовали в странах, потерпевших поражение в Первой мировой войне и прежде всего в Германии. Версальский договор, ограничивший свободу действий Германии в экономической и военной областях, воспринимался значительной частью населения как дискриминационный и оскорбительный по отношению к немецкому народу. Мировой экономический кризис 1929 – 1933 годов резко ухудшил условия жизни широких слоев населения. Фашистские лидеры успешно использовали эти обстоятельства, подогревая реваншистские настроения.

Ядро фашистских движений – в прошлом и в настоящее время – составляют маргинализирующиеся и люмпенские слои населения, ценностно дезориентированные и заинтересованные в быстром, радикальном улучшении своего положения. Они наиболее восприимчивы к демагогии, к предельно четким ориентирам движения вперед и простым способам решения сложных проблем. Их

³ Этимологически происходит от итал fascismo (fascio – пучок, связка, объединение). Точный смысл понятия «фашизм» не определен и является объектом полемики. Отсутствуют четкие отграничения от других реакционных политических течений. В исследованиях и СМИ фашизмом называют проявления тоталитаризма в сочетании с идеей расовой исключительности, симпатии к нацистской символике и эстетике. Ввиду размытости смыслового содержания слово «фашизм» нередко используется для дискредитации политических противников..

¹ И.А.Ильин. О грядущей России. Избранные статьи. М., 1993. С.67..

привлекает возможность преодолеть социальное отчуждение благодаря принадлежности к «избранной» национальной или расовой группе, к партии, обещающей общественные перемены.

Фашизм проявил себя как антилиберальная и антисоциалистическая идеология. Его основные политико-идеологические постулаты состоят в следующем.

Общественная и личная жизнь подлежит жесткому контролю со стороны государства, представляющего высшие интересы нации. Ему должны неукоснительно подчиняться индивиды и социальные группы. В нем не может быть места плюрализму и разделению властей.

Вершина властной иерархии – вождь, наделенный сверхъестественными качествами, выразитель «духа нации» и ее «исторической судьбы».

Высшая ценность – собственная нация, которая превосходит другие народы и потому должна находиться в привилегированном положении. Ее процветание может быть достигнуто путем ограничения жизненного пространства или вообще уничтожения «низших» рас. Согласно идеологии национал-социализма, единственная «культуросозидающая» раса – «арии», к которым относятся прежде всего немцы и народы Северной Европы.

Этатизм, фюреризм и расизм являлись политико-идеологической основой формирования тоталитарных режимов и проведения экспансионистской внешней политики.

Теоретически важным является вопрос об истоках и особенностях основных разновидностей фашистской идеологии.

Протофашистские идеи просматриваются в мировоззрении французского консерватора Жозефа де Местра. Как показал в своем исследовании И. Берлин, это:

- антирационалистическое понимание природы человека;
- иррациональная трактовка общественной жизни, мифология традиций, истоков, корней;
- мистика крови и смерти¹.

При наличии общих черт фашизму присущи национальные особенности.

Итальянский фашизм базировался на элитарных идеях Платона и Гегеля, на концепции «органистского государства», оправдывающей агрессивные действия власти во имя блага преданного ему населения. Культивировалась идея воссоздания Великой Римской империи.

Одна из основных идей итальянского фашизма – идея корпоративного государства, которая исходит из того, что человек может выразить себя как гражданин, только будучи членом группы. В корпоративной системе экономика организуется контролируруемыми государством

¹ См.: Берлин И. Философия свободы. М.: Новое литературное обозрение. 2001. С.206 – 298.

ассоциациями труда и капитала, где все трудятся в согласии под руководством однопартийной диктатуры.

Если для итальянского фашизма характерен национализм, то для германского – расизм. Германский национал-социализм опирался на идеи расового превосходства Артюра Гобино, на ряд положений Иоганна Фихте, Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше. Особую роль в обосновании принципа фюреризма сыграла ницшеанская идея «сверхчеловека», который в интересах своей расы имеет право преступать нормы общественной морали, якобы созданной для того, чтобы слабые могли господствовать над сильными. Характерной особенностью национал-социализма была теория заговора западной plutократии и большевизма против Германии.

Неофашистская идеология, воспринявшая основные постулаты классического фашизма, отвергается массовым сознанием и в целом не оказывает существенного влияния на духовную атмосферу демократических государств. Неофашисты представляют собой малочисленные маргинальные группировки, не имеющие широкой электоральной поддержки. Вместе с тем существует опасность фашистского перерождения национальных, коммунистических, религиозных и иных идеологий, ориентирующихся на обеспечение привилегированного общественного статуса для некоторых социальных групп («коренное население», «авангард общественного прогресса») и предлагающих радикальные средства достижения этой цели.

Рост неофашистской угрозы стимулируется опасениями европейцев по поводу возможной утраты своей национальной и культурной идентичности в связи с возросшими масштабами иммиграции в основном из афро-азиатских государств. Усиливающиеся антииммигрантские настроения подпитывают праворадикальные партии, стоящие на позициях крайнего национализма и шовинизма, близких к фашизму. В обстановке социальной напряженности, создаваемой иммиграцией, эти партии начинают обретать политический вес и статус акторов, которые играют заметную роль в ведущих европейских странах (Италия, Франция, Германия) и небольших государствах.

Русский фашизм был распространён в 30-40-е гг. среди белоэмигрантов, проживавших в Германии, Маньжурии и США. Характеризовался симпатиями к итало-германскому фашизму, антикоммунизмом и антисемитизмом. В Германии (в отличие от Маньжурии) активной политической деятельности не вёл, ограничиваясь издательской деятельностью. С началом Второй мировой войны русские фашисты в Германии поддерживали А. Гитлера и влились в отряды коллаборационистов.

Ксенофобия, агрессивный национализм, расистско-нацистские представления о праве на особое положение для одной национальной (русские) или этнической группы (славяне) занимают главное место в воззрениях российских ультраправых. Усилению этнофобских и псевдопатриотических настроений способствуют такие факторы, как «сжатие» страны и произошедшее ослабление ее позиций в мире после распада СССР, острейшее социальное неравенство, деградация культуры, дискриминируемое положение соотечественников в постсоветских государствах, неконтролируемый приток мигрантов с Кавказа и из Центральной Азии, не стремящихся интегрироваться в российский социум и нередко пренебрегающих его традициями и ценностями.

В настоящее время к профашистским относят радикальные группировки, симпатизирующие А. Гитлеру и проводившейся им политике, использующие нацистскую символику (свастика, чёрные рубашки, римский салют).

Идеология и программа профашистских группировок вторична и компилятивна. Их доктрина сочетает два базовых принципа - расовая теория, («приоритет крови»), и национальная идеология (всё для нации, ничего кроме нации, ничего выше нации, интересы которой тождественны интересам государства).

Из этой доктрины вытекает определённая программа приоритетов, а именно: расовая и национальная сегрегация, расовая гигиена, национально-пропорциональное представительство, культ семьи и поощрение рождаемости русских, борьба с народами паразитами, под которыми подразумеваются прежде всего кавказцы и евреи.

В области государственного устройства ставка делается на корпоративное, патерналистское государство, пронизанное иерархической партийной структурой во главе с вождём. Акцентируются антилиберализм и антидемократизм, идея подлинно национальной элиты, исповедующей идеи национал-социализма.

В области экономики акцент делается на так называемый «третий» путь, ибо и капитализм и социализм рассматриваются как два облика иудеомасонства или иудеокommунизма. Этот путь предполагает создание мощного госсектора с допущением элементов частной собственности, государственное регулирование экономики, протекционизм по отношению к национальному предпринимательству.

В области национально-государственного устройства предполагается унитарная Россия с допущениями национально-культурной экономики. В области внешней политики ставка делается на антиамериканизм и антизападничество.

В настоящее время группировки профашистского толка не представляет собой серьёзной политической силы. Но нельзя

недооценивать его потенциал. У этих группировок неплохие отношения с определёнными армейскими кругами, госбезопасностью, рядом финансовых структур и криминалитетом. Основной контингент профашистских организаций – молодые рабочие и студенты. Можно предположить, что деятельность доморожденных неофашистов координируется в европейском масштабе в рамках «Чёрного интернационала».

Мировое сообщество должно проявлять бдительность в отношении идеологий, стремящихся обосновать превосходство одних групп над другими, препятствовать их распространению и реализации ввиду создаваемой угрозы демократическим институтам.

9.4 ИСЛАМИЗМ

Исламизм – идеология, компонент массового сознания и политическая практика. Его ключевая проблема - определение мусульманской ниши в мировом развитии, построение оригинальной модели общественного уклада, которая зиждилась бы на принципах ислама.

Исламизму как идеологии и политическому действию присущи следующие особенности. Во-первых, он ориентирован на реставрацию изначальных исламских ценностей и представлений; во-вторых, предполагает единство светского и религиозного начал в жизни общества, не приемлет секулярности; в-третьих, исходит из необходимости сильного лидерства, совмещающего светскую и духовную власть и обеспечивающего социальную справедливость; в-четвертых, отторгает чуждые ценности и неисламский опыт. Развитие общества на основе исламских ценностей и благодаря созданию исламского государства рассматривается как некий третий путь, альтернативный и либеральной демократии и социализму, как ответ на «вызовы» Запада.

В современном исламизме следует выделить умеренное и радикальное течения. Первое из них, состоящее из исламистов-прагматиков и имеющее наибольшее число сторонников, существует практически во всех арабских и многих мусульманских странах в форме легально действующих партий и общественных организаций. К радикальному исламизму относятся группировки, провозглашающие «священную войну» (джихад) против «иноверцев» и «мирового зла» (в лице США) в качестве единственного способа создания исламского государства. Это течение имеет скорее не религиозные, а общественно-политические корни.

Джихадисты ведут борьбу не только с Западом, но и мусульманскими правителями, нарушающими, по их представлению, установки исламской религии. Они давно стремятся к свержению некоторых режимов в арабских странах (Египет, Алжир), а после англо-американского вторжения в Ирак активизировали террористические акции против саудовского правительства, продемонстрировавшего готовность сотрудничать с антитеррористической коалицией.

Известный американский специалист по Ближнему Востоку Д. Пайпс отмечает следующие различия между основными течениями в исламе: «Если традиционный ислам учит людей жить в соответствии с волей Бога» и боится с Запада, то радикальный ислам предлагает альтернативную модель глобализации, отвергающую западные ценности «во имя создания закрытого порядка, основанного на исламе»¹.

Д. Пайпс рассматривает радикальный ислам как исламский вариант современных радикальных утопий, который, как и его радикальные утопические предшественники – марксизм-ленинизм и фашизм, «прокламирует цель конструирования идеального общества, принуждая людей жить в рамках заранее продуманного плана...»². По его мнению, радикальный ислам, «вопреки всему, что о нем говорят, - это невозврат к прошлому; это современная идеология, предполагающая не средство возвращения к давнему образу жизни, а инструментарий для пресечения модернизации»³.

В стратегии радикальных исламистов Д. Пайпс выделяет три основных элемента: первый – создание «твердого ядра» («Аль-Каида», Талибан и т.д.), насчитывающего несколько тысяч бойцов; второй – привлечение «симпатизирующих» из числа находящихся вне рядов каких-либо организаций (от 10 до 15% всего мусульманского населения, т.е. 100-150 млн. человек); третий – работа с мусульманами, не разделяющими радикальных исламистских взглядов, но охваченных антиамериканскими настроениями (по мнению автора, около 500 миллионов)¹.

Для исламизма характерно усиление фундаменталистских, ортодоксально традиционалистских тенденций, проявляющихся в стремлении вернуться к истокам веры и решать проблемы мусульманских обществ исключительно с использованием норм шариата (системы нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны), объединить мусульман во «всемирном халифате».

В тех странах, где исламские фундаменталисты приходили к власти (Иран, Афганистан), они не сумели продемонстрировать превосходство над предшествующими режимами во внутренней и

¹Pipes D. L' Islam radical. A la conquete du monde. Paris, "Cheminevements". 2008. P.31,32.

² Ibid. P.28.

³ Ibid. P.39.

¹ Ibid. PP.209-210.

внешней политике, осуществить обещанные преобразования в соответствии с постулатами Корана о справедливости и равноправии. Их действия по созданию «исламского государства» вызвали глубокое разочарование сторонников.

Активное в наши дни религиозно-политическое движение фундаменталистского толка ваххабизм возникло в середине XVIII века на основе учения аравийского проповедника Муххамада ибн Абд аль-Ваххаба (1703/4 – 1797/8). Он требовал возвращения мусульманской религии к ее истокам, выступал за джихад против тех, кто отступал от текста Корана и допускал произвольное его толкование.

В 1932 г. ваххабиты в результате борьбы создали независимое исламское государство - Саудовскую Аравию. С 60-х годов и особенно после ввода советских войск в Афганистан в ваххабитской среде резко усилились джихадистские настроения, которые распространились за пределы королевства, в том числе на территорию России, особенно Северный Кавказ.

В 1999 г. радикалами была предпринята авантюрная попытка создания исламского государства в составе двух республик – Чечни и Дагестана. Группировка Ш. Басаева даже захватила часть территории Дагестана и провозгласила просуществовавшую несколько дней Исламскую республику Дагестан, сформировав «исламское» правительство.

Радикализация и политизация ислама не может быть объяснена только исходя из социально-экономических условий – бедностью, нищетой, безработицей и подобными явлениями, порождающими экстремизм. Как известно, Саудовская Аравия – одно из наиболее процветающих государств Ближнего Востока, но именно саудовское общество является базой поддержки исламского радикализма. Кроме того, многие лидеры наиболее экстремистских исламских группировок – выходцы из богатых семейств, находящиеся на верхних этажах социальной иерархии, получившие современное образование.

С учетом того обстоятельства, что террористы-самоубийцы появляются преимущественно в достаточно благополучных странах и не испытывают материальных лишений, представляется справедливой следующая констатация Д. Пайпса: «Процветание не решает проблему распространения радикального ислама, это же относится и к иностранной помощи. Вестернизация также не решает проблему. Иногда даже кажется, что она порождает ненависть к Западу»¹.

Более согласуется с действительностью объяснение исламского радикализма, основанное не на статично-экономическом подходе, а исходя из экономической и политической депривации. Иначе говоря, серьезные резоны имеет акцентирование таких факторов, как

¹ Ibid. P. 139.

существенное снижение жизненного уровня населения, нарастание социально-экономических трудностей, отсутствие возможностей политического участия в делах общества, господство репрессивных режимов, засилие клановых структур. Действие всех этих факторов безусловно питает радикализм, но в целом является его фоном и удобным предлогом.

Было бы неверным искать объяснение радикализма исключительно в духовной сфере, и особенно в религии («вековая ненависть мусульман к христианам», «долг - правоверного – убивать неверных» и т.д.). Ислам как религия не призывает к насилию и террору и не поощряет их. Либералы из числа исламистов интересуются возможностью синтеза исламских ценностей с западной традицией.

Главная причина политизации и радикализации ислама состоит прежде всего в разочаровании и фрустрации его приверженцев, вызванных тем, что «мусульманское сообщество избранных» оказалось в современном мире на обочине, переживает упадок и вынуждено бессильно созерцать, как «неверные» определяют судьбы человечества и правят миром. Фиаско всех светских форм правления, заимствованных у «неверных», - от западной «парламентской демократии» до насеровско-баасистского «государственного социализма» привело мусульманских активистов к выводу о том, что первопричина бед – отход от принципов изначального ислама, а путь к решению многочисленных проблем – восстановление этих принципов во всех сферах жизнедеятельности.

Эмоциональная напряженность и психологический дискомфорт мусульман вызваны также потерей Палестины вместе с Иерусалимом, серией поражений в войнах с Израилем. Эти события воспринимаются не столько как политическая, сколько как религиозная трагедия, как оскорбление ислама. Поддержка Израиля Соединенными Штатами в глазах мусульман и прежде всего арабов делает Америку их главным врагом, «мировым злом».

Таким образом, радикальный политический ислам не является чисто религиозным феноменом, борьбой ислама против христианства и иудаизма. Он в значительной степени представляет собой реакцию на «упадок исламского мира» и отражает стремление мусульман возродить свое достоинство путем развития собственных мировоззренческих и культурных оснований, преодолеть отставание от «безбожного» и «материалистического» Запада.

Представляется справедливым мнение Д. Пайса о причинах непримиримости исламистов: радикализм вызван не каким-то религиозным рвением, а является результатом аккумуляции определенного политического опыта, приведшего к выводу о необходимости создания теократического тоталитарного государства как единственного способа сохранения самобытности мусульманской

«суммы» (общины) перед лицом экспансии со стороны декадентской цивилизации Запада¹

Из-за дисперсности исламской цивилизации ее перспективы трудно прогнозируемы. Вместе с тем потенциально эта цивилизация обладает огромной мощью, динамизмом и могла бы внести значительный вклад в развитие человечества. Судьба исламской цивилизации в существенной степени зависит от ее способности вписаться в процессы глобализации, адаптироваться к условиям информационной революции. Насильственные акции, разжигание ненависти и призывы к беспощадной борьбе с «иноверцами» могут нанести непоправимый урон естественному приспособлению исламских ценностей к постмодернистским реалиям современного мира.

Отечественные востоковеды (А. Малашенко, Г. Мирский и др.) обоснованно констатируют, что воинствующий фундаментализм ведет к изоляции мусульманских государств и отходу от магистрального пути мирового прогресса. Для предотвращения терроризма они считают необходимым длительный, рассчитанный на многие годы внутримусульманский дискурс, в ходе которого радикалам и экстремистам, использующим ислам для прикрытия своих человеконенавистнических проектов, был бы дан достойный идейный отпор, а их взгляды, искажающие и компрометирующие подлинный ислам, были бы разоблачены и отброшены².

Для позиции западного исламоведения по вопросу о способах нейтрализации угрозы, исходящей от исламского радикализма, характерны суждения, высказанные Д. Пайпсом. Признавая популярность и распространенность радикального ислама, невозможность его уничтожения чисто военными средствами, Д. Пайпс считает, что эффективная стратегия противодействия исламистам должна включать: во-первых, «убеждение и сдерживание» с целью доказать контрпродуктивность насильственных акций как способа достижения политических целей и, во-вторых, привлечение в качестве союзников умеренных мусульман, которыми были бы противовесом радикала³.

По мнению Д. Пайпса, соперничество основных течений ислама будет длительным и, вероятно, наиболее масштабным идеологическим противостоянием со времен холодной войны, а успех умеренного является наиболее эффективной формой контртерроризма⁴.

¹Ibid. PP. 109,177, 315.

² См.: Мирский Г. Исламизм – третья ступень ракеты деколонизации? <http://www.wpec.ru/text/20080520041.htm>; Малашенко А. Исламизм на все времена <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/71833.htm>

³ Pipes D. Op.cit.P.222.

⁴ Ibid. P.314, 317,318.

Ценность исследований по проблематике радикального ислама состоит в том, что они не только обеспечивают прирост нового знания, но и привлекают внимание мирового сообщества к создаваемой исламскими экстремистами беспрецедентной опасности для самого существования цивилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные идеологии, в недавнем прошлом претендовавшие на объяснение и преобразование мира, сохраняют научное и практическое значение и в начале XXI века. Однако в меняющемся интеллектуальном пространстве постиндустриального, информационного мира ослабевает прежде жесткая привязанность идеологий к строго определенному социальному носителю – группе, слою, классу, государству.

В глоболизирующемся мире во многом утрачивает смысл традиционное разделение идеологий на «левые» и «правые». Это связано с действием ряда факторов – усложнением и фрагментацией социумов, изменением содержания наиболее влиятельных идеологий и их взаимодействием в политическом пространстве, появлением множества новых идеологических течений, размывающих «лево-правый» идеологический спектр.

Происходит сближение мировых идеологий – либерализма, консерватизма и социал-демократизма, создавая проблему их самоидентификации. Основными характеристиками наиболее приемлемой модели общественного развития сторонники этих идеологий считают рыночную экономику, в необходимых пределах регулируемую государством, обеспечение прав и свобод граждан, их социальную защищенность.

На общественное сознание усиливающееся воздействие оказывают формирующиеся надклассовые и наднациональные концепты, вызванные к жизни тенденциями глобального развития и потребностью в осмыслении интегрирующегося мира. К числу наиболее влиятельных идейных и идеологических построений последних десятилетий могут быть отнесены прежде всего феминизм, коммунитаризм, антиглобализм (альтерглобализм), политический исламизм. С той или иной долей условности идеологические течения могут быть классифицированы как умеренные и радикальные.

В основе происходящих сегодня трансформаций в духовной сфере лежат изменения тех базисных начал, на которых покоились доминирующие идеи и идеологии XIX – XX веков. Важнейшие из этих изменений таковы:

- кардинальная ломка социально-классовых структур большинства стран, размывание не только четких стратификационных параметров классов, слоев, групп – носителей идей и идеологий, но и границ между ними, усиливающаяся аморфность социальной базы основных идеологических течений;
- окончание «холодной войны», а вместе с ней и жесткого противостояния крупнейших мировых держав и систем с их идейными и идеологическими ориентирами;

- эволюция однополюсной системы в полицентричную, общее усложнение международных отношений;
- соперничество цивилизаций за доминирование в мире и обладание ресурсами, являющееся источником турбулентности в международных отношениях и генерирующее конфликты;
- универсальный, либеральный характер преобразований в странах Восточной Европы и Прибалтики, позволивший большинству из них сравнительно безболезненно войти в систему связей, союзов и структур Запада;
- интенсивные интеграционные процессы, охватившие страны Западной Европы (ЕС, ОБСЕ), Северной Америки (НАФТА) и Азиатско-Тихоокеанского региона (АСЕАН, АТЭС, ШОС);
- функционирование социального государства в странах Запада, обеспечивающего гражданам достойные условия жизни и минимизирующего уровень групповой и классовой конфликтности;
- культурный и в значительной степени идейный космополитизм современного мира;
- глобализационные процессы, формирующие единое общемировое политическое, экономическое, культурное и информационное пространство;
- противостояние наиболее развитых идеологий, связанных с глобализацией, и конфронтационного изоляционистского мышления социальных сообществ в различных странах, включая наиболее развитые;
- усиливающаяся потребность в создании системы глобального управления, в выработке новых правил поведения политических акторов, которые обеспечивали бы мир и безопасность.

В предстоящие десятилетия из ныне наиболее влиятельных идеологий наибольшее воздействие на мировую политику окажут либерально-реформистский глобализм и в качестве левой альтернативы ему идейно-политические системы умеренно социалистической и социал-демократической ориентации, готовые принять глобализацию, но не в либеральной модели. На фоне вероятного дальнейшего ослабления позиций коммунистической идеологии социал-реформистский глобализм имеет реальные шансы стать основным левым проектом.

На внутригосударственном уровне и в мировой политике будут присутствовать идейные течения, составляющие мировоззренческую основу антиглобализма, - анархистские, некоммунистические, социал-популистские и пр. Они будут активными оппонентами либеральному и социал-реформистскому глобализму, выдвигая различные концепты «социальной справедливости».

Интересы социальных групп и сообществ, ущемлённых глобализацией или её проявлениями, найдут выражение в идеологиях фашистского, радикал-националистического и экстремистского толка.

Эти идейные течения скорее всего окажутся маргинальными и ограниченно влияющими на социальные процессы. Результатом происходящих изменений может быть сохранение или даже возрастание значимости идеологических процессов в мировом развитии. Преобладающей идеологией, видимо, станет идеология глобализма, основывающаяся на компромиссном мышлении и интеграционной мотивации.



MoreBooks!
publishing



yes i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com



VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

